12+

ВЕСТНИК

ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1/2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1 / 2019

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2019

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-717X (Online)
ISSN 2308-7218 (Print)
ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2013 г.
Выходит 2 раза в год

Серия № 1. **Психологические и педагогические науки**

ВЫПУСК 1 / 2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Издатель – ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1 / 2019: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс] / ред. кол. вып.: Е.А. Силина (отв. ред. вып.), Н.В. Коптева, О.С. Самбикина, Л.Л. Баландина (отв. секретарь вып.); Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2019. – 106 с. – 5,5 Mb.

Предлагаемый выпуск «Вестника ПГГПУ» (серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями и студентами кафедры педагогики и психологии ПГГПУ, кафедр общей и клинической психологии, психологии развития ПГНИУ. Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии: общая психология и психология личности, социальная психология, психология развития и возрастная психология, психология семьи, клиническая психология.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, студентам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:
Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред.)
Л.А. КОСОЛАПОВА – д-р пед. наук, проф., и. о. зав. кафедрой педагогики ПГНИУ (зам. отв. ред.)
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)
Н.А. ГАНГНУС – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:
Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред. вып.)
Н.В. КОПТЕВА – д-р психол. наук, проф. кафедры практической психологии ПГГПУ
О.С. САМБИКИНА – канд. психол. наук, доц., зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии ПГГПУ
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь вып.)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-54747 от 17.07.2013 г.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.
Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)
Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:
URL: http: // www.vestnik1.pspu.ru
Электронная почта журнала: lbalandina2017@yandex.ru – Баландиной Людмиле Леонидовне;
pedagog@pspu.ru – Гангнус Наталии Андреевне

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© Коллектив авторов, 2019
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2019

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ 4
КОРНИЕНКО Д.С., МОРДВИНОВА С.А. ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ СИМПТОМОКОМПЛЕКСА ТЕМНАЯ ТРИАДА 4
II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 13
ЗАРИПОВА Л.З., ПОПОВА Т.А., СТРЯПУНИНА Н.А. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИМИДЖЕ 13
ХАРЛАМОВА Т.М., РЯПОСОВА А.В. РОЛЬ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВЫБОРЕ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ 25
III. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 36
ЖДАНОВА С.Ю., ДОРОНИНА В.Ф. СОВЛАДАНИЕ С КОНТЕНТНЫМИ РИСКАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ У СТУДЕНТОВ 36
ЖДАНОВА С.Ю., КОНДАКОВА К.А. ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 44
ПОПОВА Т.А. СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРСЫ БЛАГОПОЛУЧНОГО СТАРЕНИЯ 49
РУДНОВА Н.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ КУРСОВ ОБУЧЕНИЯ 59
IV. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ 66
БЯЧКОВА Н.Б. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРАМЕТРОВ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ И ВЫБОРА СУПРУГАМИ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ 66
РАДОСТЕВА А.Г. МОТИВАЦИЯ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА КАК КОМПОНЕНТ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ 73
V. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ 80
БАЛАНДИНА Л.Л., БЕРДНИКОВА Р.К. ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПОСТИНСУЛЬТНОЙ ДЕПРЕССИИ 80
БАЛАНДИНА Л.Л., ХИРЕВИЧ Д.Д. ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ЖИЗНЕННАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ 89
ХАРЛАМОВА Т.М., МИТРОФАНОВА Е.С. ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОГО РАССТРОЙСТВА У КАРДИОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ 96

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.923

Корниенко Дмитрий Сергеевич
доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и клинической психологии
e-mail: dscorney@gmail.com

Мордвинова Светлана Алексеевна
студентка IV курса по направлению подготовки специалистов «Клиническая психология» философско-социологического факультета
e-mail: sveta.mordvinova98@mail.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Россия, Пермь
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342)239-66-17

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ СИМПТОМОКОМПЛЕКСА ТЕМНАЯ ТРИАДА

Dmitrii S. Kornienko
Sc.D., Professor of the Department of General and Clinical Psychology
e-mail: corney@yandex.ru

Svetlana A. Mordvinova
Fourth Year Student of Clinical Psychology, Philosophy and Sociology Faculty
e-mail: sveta.mordvinova98@mail.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

THE PERCEPTION OF PEOPLE WITH DIFFERENT SYMPTOM SEVERITY OF THE DARK TRIAD

Аннотация. Исследования симптомокомплекса Темная триада проводятся как для определения взаимосвязей с другими психологическими характеристиками, так и с целью изучения того, как воспринимаются носители высокого макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Цель данного исследования – выявить специфику в отношении к представителям полярной выраженности симптомокомплекса Темная триада.

© Корниенко Д.С., Мордвинова С.А., 2019

Выборку составили 100 человек в возрасте от 18 до 30 лет. В рамках экспериментальной части на респондентов оказывалось воздействие позитивной или негативной информацией, а затем просили оценить образы (портретные описания) с высокой или низкой выраженностью симптомокомплекса Темная триада. Также была проведена диагностика личностных черт пятифакторной модели и составляющих Темной триады у респондентов. Несмотря на то что текст угрозы оказал влияние на респондентов, оценки человека с низкой выраженностью Темной триады оказались выше. Связи личностных черт респондентов и оценок положительного, так и отрицательного образов обладают спецификой в зависимости от того, какой образ являлся объектом оценки. Так, оценки человека с низким уровнем черт Темной триады связаны с высокой доброжелательностью и сознательностью, низкой психопатией и нарциссизмом. Оценка противоположного образа связана с макиавеллизмом и высоким нарциссизмом.

Ключевые слова: Темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, восприятие, образ.

Abstract. Lots of studies showed the relationships between Dark Triad and other psychological characteristics. At the same time, the perception and attitudes towards people with high or low Dark Triad remain unclear. The purpose of this study is to identify the perception of the representatives with opposite Dark Triad traits.

The sample consisted of 100 people aged 18 to 30 years. As part of the experimental design, the respondents were affected by positive or negative information and then asked to evaluate images (portrait descriptions) with a high or low Dark Triad traits. The evaluation of the personality traits of the five-factor model and the Machiavellianism, narcissism, and psychopathy of the respondents was also carried out. Although the threat text had an impact on the respondents, the assessment of a person with low Dark Triad traits turned out to be higher. Relationships of the personality traits of the respondents and evaluations of positive and negative images are specific. The assessment of a person with a low level of traits of the Dark Triad is associated with high agreeableness and consciousness, low psychopathy, and narcissism. Evaluation of the different image is associated with Machiavellianism and high narcissism.

Key words: Dark triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, perception, image.

Понятие «Темная триада» вошло в число психологических терминов сравнительно недавно, в 2002 г. [14], но при этом стало одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в изучении «негативных» сторон личности. Составляющие Темной триады – нарциссизм, макиавеллизм и психопатия, имея свое собственное содержание и историю исследований в психологической науке объединены в симптомокомплекс в связи со сходным влиянием на различные аспекты личности и поведения [6, 10, 12, 17, 18]. Большое количество исследований о связях симптомокомплекса Темная триада

с другими характеристиками позволили определить прежде всего негативные [2, 9], но также и позитивные эффекты [11, 13, 15] данных черт на поведенческие особенности.

Отдельным направлением является исследование того, как воспринимаются носители различной выраженности данного симптомокомплекса. Обсуждению данного вопроса посвящено несколько исследований, в которых установлено, что высокий нарциссизм воспринимается более положительно, чем два других качества. Носители высокого макиавеллизма характеризуются другими как не склонные к социальным контактам, а представители высокой психопатии – как расчетливые и с низкой эмпатией [16].

Данное исследование продолжает серию работ, связанных с изучением пространственно-символической угрозы как негативного фактора, влияющего на характеристики самосознания и представлений о мире [8]. В частности, это воплотилось в исследованиях влияния информации на восприятие мигрантов и было связанно с анализом роли социальной угрозы или поддержки [1, 7]. Исследуя образ прогрессивного или традиционного человека в условиях угрозы/поддержи, было обнаружено, что именно описание определяет более высокую оценку образа прогрессивного человека независимо от ощущения негативного или позитивного информационного воздействия [5].

Исходя из вышеизложенного основными предположениями данного исследования являются следующие.

Образ человека с высокой Темной триадой будет оцениваться респондентами скорее негативно, чем образ человека с низкой выраженностью Темной триады. Однако можно ожидать, что тексты угрозы/поддержки будут оказывать влияние на оценку образов.

Личностные черты респондентов (черты Темной триады и пятифакторной модели) по-разному будут связаны с оценкой образов.

Организация и методы исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 18 до 30 лет, (M = 22,49; SD = 2,72), 50 % мужчины.

Организация эксперимента

Опрос респондентов проходил с помощью сайта опросов Google Forms по предложенной организаторами исследования ссылке и путем заполнения электронных бланков опросников. Участникам после предварительной инструкции предъявлялся один из двух текстов: угрозы и поддержки, а затем один из двух портретов девушек – носителей черт симптомокомплекса Темная триада с высокой и низкой выраженностью. Далее участники оценивали свое отношение к одному из портретов и заполняли личностные опросники. В результаты было сформировано 4 группы (2 текста, 2 образа) по 25 человек. Выбор текстов и портрета осуществлялся случайным образом, но для выравнивания количества респондентов в подгруппах возможности выбора регулировались.

Стимульный материал и методики

1. Портретные описания девушек с полярной выраженностью симптомокомплекса Темная триада были составлены на основе вопросов и шкал «Краткого опросника Темной триады» [3]. Респонденты читали тексты, написанные от первого лица. Первая девушка характеризуется манипулятивностью, склонностью к обману, стремлением к превосходству, низкой эмпатией и отсутствием эмоциональных переживаний по поводу собственных действий. Вторая девушка обладает противоположными характеристиками. Описания прошли экспертную оценку относительно того, насколько они отражают именно проявления макиавеллизма, нарциссизма и психопатии.

2. «Шкала отношения к образу» [1, 7] включает в себя 15 утверждений, которые оцениваются по шкале от 1 («совершенно не согласен») до 7 («совершенно согласен»). Шкала позволяет получить когнитивную, эмоциональную и поведенческую оценки рассказчика, а также кумулятивную оценку на основе среднего от трех оценок.

3. Участники заполняли русскую версию краткого опросника Темной триады (Short Dark Triad), состоящую из 27 пунктов, с которыми респондент выражает согласие при помощи шкалы от 1 («совершенно не согласен») до 5 («совершенно согласен»). Опросник позволяет диагностировать три черты: макиавеллизм, нарциссизм и психопатию.

Обработка данных осуществлялась на основе *t*-критерия, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA для выявления различий в оценках предъявленных портретных описаний и половых различий, а также корреляционного анализа по К. Пирсону для выявления взаимосвязей исследуемых показателей.

Результаты

Для определения того, что текст угрозы оказывает воздействие на респондентов. было проведено сравнение при помощи *t*-критерия. Обнаружено, что коэффициент ощущения социальной угрозы значимо выше у группы, которая читала именно угрожающий текст (t = -6,32; $p < 0,001$), в свою очередь группа, читавшая текст поддержки, также более высоко (t = 2,04; $p < 0,05$) оценила данный текст как поддерживающий. Средние и стандартные отклонения приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения шкалы угрозы и шкалы поддержки для разных текстов

Виды текста	Шкала угрозы	Шкала поддержки		
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Угрожающий текст	13,20*	4,27	13,92	4,49
Поддерживающий текст	17,82	2,91	12,1	4,45

* Большие значения свидетельствуют о меньшей социальной угрозе.

Для определения влияния текста статьи и портретного описания на отношение к образам с полярными характеристиками черт, составляющих Темную триаду, был использован двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения показателей оценки образа при разных уровнях фактора «образ носителя симптомокомплекса Темная триада» и при разных воздействиях (текст угрозы, текст поддержки)

Показатели отношения к образу	Текст	Образ носителя симптомокомплекса Темная триада			
		Высокая выраженность		Низкая выраженность	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Когнитивный	Угроза	15,2	6,90	22,76	6,70
	Поддержка	15,44	5,17	21,6	6,28
Эмоциональный	Угроза	12,16	5,77	25,36	7,03
	Поддержка	12,72	4,93	23,92	6,78
Поведенческий	Угроза	15,2	5,97	26,36	6,19
	Поддержка	15,8	5,70	25,32	6,41
Общая оценка	Угроза	14,4	4,42	12,00	3,83
	Поддержка	17,2	3,21	18,44	2,48

Был обнаружен только главный эффект образа носителя симптомокомплекса Темная триада по всем показателям отношения к образу: когнитивный (F (3, 100) = 29,64, $p < 0,01$), эмоциональный (F (3, 100) = 97,28, $p < 0,001$), поведенческий (F (3, 100) = 77,46, $p < 0,001$) и общая оценка (F (3, 100) = 77,06, $p < 0,001$). Средние и стандартные отклонения по шкалам отношения к образу носителя симптомокомплекса Темная триада приведены в табл. 2 и на графике ниже.

Фактор социальной угрозы не оказал значимого влияния, не обнаружилось и взаимодействие факторов.

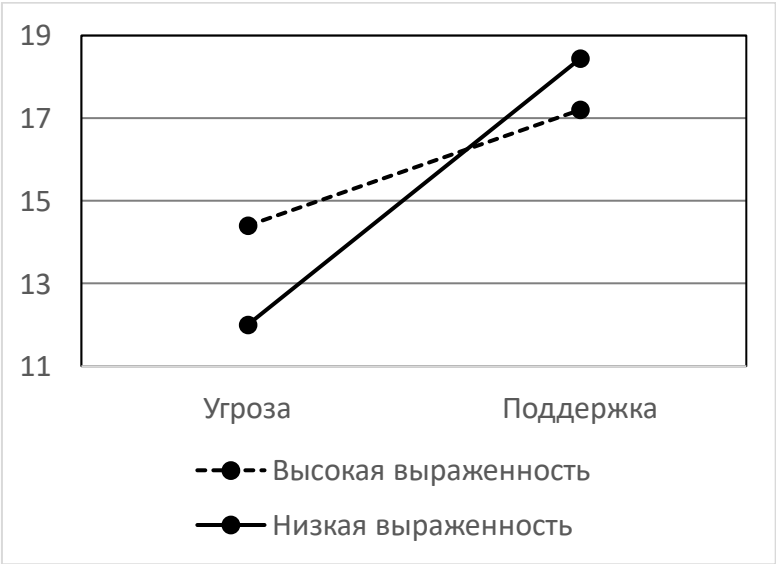


График средних значений общей оценки носителя симптомокомплекса Темная триада в условиях социальной угрозы или поддержки

Половые различия были обнаружены только по фактору «образ носителя симптомокомплекса Темная триада» вне зависимости от эффекта текстов поддержки/угрозы (F (3, 100) = 76,76, p < 0,001).

При рассмотрении различий по фактору «образ носителя симптомокомплекса Темная триада» в личностных чертах респондентов были обнаружены значимые различия в показателе «доброжелательность» (t = -2,22; p < 0,05) в группе, получившей социальную поддержку.

Однако при рассмотрении корреляций в группах, оценивавших носителя симптомокомплекса Темная триада с высокой и низкой выраженностью, были обнаружены и другие взаимосвязи (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные взаимосвязи личностных черт и оценок отношения носителей симптомокомплекса Темная триада

Черты личности	Показатели отношения к образу							
	Высокая выраженность симптомокомплекса Темная триада у образа				Низкая выраженность симптомокомплекса Темная триада у образа			
	К	Э	П	О	К	Э	П	О
Макиавеллизм	,475**	,312*		,402**				
Нарциссизм	,371**	,313*	,470**	,443**	-,308*	-,301*	-,308*	-,329*
Психопатия						-,325*	-,340*	-,326*
Доброжелательность					,326*	,385**	,474**	,425**
Сознательность		-,317*			,443**	,427**	,369**	,446**

Примечание: компоненты отношения к образу: К – когнитивный, Э – эмоциональный, П – поведенческий, О – общая оценка.

Макиавеллизм положительно связан с когнитивным, эмоциональным компонентами и общей оценкой отношения к образу с высокой Темной триадой, при этом связей макиавеллизма с оценками отношения к образу с низкой Темной триадой не обнаруживает. Нарциссизм связан со всеми компонентами отношения к образу носителя симптомокомплекса Темная триада – положительно при высокой выраженности симптомокомплекса Темной триады и отрицательно при низкой выраженности симптомокомплекса Темной триады. Отрицательные связи психопатии обнаружены с эмоциональным и поведенческим компонентами и общей оценкой отношения к образу с низкой Темной триадой. Доброжелательность и сознательность положительно связаны со всеми компонентами отношения к образу с низкой выраженностью симптомокомплекса Темная триада. Сознательность также обнаруживает отрицательную взаимосвязь с эмоциональным компонентом отношения у образа высокой выраженностью симптомокомплекса Темная триада.

Обсуждение результатов

Несмотря на то что экспериментальное воздействие имело силу и прочитанные тексты полярно оценивались респондентами, на оценку образов это не повлияло. Вне зависимости от читаемого текста оценка носителя черт

Темной триады с высокой выраженностью была значимо ниже по всем компонентам отношения. Так, человек с выраженным макиавеллизмом, нарциссизмом и психопатией не рассматривается как интересный и приятный собеседник, его ценности и взгляды не разделяются, он вызывает эмоциональное неприятие и нежелание вступать с ним во взаимодействие. Подобный факт не является новым. Так, в исследовании Д.С. Корниенко, М.В. Балева, Н.А. Руднова [4] также было выявлено, что носитель низкой выраженности черт Темной триады, получает более высокую оценку.

Личностные черты респондентов обнаруживают различные взаимосвязи с компонентами отношения. Так, оценка образа с высокой Темной триадой связана с большей склонностью к манипулированию, чувством превосходства и демонстративностью респондентов, тогда как оценка образа с низкой Темной триадой связана с меньшей склонностью к проявлению чувства превосходства над другими, тщеславием, импульсивностью и склонностью к асоциальности. Кроме того, более высокий альтруизм и склонность к самоконтролю может приводить к большей положительной оценке образа с низкой Темной триадой. Среди всех полученных взаимосвязей наибольший интерес, на наш взгляд, представляют связи нарциссизма, которые являются полярными для противоположных образов носителей Темной триады. Возможно, что эта черта участвует в формировании впечатления о другом человеке, приводя к более или менее позитивному впечатлению. Подобные результаты также были продемонстрированы в работе Д.С. Корниенко, М.В. Балева, Н.А. Руднова [4], где показано, что оценка «положительного» и «негативного» человека полярным образом связана с чертами Темной триады у респондентов. Кроме того, в этом же исследовании было обнаружено, что у респондентов с высокой Темной триадой, несмотря на то что «положительный» образ оценивается выше, «негативный» также получает от них более высокие оценки, чем от респондентов с низкой и средней выраженностью Темной триады.

Вместе с тем полученные факты о взаимосвязях могут свидетельствовать не только о связи черт личности респондентов и оценки образов, но и о влиянии экспериментальной ситуации. Тексты не только создавали у респондентов эмоциональное состояние, но и приводили к «активации» разных черт личности, которые в свою очередь усиливали или снижали оценку образов с разной выраженностью Темной триады. Подтверждением данной интерпретации служит и различие в характеристике «доброжелательность» между группами. Возможно, что случайным образом группа, оценивавшая положительный образ, имеет более высокий уровень доброжелательности, однако так как опросники были предъявлены после воздействия, более вероятным является положительное эмоциональное состояние респондентов и «активность» черты «доброжелательность». Безусловно, подобные утверждения требуют дополнительной проверки.

Выводы

Оценка образа с низкой выраженностью Темной триады оказывается выше вне зависимости от эффекта, которые оказывают тексты поддержки или угрозы на респондентов, равно как и от пола респондентов. Таким образом, вне

зависимости от того, в каком эмоциональном состоянии находятся респонденты, оценки «плохого» человека всегда будут ниже, чем «хорошего».

Различные личностные черты респондентов связаны как с оценкой положительного, так и отрицательного образов. Низкая выраженность нарциссизма и психопатии, а также высокая выраженность доброжелательности и сознательности у респондентов повышает оценку положительного образа. Кроме того, нарциссизм респондентов усиливает оценку отрицательного и снижает оценку положительного образов.

Ограничения

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, в качестве стимульного материала рассматривались образы девушек, возможно, что при оценке образа мужского пола результаты будут иными. Во-вторых, возможно, что образы с разной выраженностью Темной триады оказывали эффект на респондентов, запуская рефлексию собственных личностных черт, что приводило к искажению ответов на вопросники. В-третьих, не был учтен фактор привлекательности и сходства образов с респондентами. Вместе с тем данные ограничения позволяют сформулировать гипотезы, которые могут быть проверены в дальнейшем.

Список литературы

1. *Балева М.В., Корниенко Д.С.* Эмоциональный характер информационного воздействия как фактор восприятия иммигрантов в России // Вестник Перм. гос. ин-та искусства и культуры. – 2007. – № 5. – С. 167–186.

2. *Егорова М.С., Паршикова О.В.* Исследование структуры фактора Честность, Скромность из шестифакторного опросника личности HEXACO [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10 (56), № 12. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 11.10.2018).

3. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 11.10.2018).

4. *Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А.* Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 62. – С. 2. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 12.05.2019).

5. *Корниенко Д.С., Ковбаснюк М.А.* Восприятие «прогрессивного» и «традиционного» человека в условиях позитивного и негативного информационного воздействия [Электронный ресурс] // Вестник Перм. гос. гуманит.-пед. ун-та. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. – 2018. – Вып. 1. – С. 5–17. – URL: http://vestnik1.pspu.ru/files/1-2018-1.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

6. *Ледовая Я.А., Боголюбова О.Н., Тихонов Р.В.* Стресс, благополучие и Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – № 8(43). – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 11.10.2018).

7. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Перм. гос. ин-та искусства и культуры. – 2006. – Т. 2, № 2. – С. 138–151.

8. *Burris C.N., Rempel J.K.* "It's the End of the World as We Know It": Threat and the Spatial–Symbolic Self // Journal of Personality and Social Psychology. – 2004. – Vol. 86, 1. – P. 19–42.

9. Dorian Gray without his portrait: Psychological, social, and physical health costs associated with the Dark Triad [Электронный ресурс] / P.K. Jonason, H.M. Baughman, G.L. Carter, P. Parker // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 78. – P. 5–13. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.008

10. Is there a "dark intelligence"? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others [Электронный ресурс] / U.K. Nagler, K.J. Reiter, M.R. Furtner, J.F. Rauthmann // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 65. – P. 47–52. – URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.025

11. *Jonason P.K., Buss D.M.* Avoiding entangling commitments: Tactics for implementing a short-term mating strategy [Электронный ресурс] // Personality and Individual Differences. – 2012. – Vol. 52(5). – P. 606–610. – URL: https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.12.015

12. *Jonason P.K., Luevano V.X., Adams H.M.* How the Dark Triad traits predict relationship choices [Электронный ресурс] // Personality and Individual Differences. – 2012. – Vol. 53(3). – P. 180–184. – URL: https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.03.007

13. *Jonason P.K., Li N.P., Buss D.M.* The costs and benefits of the Dark Triad: Implications for mate poaching and mate retention tactics // Personality and Individual Differences. – 2010. – 48. – P. 373–378.

14. *Paulhus D., Williams K.* The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol. 36(6). – P. 556–563.

15. Psychopathic personality traits predict competitive wins and cooperative losses in negotiation [Электронный ресурс] / L. Ten Brinke, P.J. Black, S. Porter, D.R. Carney // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 79. – P. 116–122. – URL: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.02.001

16. *Rauthmann J.F.* The Dark Triad and Interpersonal Perception: Similarities and Differences in the Social Consequences of Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy [Электронный ресурс] // Social Psychological and Personality Science. – 2012. – Vol. 3(4). – P. 487–496. – URL: https://doi.org/10.1177/1948550611427608

17. The Dark Triad: Facilitating short-term mating in men / P.K. Jonason, N.P. Li, G.W. Webster, D.P. Schmitt // European Journal of Personality. – 2009. – 23. – P. 5–18.

18. Valuing myself over others: The Dark Triad traits and moral and social values [Электронный ресурс] / P.K. Jonason, G.L. Strosser, C.H. Kroll et al. // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 81. – P. 102–106. – URL: https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.10.045

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.983:616/618+616-006

Зарипова Лина Зефаровна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
e-mail: Linochka03@gmail.com

Попова Татьяна Ананьевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
e-mail: permtan@yandex.ru

Стряпунина Наталья Анатольевна
студентка V курса философско-социологического факультета
e-mail: 9082433119@mail.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИМИДЖЕ

Lina Z. Zaripova
Associate Professor at Department of Developmental Psychology, Ph.D.
e-mail: Linochka03@gmail.com

Tatyana A. Popova
Associate Professor at Department of Developmental Psychology, Ph.D.
e-mail: permtan@yandex.ru

Natalya A. Stryapunina
5th year Student in Psychology, Philosophy and Sociology Faculty
e-mail: 9082433119@mail.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

GENDER DIFFERENCES IN SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT THE IMAGE

Аннотация. Представлены результаты пилотажного эмпирического исследования социальных представлений об имидже у лиц разного пола. Для изучения социальных представлений об имидже были применены

© Зарипова Л.З., Попова Т.А., Стряпунина Н.А., 2019

рисуночный проективный метод и психосемантический метод свободных описаний. Для математической обработки результатов использовался критерий φ – угловое преобразование Фишера. Выявлено общее поле представлений об имидже у мужчин и женщин. Общей является структура социальных представлений понятия «имидж», выраженная суммой знаний о данном понятии, включая понимание об имидже как об образе. В исследовании выявлены и гендерные различия в социальных представлениях об имидже: в социальных представлениях женщин об имидже более разнообразны понятийные смыслы и образы, направленные на межличностное общение. Социальные представления мужчин об имидже более сдержанны и лаконичны, ориентированы на личные достижения и повседневность.

Ключевые слова: социальные представления, имидж, гендерные различия, рисуночный проективный метод, метод свободных описаний, контент-анализ.

Abstract. The article presents the results of a pilot empirical study of social representations of the image of people of different sex. For the study of social representations of the image, there was used pictorial projective method and psychosemantic method of free descriptions. For mathematical treatment of results, there was used φ criterion – Fischer angle conversion. Identified the general perceptions of ideas about the image of men and women. Identified the general is the structure of social representations of the concept of "image", represented by the sum of knowledge about this concept, including an understanding of the image as an image. The study also revealed gender differences in social representations of the image: in the social representations of women about the image, conceptual meanings and images aimed at interpersonal communication are more diverse. Social representations of men about image are more reserved and laconic, focused on personal achievements and daily life.

Key words: social representations, image, gender differences, drawing projective method, method of free descriptions, content analysis.

Весьма актуальной проблемой в рамках современных научных социологических и социально-психологических исследований является изучение процессов и особенностей социального познания, а именно такой категории, как «социальные представления» [2, 6]. Современные телекоммуникационные технологии, особенно глобальная компьютерная сеть Интернет, кардинально меняют социальные реалии межличностных коммуникаций, создают предпосылки для иного понимания социальных процессов в современном обществе. С этих позиций изучение социальных представлений становится весьма актуальным, так как именно формирование социальных представлений человека определяет содержание его картины мира, его отношение к социальным процессам.

Одной из наиболее известных социально-психологических теорий является теория социальных представлений С. Московичи, предметной областью которой является изучение механизмов и закономерностей

формирования системы значений и личностных смыслов субъекта в ходе социальных интеракций [12]. С. Московичи трактует социальные представления как общественное обыденное сознание, в котором сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения, идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и составляющие социальную реальность. По мнению С. Московичи, социальные представления – это «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» [12].

Другие представители французской социально-психологической школы – Д. Жоделе и Ж.-К. Абрик – расширяют понятие о социальных представлениях. В частности, Д. Жоделе, подчеркивая динамический характер функционирования социальных представлений, выделяет их способность изменяться, Ж.-К. Абрик описывает структуру представления, включающую ядро – относительно стабильное образование, связанное с историей группы и коллективной памятью, и периферию, изменчивую и чувствительную к определенной ситуации, позволяющую адаптироваться к конкретным условиям за счет индивидуального опыта [3].

Г.М. Андреева рассматривает феномен социальных представлений как ментальное образование: «утверждения и понятия, возникающие в процессе межличностного взаимодействия, в соответствии с которыми человек строит коммуникации и взаимодействие в группе» [1]. Л.Г. Почебут подчеркивает сложность данного понятия, необходимость изучения его связей с различными психическими функциями (памятью) и явлениями (убеждениями, сформированной идеологией) [14].

Таким образом, социальные представления охватывают все сферы человеческого сознания, затрагивают социальные и психические процессы, встраиваясь в структуру не только коллективного сознания, но и в индивидуальное сознание, отражая представления о мире, самом себе, окружающей действительности [7].

Одним из современных социальных представлений является представление об имидже. Несмотря на то что имидж затрагивает многие сферы нашего общества, его сущность, закономерности и механизмы формирования четко не определены [5]. При этом в сознании современного человека имидж представляется как определенная ценность, от качества которой зависит успех и успешность любой деятельности.

Слово «имидж» (англ. – *image*) на русский язык переводится как «изображение, подобие, мысленный образ, представление, символ» [10]. Образ, мнение, представление, сложившееся в обществе (или целенаправленно созданные) о каком-либо человеке, организации, товаре и т.д. [9, 10].

Понятие «имидж» достаточно широко трактуется исследователями. В частности, имидж считается внешним отражением человеческого образа,

наглядно-выразительным средством его личностной характеристики, фирменным знаком [18], единицей символического мира, знаковым заменителем, отражающим основные черты личности» [15].

Раскрывая методологию изучения имиджа как сложного и многомерного социально-психологического феномена, Е.А. Дагаева подчеркивает, что одним из эвристически ценных современных подходов является акмеологический подход, основанный на интерсубъектной гуманистической парадигме [5]. Социально-психологический характер данного феномена с позиций интерсубъектного подхода подчеркивает Е.Б. Перелыгина, трактуя имидж как символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия [13].

По мнению А.А. Бодалева, процесс создания образа и понятия о личности (ее убеждений, потребностей, интересов, чувств, характера, особенностей) является обязательной стороной взаимодействия между людьми. Это, в свою очередь, «служит целям регуляции деятельности человека, его поведения в общественной среде» [4].

Имидж складывается в сознании большинства людей и носит характер стереотипа; влияет как на успешность человека, так и организации в обществе. Главной характеристикой имиджа является его целенаправленность [16].

Тем не менее, как отмечают многие исследователи, нерешенным является целый ряд психологических, социокультурных, гендерных представлений о данном феномене. В частности, проблема имиджа как социального представления в зависимости от гендера требует новых исследований. Гендерные различия в социальных представлениях тесно связаны с социальными стереотипами, обычно они касаются норм социально-ролевого поведения и того, чем мужчины и женщины должны отличаться друг от друга по своим социальным и психологическим качествам [7]. Эти образы построены на основе знаний, культурного опыта, жизненного уклада. Они накладывают отпечаток на формирование, создание имиджа мужчины и женщины и восприятие полученного образа обществом. Так, существует стереотипный образ современного мужчины, который привлекателен в глазах женщин, если он физически развит, уверен в себе, самодостаточен и материально обеспечен [13]. Социальные представления о женском образе основаны на таких стереотипах, как заботливая и любящая жена, воспитательница детей, хранительница домашнего очага. В женщине приветствуются такие качества, как эмоциональность, уступчивость, женственность [17].

Тем не менее понятия «образ» и «имидж» имеют существенные различия. В частности, Д.А. Леонтьев подчеркивает, что имидж – это «специально сконструированный образ, в то время как образ существует независимо от специальных усилий его носителя или иных его создателей [11]. Действительно, имидж является разновидностью образа, возникающего в результате социального познания. Имидж, как и социальные представления, является феноменом массового, а не индивидуального сознания, имеет коммуникативную природу, зависит от культурно-исторического контекста [5].

В то же время остаются открытыми и недостаточно изученными многие проблемы социальных представлений об имидже современного человека.

В частности, не изучены гендерные различия представлений об имидже. Данное обстоятельство обусловило цель настоящего исследования – изучить гендерные особенности социальных представлений об имидже у мужчин и женщин. Мы предположили, что существуют различия в социальных представлениях об имидже у мужчин и женщин.

В соответствии с целью и гипотезой исследования сформулированы следующие задачи:

1) изучить общие особенности социальных представлений об имидже у мужчин и у женщин среднего возраста;

2) сравнить социальные представления об имидже в зависимости от гендера.

Организация исследования

Пилотажное исследование проводилось в марте и апреле 2018 г. Базой исследования выступили государственные и негосударственные организации. К исследованию испытуемые привлекались на основе добровольного участия. Исследователем гарантировалась конфиденциальность и предоставление обратной связи.

Выборка определена согласно цели исследования и включает лиц разного пола среднего возраста. В основе формирования выборки лежит выбор случайности, когда каждая единица генеральной совокупности имеет равные шансы попасть в выборку. Общая выборка составила 30 человек (15 мужчин, средний возраст которых – 33,4 года; и 15 женщин, средний возраст которых – 37,13 лет).

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы методом сбора данных выступил комплекс методик: метод рисунка (В.И. Батов, 1997; Т.В. Фоломеева, О.М. Бартенева, 2000); метод определений (Г. Олпорт, 1961).

В.И. Батовым в 1997 г. разработан метод формализованного анализа изображений («Арт-экспресс»), основанный на последовательном выделении элементов трех пластов: внешней и внутренней форм и «психологической ткани» рисунка. Такой глубинный подход к анализу продуктов изобразительного творчества показывает, что в них действительно содержатся некие инварианты, устойчивые конструкты психологической реальности и возможно создание инструмента для их объективного «считывания» (Т.В. Фоломеева, О.М. Бартенева). Испытуемым была дана инструкция: «Нарисуйте, пожалуйста, свое представление об имидже».

Также для изучения социальных представлений об имидже нами был применен метод определений, или метод свободных описаний, относящийся к группе психосемантических, т.е. исследующих значение или смысл слова, предмета, явления. Данный метод является вербальной формой значений, отражающей представление значения в словах [8]. В соответствии с выбранной методикой исследования респондентам необходимо было определить понятие «имидж», раскрыть социальные представления об имидже. Была предложена следующая инструкция: «Дайте, пожалуйста, определение категории имидж».

Обработка данных, полученных с помощью методов рисунка и определений, проводилась с использованием сегментарного контент-анализа.

Единицей контекста был отдельный текстовый или графический отчет. Единицы счета совпадали с качественными единицами анализа или их показателями. Под упоминанием понимался элемент содержания, состоящий из высказывания, сделанного субъектом (как целое предложение, так и словосочетание). Математико-статистическим методом обработки и анализа результатов послужил критерий φ – угловое преобразование Фишера, традиционный при обработке результатов, полученных с помощью качественных методов и предназначенный для сопоставления 2 выборок по частоте встречаемости интересующего признака и оценки достоверности различий между процентными долями этих выборок. Статистическая значимость всех данных фиксировалась на уровне: $p \leq 0{,}05$; $p \leq 0{,}01$. Расчеты эмпирических данных осуществлялись в программах Microsoft Office 2007 и SPSS 16.0.

Результаты исследования

В соответствии с положениями о структуре социальных представлений теории С. Московичи все ответы испытуемых изначально были поделены на три основные категории: 1) информация, т.е. сумма знаний о понятии «имидж» или ядро этих представлений; 2) периферийная область, которая являет собой поле представлений или содержания представлений понятия «имидж» (образные и смысловые свойства понятия); 3) установка к понятию «имидж».

В ходе исследования с помощью метода определений и метода рисунка выявлено общее поле и особенности представлений об имидже у мужчин и у женщин.

Результаты вербального отражения общего поля представления об имидже представлены в табл. 1.

Таблица 1

Данные по результатам определения имиджа у мужчин и у женщин

Категории	Частота встречаемости признака в целом по выборке, %
Информация	**46,7**
Образ	40
Создание образа	6,7
Поле представлений	**63,3**
Внешний вид	23,3
Поведение	30
Личностные черты	23,3
Абстрактно-символическое представление	23,3
Отношение к категории «имидж»	**46,7**
Значение и функции понятия «имидж»	26,7
Личная значимость понятия «имидж»	20

Как видно из табл. 1, существуют общие тенденции в определении имиджа. В частности, широко представлена структура социальных

представлений – есть обозначение ядра представлений (сумма знаний) и представлена периферийная часть. Однако следует заметить, что в большей степени респонденты представили результаты смысловых и образных значений имиджа – поле представлений.

Для того чтобы более полно рассмотреть общую структуру социальных представлений об имидже, рассмотрим особенности представлений об имидже у мужчин и женщин.

Таблица 2

Частота встречаемости элементов социальных представлений у мужчин и у женщин

Категории	Частота встречаемости		Доля, %		Значение φ-критерия Фишера (при $p \leq 0{,}01$)
	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	
Информация	6	8	40	53,3	–
Поле представлений	6	13	40	86,8	2,806
Отношение к категории «имидж»	6	8	40	53,3	–

В целом, как видно из табл. 2, ответы всех участников исследования (мужчин и женщин) содержат в себе информацию о понятии «имидж», а также поле представлений и отношение к имиджу. Процентные данные, приведенные в столбцах, не составляют в сумме 100 %, так как в ответах испытуемые поясняли одновременно категории нескольких типов.

Рассмотрим подробнее каждую из категорий. Категория «информация» содержит в себе сумму знаний респондентов о понятии «имидж». Ответы, включившие в себя данную категорию, разделились на 2 типа (табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости разных подкатегорий информации о понятии «имидж» в структуре социальных представлений у мужчин и у женщин

Категории информации о понятии «имидж»	Частота встречаемости		Доля, %		Значение φ-критерия Фишера (при $p \leq 0{,}01$)
	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	
Образ	6	6	40	40	–
Создание образа	0	2	0	13,3	–

Исходя из табл. 3, общими особенностями в структуре социальных представлений категории «имидж» в мужской и женской выборках является представление об имидже через понимание его как конкретного образа, привязка к внешнему виду человека, о чем можно судить исходя из частоты встречаемости данных подкатегорий. Таким образом, можно утверждать, что знания об имидже и у мужчин и у женщин формируются вокруг представлений об образе человека, его предъявлении окружающим.

Наиболее ярко представлена в ответах респондентов категория «поле представлений», включающая в себя образные и смысловые свойства понятия.

Мы выделили несколько подкатегорий, характерных для поля представления о понятии «имидж». В табл. 4 представлены гендерные различия в частоте встречаемости элементов поля представления об имидже (на основании метода определений).

Таблица 4

Частота встречаемости различных элементов поля представления о понятии «имидж» среди мужчин и женщин по результатам метода определений

Категории поля представления о понятии «имидж»	Частота встречаемости		Доля, %		Значение φ-критерия Фишера (при $p \leq 0{,}01$)
	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	
Внешний вид	1	6	6,7	40	2,320
Поведение	1	8	6,7	53,3	3,054
Личностные черты	2	5	13,3	33,3	–
Абстрактно-символическое представление	3	4	20	26,7	–

Как видно из табл. 4, ответы на вопрос об определении в категории поле представлений понятия «имидж» и для мужчин и для женщин включают такие элементы, как внешний вид человека, его поведение и личностные черты, а также абстрактно-символические понятия, такие как «стиль», «красота», «эстетика».

Также поле представлений содержит образные смыслы, представленные в рисунках (табл. 5).

Таблица 5

Частота встречаемости различных элементов поля представления о понятии «имидж» среди мужчин и женщин по результатам метода рисунков

Категории поля представления о понятии «имидж»	Частота встречаемости		Доля, %		Значение φ-критерия Фишера
	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	
Образ или элементы образа человека	13	12	86,7	80	–
Фигура человека	9	13	60	86,7	1,703*
Деталь одежды	8	1	53,3	6,7	3,504**
Фоновые детали рисунка	5	7	33,3	46,7	–
Пояснения в виде надписей, изображений	3	2	20	13,4	–
Предметы повседневной жизни	0	3	0	20	2,540**
Изображения окружающей среды	2	4	13,3	26,7	–
Абстрактно-символическое представление понятия	3	6	20	40	–
Конкретно-предметный образ	3	3	20	20	–
Сюжет, действие	1	3	6,7	20	–

Примечание: p – уровень значимости; * - $p \leq 0{,}05$; ** - $p \leq 0{,}01$.

Также общими и для мужчин и для женщин в поле представлений понятия «имидж» являются такие элементы, как образ и детали фигуры человека, пояснения, изображения окружающей среды и представления об имидже в действии или сюжете. Некоторые из ответов включали конкретно-предметный образ. Например, и у мужчин и у женщин наблюдается такой образ как «солнце». Важно заметить, что представления об имидже связаны с образом человека, но помимо этого в представления включаются и окружающая среда, и предметы повседневной жизни. Рассмотрим далее категорию отношения к понятию имидж (табл. 6).

Таблица 6

Частота встречаемости разных подкатегорий отношения к понятию «имидж» в структуре социальных представлений у мужчин и у женщин

Категории отношения к понятию «имидж»	Частота встречаемости		Доля, %		Значение φ-критерия Фишера
	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	муж. $N = 15$	жен. $N = 15$	
Значение и функции понятия «имидж»	2	6	13,3	40	–
Личная значимость понятия «имидж»	4	2	26,7	13,3	–

Основываясь на результатах, представленных в табл. 6, мы можем говорить, что общими особенностями социальных представлений о понятии «имидж» является обозначение отношения к нему с учетом личной заинтересованности (примеры ответов «это я сам», «у каждого человека свой имидж») и указание значения и функций понятия «имидж» для респондента (примеры ответов: «статус в обществе», «это образ, в котором добиваешься, чего хочешь»).

Отмечая специфические особенности социальных представлений о понятии «имидж» у женщин, следует в первую очередь обратить внимание на саму структуру этих представлений. Женщины чаще, чем мужчины, в ответах демонстрировали утверждения, относящиеся к полю представлений понятия «имидж» (в 86,8 % случаев, тогда как у мужчин всего 40 %) и в целом были более склонны давать развернутый ответ, включая в него как знание о понятии «имидж», так и отношение к нему. Сопоставление выборок по частоте встречаемости различных элементов социальных представлений с применением критерия φ* – угловое преобразование Фишера показывает значимые гендерные различия социальных представлений об имидже, частота встречаемости категории поля представления в выборке женщин значимо превышает частоту встречаемости этой же категории у мужчин ($\varphi = 2{,}806$; $p \leq 0{,}01$).

Знания женщин об имидже отличаются тем, что содержат в себе представление об имидже не только как об образе, но и как о процессе, а точнее, о процессе создания образа человека как процессе «создания образа, стиля для достижения личных целей». Однако данное различие не является статистически значимым, но демонстрирует тенденцию, которую необходимо

проверить в дальнейшем исследовании. Поле представлений у женщин оказывается более широко развернутым (табл. 7).

Таблица 7

Единицы категорий поля представления о понятии «имидж» среди женщин по результатам метода определений

Категории поля представления о понятии «имидж»	Единицы категории
Внешний вид	«Внешний вид человека», «одежда», «прическа», «обувь», «аксессуары», «цвета», «макияж»
Поведение	«Образ жизни», «привычки», «поступки», «поведение», «манеры», «речь», «манеры общения»
Личностные черты	«Индивидуальность», «характер», «умение расположить к себе любого собеседника», «умение произвести хорошее впечатление», «интересы», «ценности»
Абстрактно-символическое представление	«Стиль», «вкус», «антураж», «изюминка», «особенность», «красота», «эстетика», «визуальность»

Таким образом, у женщин понятие «имидж» содержит в себе различные смысловые понятия, отражающие самопрезентацию человека. Спецификой представлений об имидже у женщин в данном случае является определение имиджа через внешний вид ($\varphi = 2{,}320$, $p \leq 0{,}01$) и поведение ($\varphi = 3{,}054$, $p \leq 0{,}01$) человека (см. табл. 4).

В рисунках женщин чаще, чем в рисунках мужчин, встречалась фигура человека целиком (в 86,7 % случаев) ($\varphi = 1{,}703$, $p \leq 0{,}05$), что специфично для женщин. У женщин, в отличие от мужчин, в поле представлений об имидже попадают предметы повседневной жизни («книга», «машина»), что также отражает статистическую разницу в представлении об имидже ($\varphi = 2{,}54$, $p \leq 0{,}01$).

Как показали результаты исследования, мужчины менее склонны давать развернутые ответы. Зачастую ответ отражал либо знания об имидже, либо поле представлений, либо только отношение к нему. Однако среди ответов категории «информация» мужчины старались давать полное и взятое из других источников определение имиджа, с указанием этих источников. Так, один из ответов был следующим: «“Картина снаружи, которая рекламирует то, что внутри” (Э. Сэмпин)». Важно отметить, что в большинстве своем для мужчин характерно представление об имидже как о конечном образе, а не процессе его создания, как это было выявлено у женщин.

Поле социальных представлений об имидже у мужчин хотя и менее широко представлено, чем у женщин, однако охватывает все подкатегории, среди которых внешний вид человека, его поведение и личностные черты, а также символические понятия (табл. 8).

Таблица 8

Единицы категорий поля представления о понятии «имидж» среди мужчин по результатам метода определений

Категории поля представления о понятии «имидж»	Единицы категории
Внешний вид	«Стиль одежды», «прически»
Поведение	«Поведенческие нормы»
Личностные черты	«Профессионализм», «целеустремленность»
Абстрактно-символическое представление	«Вид», «образ», «впечатление»

В отличие от женщин, у мужчин социальное представление об имидже связано в целом с образом человека, без дополнительных деталей, а также включает черты, необходимые для достижения успеха в целом, но не направлено на взаимодействие с людьми.

В рисунках мужчин также просматривается сдержанность и лаконичность. Мужчины чаще склонны изображать только часть образа человека («маска», «футболка») а не фигуру целиком. Эти различия статистически значимы ($\varphi = 3{,}504$, $p \leq 0{,}01$) и могут характеризовать специфику социальных представлений об имидже у мужчин. Мужчины не отражают в рисунках предметы повседневной жизни, в целом их рисунки менее наполнены. Например, на одном из рисунков содержалась только эмблема спортивного бренда, изображающая при этом фигуру человека, на другом – только маска как деталь образа человека. Некоторые из рисунков содержали сюжет («машина с “мигалкой” проезжает на красный цвет») и абстрактно-предметный образ («треугольник»), что можно трактовать как некоторую тенденцию.

Выводы

1. Социальные представления являют собой ментальное образование, которое включает любые формы знаний, взглядов, воззрений. Истоками построения социальных представлений являются утверждения и понятия, возникающие в процессе межличностного взаимодействия.

2. Социальные представления об имидже содержат в себе понимание имиджа как внешнего вида человека, который необходим в достижении какой-либо цели; отражение представлений человека о мире, самом себе, окружающей действительности. Социальные представления об имидже обусловлены особенностями мужчин и женщин, имеют свою специфику у лиц разного пола.

3. В результате исследования выявлено общее поле представлений об имидже у мужчин и у женщин. Общей является структура социальных представлений понятия «имидж», представленная суммой знаний о данном понятии, включающая понимание об имидже как об «образе».

4. Поле представлений включает в себя такие элементы, как внешний вид, поведение и личностные черты, изображение окружающей среды, сюжета или действия, конкретно-предметные образы и абстрактно-символические понятия.

5. В исследовании выявлены гендерные различия в социальных представлениях об имидже:

а) у женщин более выражено поле представлений, более разнообразны понятийные и образные смыслы, ориентированные на создание образа человека с направленностью на межличностное общение;

б) у мужчин более выражена ориентация представлений на точность и лаконичность, знания об имидже выражены в большей степени, чем поля представлений, ориентированность понятия на личные достижения и понимание имиджа неотрывна от повседневной жизни.

Список литературы

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 303 с.

2. *Андреева Г.М.* Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.

3. *Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 5–20.

4. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 198 с.

5. *Дагаева Е.А.* Методология исследования имиджа как социально-психологического феномена [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1. – URL: http://www/psyedu.ru/journal/2011/1/2062.phtml

6. *Емельянова Т.П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. – М.: Ин-т психологии РАН, 2016. – 476 с.

7. *Карепова Э.В.* Влияние гендерных стереотипов на восприятие в современном обществе [Электронный ресурс]. – 2009. – URL: https://psyfactor.org/lib/stereotype13.htm

8. *Копорулина В.Н.* Психологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 640 с.

9. *Кошлякова М.А.* Социальная имиджелогия как социологическое знание // Сервис plus: науч. журн. – 2013. – № 2. – С. 16–20.

10. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.

11. *Леонтьев Д.А.* Образ, по которому нас встречают // Рекламный мир. – 1995. – № 6.

12. *Московичи С.* Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 2. – С. 3–14.

13. *Перелыгина Е.Б.* Психология имиджа: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.

14. *Почебут Л.Г.* Социальная психология: учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения. – М., 2017. – 400 с.

15. *Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. – 698 с.

16. *Столбова Е.А.* Формирование профессионального имиджа будущих педагогов // Азимут научных исследований. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 206–208.

17. *Чернова Ж.В.* Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин [Электронный ресурс] // Социология. Менеджмент: федер. образов. портал. – [Б. м.]. – 2016. – URL: http://ecsocman.hse.ru/iprog/topik/16226805/16217039.html

18. *Шепель В.М.* Имиджелогия. Секреты личного обаяния. – М.: ЮНИТИ, 1994. – 320 с.

УДК 159.9

Харламова Татьяна Михайловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии

Ряпосова Анастасия Вячеславовна
студентка III курса специальности «Конфликтология»

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-66-30
e-mail: socworkdpt@psu.ru

РОЛЬ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВЫБОРЕ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

Tatiana M. Kharlamova
Ph.D., Associate Professor, Department of Social Work and Conflictology

Anastasia V. Ryaposova
Baccalaureate (Year 3) Student Majoring in Conflictology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: socworkdpt@psu.ru

THE ROLE OF GENDER IDENTITY IN CHOOSING BEHAVIOR STRATEGIES IN CONFLICT

Аннотация. Освещается изучение роли гендерной идентичности в выборе стратегий поведения в конфликте. Данный исследовательский вопрос актуален, что подтверждается многочисленными работами отечественных и зарубежных ученых. Обозначенная проблема анализируется авторами применительно к различным сферам жизнедеятельности современного человека. В настоящем исследовании в качестве испытуемых выступили 98 студентов-бакалавров пермских вузов, разделенные на 2 выборки (50 девушек и 48 юношей). В диагностических целях были применены «Полоролевой опросник» С. Бэм и «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению» К. Томаса. Результаты эмпирического исследования показали наличие специфичного и общего в степени выраженности показателей гендерной идентичности и стратегий поведения в конфликте, в характере их

© Харламова Т.М., Ряпосова А.В., 2019

взаимосвязей и в системообразующих показателях. Установлено, что гендерная идентичность играет ключевую роль в формировании предпочтительных стратегий поведения в конфликте.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, феминность, андрогинность, конфликт, поведение в конфликте.

Abstract. The present article examines the role of gender identity in the choice of behavior strategies in conflict situations. The importance of this research question is evidenced by a large number of Russian and international studies on this problem. The authors analyzed the role of gender identity across multiple spheres of modern daily life. Participants of the study included two groups of undergraduate students from different universities in the city of Perm (N = 98; 50 female, 48 male). The study used the Bem Sex-Role Inventory (BSRI) and the Thomas – Kilmann Conflict Mode Instrument (TKI) questionnaires. Empirical results revealed the presence of both person-specific and general aspects in the degree of manifestation of gender identity and the strategies of conflict behavior, including the nature of their interrelation and the system-forming indicators. Gender identity is found to play a key role in determining the preferred behavioral strategies in conflict situations.

Key words: gender identity, masculinity, femininity, androgyny, conflict, behavior in conflict.

На современном этапе развития науки и практики все чаще встает исследовательский вопрос о наличии взаимосвязи между гендерной идентичностью и конфликтным поведением. Степень разработанности данной проблемы прослеживается в работах, раскрывающих содержание понятий «гендер», «конфликт», «поведение мужчин и женщин в профессиональных и межличностных конфликтах, обусловленное их гендерной принадлежностью», и т.д. (Д.А. Зубенко, 2019; Н.В. Попко, 2018; С.А. Ильиных, 2016; А.Р. Латипова и Л.В. Шабанова, 2015; Т.М. Харламова [11, 12], М.В. Владимирова и К.С. Шалагинова, 2013; Н.А. Камнева, 2013; М.С. Семченко, 2012; Ю.П. Платонов, 2009; А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов, 2004; Е.А. Тарасова, 2002; О.А. Воронина, 2001; и многие другие известные и молодые ученые).

Первые работы, связанные с проблемой гендера, появились в середине XX в. в Западной Европе. Именно они легли в основу гендерного подхода и сформировали тезис о неравном распределении ресурсов по принципу предписанного пола, об отношениях господства – подчинения, исключения – признания людей, которых общество относит к разным категориям пола (J. Scott, 1986). Сегодня термин «гендер», в отличие от термина «пол», понимается как амбивалентный, поскольку наиболее точно может быть переведен как «социальный пол». Гендер акцентирует внимание на социальных, а не на биологических различиях между полами (В.И. Гостенина, Ю.К. Волконский, А.С. Волконская, 2015; и др.). По утверждению Э. Гидденса (2005), границы пола и гендера являются фундаментальными, так как многие

различия между мужчиной и женщиной обусловливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе.

Содержание понятия «гендерная идентичность» также требует уточнения. В работах отечественных исследователей, посвященных ее изучению, использовались термины «психологический пол», «полоролевая идентичность», «полоролевые стереотипы», «полоролевые отношения» (И.С. Кон, 1999; В.С. Агеев, 1987; Т.А. Репина, 1987; Я.Л. Коломинский, 1985; и др.). Однако даже близкие на первый взгляд понятия, например, «гендерная идентичность» и «полоролевая идентичность», не являются синонимами.

Гендерная идентичность, по мнению О.А. Пятницкой и А.К. Юрова [9], является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, поскольку гендер включает в себя не только ролевой аспект, но и образ человека в целом. Также понятие «гендерная идентичность» не синонимично понятию «сексуальная идентичность» («гендер» – понятие не столько биологическое, сколько культурное, социальное). Сексуальная идентичность может быть описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности. Понятие гендерной идентичности тесно связано с базисным ощущением мужественности – женственности, или маскулинности – феминности. Первые исследования в этой области принадлежат теоретику психоанализа Зигмунду Фрейду [10]. Отождествляя полярность мужественности – женственности с полярностью активности – пассивности, Фрейд, однако, признает, что и в мужчинах и в женщинах представлено смешение активности и пассивности, равно как других мужских и женских черт.

В свою очередь Н.К. Радина (1999) определяет гендерную идентичность как принадлежность к той или иной социальной группе на основе полового признака, О.А. Воронина (2001) – как осознание человеком своей связи с культурными устройствами мужественности и женственности, а Е.Р. Ярская-Смирнова (1998) – как особый вид социальной идентичности, сосуществующий в самосознании человека в единстве с представлениями о профессиональном, семейном, этническом, образовательном и прочими статусами.

Таким образом, следует признать, что проблема трактовки понятия «гендерная идентичность» была и остается актуальной.

Вместе с тем, по мнению А.А. Безруковой, гендерные исследования смогли институциализироваться как новое направление российской гуманитаристики, которое получило определенное признание в академической и образовательной сферах. Согласно точке зрения данного автора, плюрализм научных школ и направлений, сложившихся в исследованиях положения женщин и мужчин в начале XXI в., способствует активному развитию в российской научной мысли и междисциплинарного подхода к изучению эволюции гендерных общностей, их статуса, реализации социального, экономического, политического и духовного потенциала мужчин и женщин в условиях глобализации [2].

Конфликт также является предметом междисциплинарных исследований, но более детально его проблемы, институты и процедуры разрешения рассматриваются в рамках специальной дисциплины «Конфликтология». В.А. Боженко, анализируя содержание понятия «конфликт», определяет его как противоборство, столкновение двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью, несовместимостью их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Автор высказывает мнение, что в широком смысле конфликт является одной из разновидностей общественных отношений, стороны которого воспроизводят через цель, лежащую в его основе, свои интересы, потребности и стремления, реализуемые в острой борьбе. В узком смысле это одна из разновидностей социального взаимодействия, характеризующаяся прямым и осознанным столкновением его участников [3].

О.Н. Юденко, обращаясь к проблеме психологических причин конфликтов и конфликтного поведения, делает акцент на субъективном факторе, который учитывался как обязательный многими исследователями (Л.А. Петровская, В.С. Мерлин и др.). Восприятие ситуации как конфликтной «запускает» для субъекта реагирование в виде выбора соответствующей стратегии поведения. Предсказывать и объяснять это поведение будет сложно до тех пор, пока не удастся продвинуться в исследовании феномена субъективной интерпретации ситуации. Приоритет в этом направлении отдается Томасу, который писал, что понять поведение можно только тогда, когда исследователь знает, какое субъективное значение имеет сама ситуация для субъекта. С помощью процессов категоризации и интерпретации человек тем или иным образом «определяет» ситуацию, следствием чего становится его поведение, которое он строит в соответствии со своим «определением». Тем самым личность фактически сама создает тот социальный мир, в котором живет [14]. В работе по психологии конфликтного поведения данной точки зрения придерживаются также Л.А. Григорьева и А.Б. Михалева (2016).

Н.В. Гришина, рассматривая проблему ситуационного подхода к анализу и разрешению конфликтов, выделяет в работах Кеннета Томаса идею о том, что людям не следует избегать конфликтов или разрешать их «как угодно». Важно развить в людях умение грамотно управлять конфликтами, чему способствует и его опросник, который не только показывает типичную для человека реакцию на конфликт, но и объясняет, насколько она эффективна и целесообразна, а также предлагает информацию о других возможных способах разрешения конфликтных ситуаций [5].

Характеризуя основные системы поведения людей в конфликтных ситуациях, Н.Б. Карабущенко [6] пишет, что только «сотрудничество» является активным и эффективным в смысле определения исхода конфликтной ситуации, так как оно направлено на разрешение задачи, а не на социальные отношения и субъект конфликта может в связи с этим жертвовать своими ценностями ради достижения общих целей. Наиболее деструктивным считается «соперничество», предполагающее разрешение противоречий в одностороннем порядке и допускающее прямую конфронтацию с применением силы.

Избегание и приспособление характеризуются пассивной формой поведения. При этом «избегание» ориентировано на сохранение статуса своего «Я» и непризнание наличия внешнего конфликта, что порождает усиление внутренних конфликтов. «Приспособление» нацелено на сохранение отношений путем уступок. Это подчиненная социальная позиция на фоне неадекватной, заниженной самооценки. «Компромисс» занимает как бы промежуточное положение, совмещая в себе активную и пассивную формы реагирования. Он характерен для осторожных, рационально мыслящих людей, ориентированных на сохранение стабильных социальных отношений в ущерб общей цели и задачам. Противоречие, вызвавшее конфликт, не разрешается, а маскируется и временно загоняется внутрь с помощью частичных уступок и жертв со стороны каждого участника конфликта. Компромисс требует от человека ясного понимания ситуации и способности отслеживать развитие событий, что требует хорошо развитого интеллекта и адекватной высокой самооценки. В целом стратегия поведения в конфликте определяется той мерой, в которой мы хотим удовлетворить собственные интересы (действуя пассивно или активно) и интересы другой стороны (действуя совместно или индивидуально).

На современном этапе развития науки и практики, по мнению А.В. Апросимова и А.Б. Михалевой [1], Е.Г. Петровой [8], М.В. Донцовой (2009) и ряда других авторов, особый интерес представляет изучение поведения в конфликте студентов, так как период студенчества – это период становления и формирования личности, в котором складываются общественные отношения, устанавливается социальная иерархия. В качестве отдельной возрастной и социально-психологической категории студенчество относительно недавно выделено в науке: в 1960-х гг. ленинградской психологической школой под руководством Б.Г. Ананьева при исследовании психофизиологических функций взрослых людей. Как возрастная категория студенчество представляет собой переходную фазу от созревания к зрелости и определяется как поздняя юность – ранняя взрослость (18–25 лет). На данном жизненном этапе при аффективных переживаниях, возникающих в результате конфликта, происходит формирование дисгармоничной личности, что препятствует эффективной коммуникации не только в студенческой среде, но и в процессе взаимодействия студентов с преподавателями.

Целью нашего исследования стало изучение роли гендерной идентичности в выборе стратегий поведения в конфликте. В качестве испытуемых выступили 98 студентов-бакалавров пермских вузов, разделенные на 2 выборки (50 девушек и 48 юношей в возрасте от 18 до 23 лет). В диагностических целях были применены «Полоролевой опросник» Сандры Бэм, позволяющий определить степень выраженности маскулинного, феминного и андрогинного типов личной идентичности, и «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению» К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). Полученные данные были обработаны методами математической статистики с применением *t*-критерия Стьюдента и корреляционного анализа Пирсона.

Обнаружены интересные факты. Например, было установлено, что в женской выборке андрогинный тип личности характерен для 86 % испытуемых (по 7 % проявили фемининный или маскулинный тип). В мужской выборке – для 96 % испытуемых (по 2 % проявили фемининный или маскулинный тип). Полученные данные соответствуют современным реалиям. Так, по мнению Ю.С. Гонтарь, мужчинам и женщинам становится все труднее и труднее соответствовать той социальной роли, которую им предписывают сложившиеся общественные нормы. Этот факт демонстрирует тенденцию проявления «маскулинных» черт у женщин и «фемининных» черт у мужчин, что в свое время явилось для психологов источником беспокойства. Однако исследования не подтверждают мнение о том, что отклонение от полоролевых стандартов влечет за собой психологическую рассогласованность. Напротив, еще Отто Вейнингер в работе «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1902) высказывал мнение, что разделение полов никогда не бывает совершенно законченным и все особенности мужского пола также имеются и у женского пола, даже в самой слабой степени проявления. Описывая результаты авторского эмпирическом исследования, проведенного на выборке студентов в возрасте от 18 до 23 лет (54 испытуемых), Ю.С. Гонтарь (2012) приводит данные о том, что андрогинность в высокой степени выражена у 76 % девушек и 80 % юношей [4]. В исследовании Т.М. Харламовой (2014), проведенном с привлечением студентов педагогического вуза, получены близкие результаты: андрогинный тип личности выявлен у 83,1 % девушек и 78,9 % юношей [11, 12]. Данные нашего исследования указывают на вероятность усиления обозначенной тенденции.

Далее с целью сравнения степени выраженности показателей гендерной идентичности и стратегий поведения в конфликте в женской и мужской выборках нами был применен *t*-критерий Стьюдента (таблица).

Результаты сравнительного анализа показателей гендерной идентичности и стратегий поведения в конфликте по *t*-критерию Стьюдента

№ п/п	Переменные	Mean Ж	Mean М	*t-value*	df	*p*	Valid *N*	Valid *N*	*p*
1	Фемининность (Бэм)	0,73	0,61	4,26	96	0,000	58	40	0,1532
2	Маскулинность (Бэм)	0,60	0,73	-3,71	96	0,000	58	40	0,4486
3	Соперничество (Томас)	4,10	5,38	-2,00	96	0,050	58	40	0,9614
4	Избегание (Томас)	7,24	6,55	1,78	96	0,078	58	40	0,7690

Было установлено, что в выборке девушек, по сравнению с выборкой юношей, в большей степени выражен показатель фемининности (Бэм) и на уровне близком к значимому – показатель избегания (Томас). Полученные данные позволяют предположить, что испытуемым первой выборки в большей степени присущи такие психологические особенности, как чувствительность, застенчивость, мягкость, нежность, сердечность, способность к сочувствию и сопереживанию. Предпочитаемая стратегия поведения в конфликте основывается у них на тенденции к сохранению статуса своего «Я» путем

уклонения от пугающих обстоятельств. При этом негативные переживания относительно стрессовой ситуации субъективно снижаются с помощью ее обесценивания, переключения внимания на позитивные жизненные явления и др. В целом данная стратегия поведения в конфликте соответствует природе «черт женственности» и не противоречит гендерным представлениям испытуемых о себе и своем поведении. Для сравнения, близкие результаты были получены в исследовании А.В. Апросимова и А.Б. Михалевой установивших, что для студентов выбор метода избегания весьма характерен. Он предполагает игнорирование конфликтной ситуации, нежелание участвовать в ее урегулировании, проявляется в отсутствии стремления защищать свои интересы и понимать другую сторону. Избегание конфликта не решает противоречие, а дает ему отсрочку и со временем конфликтная ситуация повторится (перезагрузка) [1].

Соответственно, в выборке юношей, по сравнению с выборкой девушек, в большей степени выражены показатели маскулинности (Бэм) и соперничества (Томас). Можно предположить, что испытуемым мужской выборки в большей степени присущи такие психологические особенности**,** как умение самоутвердиться, напористость, готовность к риску, мужественность, смелость, выносливость, склонность к доминированию и лидерству, сила воли. В конфликте юноши чаще выбирают прямую конфронтацию, направленную на самоутверждение, разрешение противоречия в одностороннем порядке, что позволяет им достичь собственных целей в ущерб интересам другого человека. Выявленные особенности гендерной идентичности и поведения в конфликте не противоречат стереотипным представлениям о природе «мужского». Для сравнения, в упомянутом выше исследовании приоритетной стратегией поведения студентов был назван компромисс, но соперничество также имело место и объяснялось авторами юношеским максимализмом и потребностью в самоутверждении. В свою очередь С.Н. Макарова, О.А. Цыбулевская, Е.В. Сорока и ряд других авторов пришли к выводу, что основной моделью поведения мужчин в конфликте является соперничество, т.е. поведенческая агрессивность на основе конкурентного взаимодействия [7, 13].

Для изучения характера взаимосвязей показателей гендерной идентичности и стратегий поведения в конфликте нами был применен корреляционный анализ Пирсона, который позволил обнаружить наличие в каждой исследуемой выборке специфичных и общих статистически значимых корреляций.

В выборке девушек было выявлено 3 специфичных взаимосвязи. В частности, показатель «маскулинность» отрицательно коррелирует с показателем «приспособление». Вероятно, это связано с тем, что женщины, предпочитая данную стратегию поведения в конфликте, направленную на удовлетворение интересов оппонента и сохранение социальных отношений, не могут одновременно проявлять такие маскулинные характеристики, как активность, самоуверенность, эмоциональная холодность и т.д. Возможна и обратная тенденция: чем более испытуемые женской выборки будут ориентированы на жесткое, властное достижение цели, тем сложнее им будет сохранить благоприятные взаимоотношения. Отрицательно коррелируют

и такие показатели, как «соперничество» и «компромисс», «сотрудничество» и «избегание». Вероятно, для девушек это выражается в готовности удовлетворить интересы свои или оппонента и (или) сохранить отношения. При соперничестве подразумевается, что уступки невозможны и цель должна быть достигнута в полном объеме. В свою очередь компромисс направлен на частичное удовлетворение интересов оппонентов, поскольку «требует жертв» со стороны каждого участника конфликта. Сотрудничество – это готовность идти на диалог для достижения эффективного исхода конфликтной ситуации, т.е. максимального удовлетворения интересов партнеров, а избегание, наоборот, предполагает уход от переговоров и неудовлетворение интересов обоих оппонентов. Соответственно, чем более испытуемые первой выборки склонны к соперничеству, тем менее они способны найти компромиссное решение выхода из конфликтной ситуации.

Возможна и обратная тенденция: чем более девушки готовы отказаться от части своих интересов, тем менее они способны действовать в ущерб другому человеку. А также чем достойнее они ведут себя в конфликте, стремясь к достижению максимального удовлетворения интересов обеих сторон, тем реже избегают возможности разрешить возникшие противоречия. И наоборот, чем чаще уклоняются от конфликтов, тем реже демонстрируют готовность к поиску взаимовыгодного выхода из проблемной ситуации.

В качестве специфичного системообразующего показателя в женской выборке выступает «маскулинность». Можно предположить, что данная личностная характеристика имеет определенную значимость для девушек студенческого возраста, как в определении собственной гендерной идентичности, так и в плане выбора стратегий поведения в конфликте.

В свою очередь у респондентов мужской выборки между исследуемыми показателями были выявлены две специфичные взаимосвязи. Так, интегративный показатель маскулинности – феминности IS (гендерная идентичность) положительно коррелирует с показателем «избегание». Можно предположить, что чем более у юношей выражены характеристики гендерной идентичности с тенденцией к андрогинии, тем более они склонны выбирать социально пассивную стратегию ухода от конфликта. Подобное поведение позволяет сохранить психологические, материальные и временные ресурсы, избавляет от необходимости искать варианты решения проблемы. Установлено также, что в данной выборке показатель «избегание» коррелирует и с показателем «соперничество», но с отрицательным знаком. Вероятно, чем более юноши склонны игнорировать факт наличия противоречия и необходимости его разрешения, тем менее они способны отстаивать свои интересы, цели и потребности в ущерб другим людям. Возможна и обратная тенденция: чем более испытуемые мужской выборки в борьбе за власть и престиж готовы на прямую конфронтацию и столкновение с применением силы, тем менее они склонны к отказу от решения проблем.

Все остальные выявленные нами взаимосвязи показателей гендерной идентичности и стратегий поведения в конфликте являются общими для исследуемых выборок.

Рассмотрим сначала наиболее статистически значимые положительные взаимосвязи. Было установлено, что показатель «феминность» положительно коррелирует с интегративным показателем IS (гендерная идентичность) и показателем «приспособление». Можно предположить, что чем более юношам и девушкам свойственны черты феминности, тем более их гендерная идентичность определяется характеристиками «женского поведения» и тем чаще испытуемые обеих выборок проявляют в конфликте стратегию «приспособление». Данный факт можно интерпретировать следующим образом: поскольку феминности свойственны такие качества, как чувствительность, эмоциональность, уступчивость и т.д., то в конфликте главным будет являться сохранение отношений, нежелание допускать конфронтацию. В свою очередь показатель «приспособление» также положительно коррелирует с показателем IS (гендерная идентичность), что позволяет предположить достаточно высокую вероятность отказа от противостояния, поиска других вариантов адаптации к конфликтной ситуации при выраженной тенденции к андрогинии. Схожая картина обнаружена у показателей «соперничество» и «маскулинность», положительно коррелирующих друг с другом. Наличие обозначенной взаимосвязи позволяет предположить, что если испытуемые, независимо от пола, проявляют такие качества, как напористость, готовность к риску и склонность к лидерству, то руководствоваться они будут постановкой цели (престиж, признание, материальная выгода) и достижением ее любым способом.

Исследовательский интерес представляют и общие для обеих выборок отрицательные взаимосвязи. Например, было установлено, что показатель «маскулинность» отрицательно коррелирует с показателями IS (гендерная идентичность) и «избегание». Можно предположить, что юноши и девушки, которые проявляют такие «мужские черты», как аналитическое мышление, активность и рациональность, не видят эффективности в применении стратегии ухода от конфликта. Также им менее свойственна гибкость андрогинного типа поведения. Возможна и обратная тенденция: мужчины и женщины, у которых в большей степени выражена андрогинность, не склонны к проявлению только «маскулинных характеристик», так как способны успешно реагировать в двух социальных модальностях – маскулинной и феминной.

Несомненный интерес представляют и отрицательные корреляции показателя «соперничество» с показателями «феминность», IS (гендерная идентичность), «приспособление» и «сотрудничество». Их наличие позволяет предположить, что принцип «добиться своего любой ценой», который лежит в основе соперничества, противоречит признакам «женского поведения», а также стратегиям, направленным только на удовлетворение интересов партнера или взаимного достижения целей. К феминности относятся следующие качества: уступчивость, нежность, чувствительность, эмоциональность и т.д., что может лежать в основе андрогинности, и тогда характерным будет направленность стратегии поведения либо на готовность обсуждения проблемы, совместного поиска взаимоприемлемых решений, либо на разрешения конфликта путем отказа от собственных интересов и максимального удовлетворения потребностей другого человека. А так как у соперничества в приоритете выступают только собственные желания и цели, то для их достижения

требуется проявление особых качеств, не связанных с «женскими». Возможна и обратная тенденция: чем более выражены фемининность, приспособление и сотрудничество, тем менее для конфликтантов, независимо от их биологического и социального пола, характерно соперничество.

Интересным нам представляется и тот факт, что в обеих выборах в качестве системообразующих выступают интегративный показатель IS (гендерная идентичность) и показатель «соперничество».

Присутствие в изучаемом явлении общих взаимосвязей и общих ядерных показателей указывает на наличие стабильного личностного конструкта, не связанного с биологическим полом испытуемых. Возможно, данная тенденция объясняется особенностями их социального пола, тяготеющего к андрогинии.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На фоне общей для всех испытуемых тенденции доминирования андрогинной модели личности у девушек в большей степени, чем у юношей, выражены фемининные характеристики и склонность к «избеганию» конфликта. Вследствие этого в социуме они готовы брать на себя «типичные» для их пола роли и не вступать в трудноразрешимые внешние конфликты. Соответственно, у юношей в большей степени, чем у девушек, выражены маскулинные характеристики личности и готовность к соперничеству, что проявляется в агрессивной стратегии конфликтного поведения, направленного на удовлетворение собственных интересов.

2. Испытуемые женского пола проявляют более гибкое поведение в конфликте, руководствуясь большим спектром стратегий. При этом выбор той или иной стратегии зависит от выраженности у них психологических паттернов «мужского поведения». В частности, если у девушек проявляются такие качества, как активность, стремление к лидерству и авторитету, то в конфликте они в меньшей степени будут проявлять готовность к приспособлению. Соответственно, юноши предпочитают либо полностью добиваться своих целей, либо уходить от конфликта. Тенденция к избеганию трудноразрешимой ситуации усиливается при андрогинности, т.е. при сохранении «мужских» качеств и приобретении «женских».

3. Для испытуемых обеих выборок общими системообразующими показателями являются показатели, связанные с гендерной идентичностью, тяготеющей к андрогинности, и соперничеством. Андрогинность, объединяющая в себе «мужское» и «женское», становится все более актуальной моделью личности современного человека, а соперничество – социальным маркером его активного самоутверждения (в учебе, профессиональной деятельности, жизни в целом). Можно предположить, что обозначенные ядерные показатели играют ведущую роль в процессе социализации студентов.

Полученные данные могут быть полезны специалистам в области гендерной психологии и конфликтологии, психотерапевтам, а также всем интересующимся проблемой осознанного выбора стратегий поведения в конфликте на основе собственной гендерной идентичности.

Список литературы

1. *Апросимов А.В., Михалева А.Б.* Особенности общения в вузе // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2015. – № 3/4. – С. 118–119.

2. *Безрукова А.А.* Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. – 2011. – Вып. 1. – С. 203–206.

3. *Боженко В.А.* Определение понятия конфликт // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юридические науки. – 2000. – № 2. – С. 143–147.

4. *Гонтарь Ю.С.* Андрогиния как современное направление развития гендерного исследования студентов факультета социально-культурной деятельности МГУКИ // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 1 (45). – С. 193–198.

5. *Гришина Н.В.* Ситуационный подход к анализу и разрешению конфликтов // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. – 2012. – Вып. 3. – С. 15–21.

6. *Карабущенко Н.Б.* Влияние психологической дистанции на конфликтные ситуации в студенческой среде: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ставрополь, 2002. – 220 с.

7. *Макарова С.Н.* Гендерные особенности поведения мужчин и женщин-менеджеров в организационных конфликтах // Вестник Моск. ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 1. Экономика и управление. – 2018. – № 3 (26). – С. 86–90.

8. *Петрова Е.Г.* Особенности выбора стратегии поведения в конфликте в студенческой среде // Вестник ТГУ. Сер.: Гуманитарные науки. Педагогика и психология. – 2015. – № 2. – С. 283–287.

9. *Пятницкая О.А., Юров А.К.* Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии / // Вестник ТГУ. Сер.: Гуманитарные науки. Педагогика и психология. – 2009. – Вып. 2. – С. 347–350.

10. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. – М.: АСТ, 2019. – 608 с.

11. *Харламова Т.М.* Гендерные установки юношей – студентов педагогического вуза в отношении своего и противоположного пола = Kharlamova T.M. Gender attitudes of male students of a pedagogical university towards their own and opposite gender: материалы Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы науки и образования» (20–31 марта 2014 г., г. Варадеро, Куба) // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 5, ч. 1. – С. 131–132.

12. *Харламова Т.М.* Соотношение типа личности (феминного, маскулинного, андрогинного) и гендерных установок студенток вуза = Kharlamova T.M. On the relation between personality types (femiine, masculine, androgynous) and gender attitudes of female university students : материалы Междунар. науч. конф. «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники» (Priority areas of science, technology and engineering) (12–19 апреля 2014 г., г. Рим – Флоренция, Италия) // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – № 4. – С. 129–130.

13. *Цыбулевская О.А., Сорока Е.В.* Гендерные различия поведения работников в конфликтных ситуациях [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 11. – URL: http://human.snauka.ru/2012/11/1897 (дата обращения: 06.05.2019).

14. *Юденко О.Н.* Психологические причины конфликтов и конфликтного поведения // Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2006. – № 1. – С. 171–173.

РАЗДЕЛ 3. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.983:616/618+616-006

Жданова Светлана Юрьевна
доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития
e-mail: svetlanaur@gmail.com

Доронина Вера Феликсовна
магистрант II курса кафедры психологии развития
e-mail: vf_doronina8@mail.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614000, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

СОВЛАДАНИЕ С КОНТЕНТНЫМИ РИСКАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ У СТУДЕНТОВ

Svetlana Y. Zhdanova
Professor of the Department of Developmental Psychology, PhD
e-mail: svetlanaur@gmail.com

Vera F. Doronina
Master's Degree Student of the Department of Developmental Psychology
e-mail: vf_doronina8@mail.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614000, Perm, Russia

COPING WITH CONTENT RISKS IN SOCIAL NETWORKS

Аннотация. Представлено исследование контентных рисков в социальных сетях, с которыми сталкиваются студенты в возрасте от 17 до 19 лет, а также копинг-стратегий, которые используются ими для совладания с данными рисками. Выявлено, что большинство студентов имеют опыт столкновения с контентными рисками в социальных сетях. Контент социальных сетей содержит такие факторы стресса, как ложная информация, информация о насилии и причинении физического вреда, сексуальный контент, пропаганда запрещенных веществ, пропаганда идей и социальных движений, информация, меняющая психическое состояние человека, информация, нарушающая нормы

© Жданова С.Ю., Доронина В.Ф., 2019

морали и этики, реклама. Студенты используют преимущественно пассивные копинг-стратегии для совладания с нежелательным контентом, в то время как стратегия поиска социальной поддержки не представлена в репертуаре совладающего поведения в отношении данного типа онлайн-рисков.

Ключевые слова: психологическая безопасность, социальные сети, контентные риски, стратегии совладания, ранний юношеский возраст.

Abstract. The article presents a study of content risks in social networks faced by students aged 17 to 19 years and coping strategies that they use to cope with these risks. Content risks are the information on the Internet that is stressful to the user.

The study revealed that the majority of students have experience of colliding with content risks in social networks. The content of social networks contains such stress factors as false information, information about violence and physical harm, sexual content, propaganda of prohibited substances, propaganda of ideas and social movements, information that changes a person's mental state, information that violates moral norms and ethics, and advertising. Students use predominantly passive coping strategies to cope with unwanted content, while the search strategy for social support is not included in the repertoire of coping behavior regarding this type of online risk.

Key words: psychological safety, social networks, content risks, coping strategies, early adolescence.

Решение проблемы психологической безопасности в интернет-пространстве является первостепенной задачей современного информационного общества. Согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу, без обеспечения стабильной безопасности невозможно удовлетворение потребностей вышестоящего уровня [2].

Наиболее актуальна данная задача для подрастающего поколения, в том числе лиц юношеского возраста. На сегодняшний день разработкой различных аспектов безопасности в Сети занимаются ряд отечественных авторов [3, 4, 5, 6, 8], однако вопрос о психологической безопасности в Интернете у юношей и девушек 17 лет и старше остается открытым.

Семнадцать – девятнадцать лет – это возраст поступления в средние специальные и высшие учебные заведения. Данный возраст обозначается в периодизации возрастного развития как ранняя юность [1]. Социализация, общение, учебная и досуговая деятельность данной категории молодых людей проходят при непосредственном влиянии Интернета и социальных сетей.

Одним из интернет-ресурсов, который демонстрирует тотальную включенность в него представителей юношеского возраста, являются социальные сети. Как и повседневная реальность, пространство социальных сетей содержит потенциальные риски психологической безопасности пользователей. Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова [9] выделяют 4 вида таких рисков:

- контентные риски, связанные с просмотром пользователем информации, вызывающей у него стрессовую реакцию;
- коммуникационные риски, предполагающие потенциальную возможность столкновения пользователя с различными нежелательными для него коммуникациями (различные формы кибербуллинга, сексуальных домогательств и др.);
- технические риски, сопряженные с трудностями взаимодействия пользователя с сайтами/приложениями социальных сетей, а также взломом аккаунтов;
- потребительские риски, включающие в себя интернет-мошенничество (поддельные интернет-магазины, благотворительные фонды, фишинг и др.).

Психологическую безопасность можно рассматривать с двух сторон: 1) как наличие объективных условий, способствующих / не способствующих безопасности индивида; 2) активность самого субъекта по обеспечению собственной безопасности. В нашей работе мы рассматриваем второй аспект данного феномена на примере копинг-стратегий в отношении контентных рисков в социальных сетях у студентов.

Понятие копинга, вслед за Е.И. Рассказовой и Т.О. Гордеевой, мы рассматриваем как индивидуальные способы совладания со стрессогенной ситуацией [7]. В отношении опасностей Интернета наиболее продуктивным является выделение трех видов стратегий совладания. К ним относятся активные стратегии, направленные на активные действия по решению проблемной ситуации, пассивные стратегии, связанные с избеганием решения проблем, преодоления угрозы, и поиск социальной поддержки среди значимых людей как в реальной жизни, так и в онлайн-пространстве [5].

Тема психологической безопасности в Интернете представителей раннего юношеского возраста остается неразработанной в современных исследованиях. В частности, мало изучен аспект безопасности контента, который представлен в социальных сетях, для юношей и девушек, а также возможности совладания со стрессогенным влиянием различной информации.

В связи с этим целью нашего исследования стало выявление контентных рисков, с которыми сталкиваются студенты в социальных сетях, и стратегий совладания с данными рисками.

Материалы и методы исследования

Участниками исследования выступили студенты I курса, обучающиеся по разным направлениям подготовки в Пермском государственном национальном исследовательском университете в количестве 62 человек (средний возраст 18,8 лет), а также студенты колледжа профессионального образования ПГНИУ (средний возраст – 17,22 года) в количестве 51 человека. Общий объем выборочной совокупности составил 113 человек, среди которых 56 мужчин и 57 женщин.

Методологической основой нашего исследования выступили работы Г.У. Солдатовой, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказовой, Е.Ю. Зотовой [7, 8, 9], в частности, выделенная ими классификация рисков в Интернете, а также классификация стратегий совладания с данными рисками (активные копинги, пассивные копинги, поиск социальной поддержки).

В качестве метода сбора данных выступила анкета, составленная нами на основе классификации рисков в Интернете и классификации совладающего поведения. Анкета позволяет продиагностировать следующие показатели:

1) частота пользования социальными сетями;
2) длительность пользования социальными сетями;
3) частота столкновения с контентными рисками;
4) содержание контентных рисков с точки зрения респондента;
5) способы совладания с контентными рисками.

Обработка ответов производилась при помощи контент-анализа. Нами использовался индуктивный способ выделения категорий, формулирование категорий производилось после анализа полученных ответов респондентов. Для диагностики способов совладания с контентными рисками производился дедуктивный контент-анализ, предполагающий предварительную разработку матрицы категорий и подкатегорий контент-анализа.

В качестве единицы анализа выступили слово, словосочетание или предложение, в котором отражена законченная мысль респондента об опыте столкновения с каким-либо контентным риском, либо законченная мысль о поведении респондента, направленного на совладание с контентным риском.

Частота упоминания категорий в текстах самоотчетов фиксировалась как тематическая. Так, если в тексте ответа несколько слов / словосочетаний / предложений относились к одной категории, они рассматривались как одно упоминание данной категории.

Результаты исследования

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Было выявлено, что наиболее используемыми социальными сетями являются «ВКонтакте» (используют 100 % ответивших), Instagram (79,7 %), Twitter (35,8 %), Facebook (14,6 %). Средний срок использования социальных сетей респондентами составил 7,2 года.

Также обнаружено, что все студенты пользуются социальными сетями ежедневно. В обычный учебный день студенты проводят в социальных сетях в среднем 6,8 часов, в выходной день – 7,5 часов.

Если говорить о частоте столкновения с контентными рисками, то 20 % респондентов указывают, что сталкивались с подобными угрозами 1 раз, 38 % – от 2 до 5 раз, 10 % – от 6 до 10 раз, 12 % – более 10 раз. Никогда не встречали контентные риски в социальных сетях 20 % ответивших.

По результатам контент-анализа ответов об опыте столкновения с контентными рисками была сформулирована следующая матрица категорий (табл. 1).

Таблица 1

Матрица категорий контент-анализа опыта столкновения с контентными рисками

Категории контент-анализа	Формальные признаки категорий
Контентные риски в социальных сетях	
Ложная информация	Ответы, выражающие столкновение с ложной информацией в социальных сетях
Информация о насилии и причинении вреда себе и другим	Ответы, указывающие на наличие в социальных сетях информации о различных видах насилия (физического, психологического) и о способах причинения вреда себе и другим
Сексуальный контент	Ответы, указывающие на наличие в социальных сетях информации сексуального характера (фото-, видео-, аудиофайлы, тексты)
Пропаганда запрещенных веществ	Описание наличия в социальных сетях контента, связанного с пропагандой запрещенных веществ (наркотиков, алкоголя)
Пропаганда идей, социальных движений	Ответы, указывающие на наличие в социальных сетях информации о пропаганде различных незаконных идей и социальных движений (терроризм, экстремизм, секты и т.д.)
Информация, меняющая психическое состояние человека	Описание наличия в социальных сетях информации, которая может менять психическое состояние человека в сторону его субъективного ухудшения
Информация, нарушающая нормы морали и этики	Ответы, указывающие на наличие в социальных сетях информации, не соответствующей принятым в обществе нормам морали и этики (нецензурные выражения, грубость, непристойный юмор)
Реклама	Высказывания о наличии в социальных сетях рекламы, которая приносит дискомфорт пользователям

Самым часто встречающимся контентным риском в социальных сетях является контент, содержащий нарушения норм морали и этики («аморальность», «агрессивный настрой», «нецензурная брань и жестокость» и др.), второе место по частоте встречаемости занимает информация, влияющая на психическое состояние («шокирующий контент», «нарушение психики человека», «информация, загружающая мозг» и т.п.). Третьим по частоте встречаемости в социальных сетях является контент, связанный с распространением информации о насилии и причинении физического вреда («видео с издевательствами над кем-то», «группы о похудении и романтизирующие увечья», «пропаганда насилия», «расчлененка», «суицидальная» и др.), а также ложная информация. Риски, связанные с сексуальным контентом, рекламой, пропагандой незаконных веществ упоминаются респондентами реже (табл. 2).

Таблица 2

Частота упоминаний категорий, описывающих контентные риски, по выборке

Выделенные категории	Количество упоминаний	Доля от общего количества упоминаний, %
Контентные риски в социальных сетях	90	100
Ложная информация	8	8,9
Информация о насилии и причинении вреда себе и другим	9	10
Сексуальный контент	6	6,7
Пропаганда запрещенных веществ	5	5,6
Информация, меняющая психическое состояние человека	10	11,1
Информация, нарушающая нормы морали и этики	12	13,3
Реклама	6	6,7
Другое	3	3,3

Для контент-анализа ответов на вопросы о копинг-стратегиях, которые используют студенты в социальных сетях, нами сформулирована следующая матрица категорий (табл. 3).

Таблица 3

Матрица категорий контент-анализа способов совладания с контентными рисками в социальных сетях

Категории контент-анализа	Формальные признаки категорий
Стратегии совладания с контентными рисками	
Активные стратегии	Описание поведения, направленного на активное совладание с возникающими контентными рисками (поиск решения проблемы, активные действия по профилактике или преодолению угрозы)
Пассивные стратегии	Описание поведения, направленного на пассивное совладание с возникающими контентными рисками (избегание рисков, решения проблемы, абстрагирование от возникающих угроз)
Поиск социальной поддержки	Описание поведения, направленного на поиск социальной поддержки для совладания с контентными рисками (обращение за помощью онлайн и офлайн)

Результаты исследования показывают, что наиболее часто встречающимися стратегиями совладания с контентными рисками в социальных сетях стали пассивные копинги. Стратегию социальной поддержки в отношении данного типа угроз не использует ни один из респондентов (табл. 4).

Таблица 4

Частота упоминаний категорий, описывающих стратегии совладания с контентными рисками, по выборке

Выделенные категории	Количество упоминаний	Доля от общего количества упоминаний, %
Стратегии совладания с контентными рисками	101	100
Активные стратегии	40	41,6
Пассивные стратегии	57	58,4
Поиск социальной поддержки	0	0

Специфика контентных рисков, по сравнению с другими опасностями социальных сетей, заключается в затрудненности для пользователя оказывать непосредственное влияние на столкновение с данными рисками. В связи с этим наиболее распространенными стратегиями совладания являются пассивные копинги. Преимущество данного вида стратегий заключается в том, что это наиболее простой и наименее энергоемкий способ ограждения себя от стрессового воздействия нежелательной информации. Недостатками пассивных стратегий является отсутствие собственной активности субъекта по обеспечению безопасности в области потребления контента в социальных сетях, а также невозможность избежать вредоносной информации во всех возможных случаях, не обращать внимания на подобный контент [8].

В отношении контентных рисков описывается феномен компенсаторного привыкания к информации, транслируемой в современном Рунете: сексуальному контенту, информации о насилии, причинении физического вреда, различного рода рекламе и т.д. [9]. Вероятно, такое привыкание способствует тому, что юноши и девушки считают бессмысленным обращаться за помощью как онлайн, так и офлайн: другие люди не смогут изменить текущее положение вещей в области информационного пространства социальных сетей.

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Большинство студентов имеют опыт столкновения с контентными рисками в социальных сетях, что говорит о распространенности стрессового влияния информации на данном интернет-ресурсе.

2. Факторами стресса в контенте социальных сетей для студентов являются ложная информация, информация о насилии и причинении физического вреда, сексуальный контент, пропаганда запрещенных веществ, пропаганда идей и социальных движений, информация, меняющая психическое состояние человека, информация, нарушающая нормы морали и этики, а также реклама.

3. Для совладания с контентными рисками большинство студентов используют пассивные копинг-стратегии, которые заключаются в избегании онлайн-рисков и решении проблем, связанных с ними. Популярность пассивных стратегий совладания с контентными рисками обусловлена спецификой данного вида рисков, которая заключается в трудности непосредственного влияния пользователя на получаемую информацию.

4. Копинг-стратегия поиска социальной поддержки не представлена в репертуаре совладающего поведения студентов в социальных сетях, что обусловлено феноменом компенсаторного привыкания к информации.

Список литературы

1. *Бережковская Е.Л.* Психология раннего студенческого возраста: моногр. – М.: Проспект, 2014. – 205 с.

2. *Войскунский А.Е.* Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 48–53.

3. *Жданова С.Ю., Доронина В.Ф.* Психологическая безопасность детей в социальных сетях: возможности родительской поддержки // Материалы VIII Междунар. науч. конф. «Психологические проблемы современной семьи» (3–6 октября 2018 г., МГУ, г. Москва). – М., 2018. – С. 856–860.

4. *Жданова С.Ю., Доронина В.Ф.* Совладающее поведение в социальных сетях у студентов, обучающихся в высших и средних учебных заведениях // Экологические исследования – 5: сб. науч. ст. / ред.-сост.: С.Ю. Жданова, М.О. Мдивани, В.И. Панов. – Пермь: ОТ и ДО, 2018. – 408 с.

5. *Жданова С.Ю., Доронина В.Ф.* Стратегии совладания с рисками в социальных сетях у студентов // Ананьевские чтения – 2018: Психология личности: традиции и современность: материалы междунар. науч. конф. (23–26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой; отв. ред. И.В. Муртазина, М.О. Аванесян. – СПб.: Айсинг, 2018. – С. 396–397.

6. *Муругова А.О., Морозова И.С.* Возрастная изменчивость способов преодоления негативных ситуаций в период ранней юности // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Психология. – 2018. – Т. 23. – С. 88–96.

7. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 3(17). – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 12.02.2018).

8. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 39–51.

9. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

УДК 159.922

Жданова Светлана Юрьевна
доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии развития

Кондакова Кристина Артемовна
магистрант кафедры психологии развития

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-64-35
e-mail: info@psu.ru

ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Svetlana U. Zhdanova
D. Sc. In Psychology, Head of the Chair of Developmental Psychology

Kristina A. Kondakova
Master of the Chair of Developmental Psychology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: info@psu.ru

DIAGNOSTICS PROBLEM OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS AMONG PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN

Аннотация. Рассматривается проблема диагностики межличностных отношений в контексте явлений буллинга и кибербуллинга. Предложена модель диагностики межличностных отношений детей младшего школьного возраста, направленная на выявление тенденций отклоняющегося поведения и прогнозирование изменений структуры внутригрупповых отношений.

Ключевые слова: диагностика, межличностные отношения, буллинг.

Abstract. The article deals with the problem of diagnostics interpersonal relationships in the bulling and cyberbulling contexts. A model of interpersonal attitudes diagnostic among primary school age children for deviant behavior trends searching and intragroup structure changes predicting is proposed.

Key words: diagnostics, interpersonal relationships, bulling.

© Жданова С.Ю., Кондакова К.А., 2019

В контексте изучения межличностных отношений особый интерес представляет проблема диагностики межличностных отношений детей в обстоятельствах современной образовательной среды. Вследствие изменений социокультурных условий происходит формирование и развитие искаженных форм индивидуализма, что в свою очередь негативно влияет на межличностные отношения [7]. В среде детей и подростков сегодня это проявляется в возникновении конфликтов различных форм, в особенности это касается сравнительно новых для психологической науки явлений – буллинга и кибербуллинга [1–9].

Феномен буллинга представляет собой форму межличностных отношений, характеризуется продолжительностью, дисбалансом сил участников, а также наличием определенной ролевой структуры: обидчик, жертва, свидетель, помощник булли, защитник жертвы [7]. Сегодня исследователи объясняют возникновение буллинга, опираясь на теории «Экологических систем» Ури Брофенбреннера; «Эффекта пульсации» Кейт Салливан; концепцию «Запланированного социального поведения» Айзена и Маддена [5].

Исследователями отмечается высокий уровень проявления этой формы межличностных отношений в условиях школьного образования. По данным исследований учеников школ Москвы, Астрахани и Московской области (758 человек), 19 % школьников становились жертвами школьной травли; при этом сообщается, что 27 % мальчиков и 10 % девочек предпочли бы не разглашать информацию о факте буллинга даже самым близким родственникам. Лишь 3,7 % девочек и 0,9 % мальчиков обратились бы за помощью к школьному психологу [5]. В рамках другого исследования была проведена оценка распространенности буллинга и кибербуллинга на выборке учеников Нижегородских школ (717 человек). Авторы отмечают, что 68,6 % детей являются участниками буллинга в школе, среди них 31,2 % – свидетели, 22,2 % – жертвы, 6,3 % – обидчики [2].

Исследования показывают, что подвергающиеся школьной травле дети не демонстрируют готовности делиться своими проблемами со взрослыми, это относится как к родителям, так и к учителям, а также школьным психологам; при этом испытывают обиду, «желание исчезнуть», ненависть и тоску [5]. Попавший в сложную ситуацию ребенок стремится дать социально желаемые ответы во время диагностики, что предъявляет особые требования к организации и методико-диагностическому обеспечению психологов сферы образования.

Буллинг может создавать негативные последствия для ребенка как психологического плана (нарушения самоопределения, психического развития, психоэмоциональная нестабильность, суицидальные тенденции), так и физического (психосоматические и соматические расстройства). Подчеркивается, что буллинг оказывает разрушительное влияние на включенного в данную структуру ребенка, вне зависимости от занимаемой им позиции [2]. Таким образом, в условиях современности особую значимость

приобретает создание безопасной среды образовательного пространства как базиса формирования здоровой личности.

Появление буллинга в школьной среде рассматривается как широкое социально-психологическое явление и связано с такими факторами, как личностный (индивидуальный), средовой (групповой) и семейный. А именно: проблемы семейных взаимоотношений, жестокость со стороны родителей и сиблингов, физические меры наказаний; равнодушие или агрессивное поведение педагогов. Данные факторы формируют предрасположенность к агрессивному, виктимному и конформному видам девиантного поведения [7]. В связи с чем предикторами школьной травли среди учеников младшего школьного возраста могут стать нарушения когнитивного, эмоционального, деятельностного компонентов.

Сегодня в условиях развития информационных технологий сферы деятельности ребенка частично смещаются в виртуальное пространство [3]. В соответствии с данными наблюдениями, необходимо новое понимание межличностных отношений, выходящих за пределы учебного класса, имеющих существенные различия моделей поведения при очных и онлайн-коммуникациях. В атмосфере анонимности, вседозволенности интернет-пространства могут проявляться дисфункциональные межличностные отношения, скрываемые в условиях соблюдения социальных норм и правил.

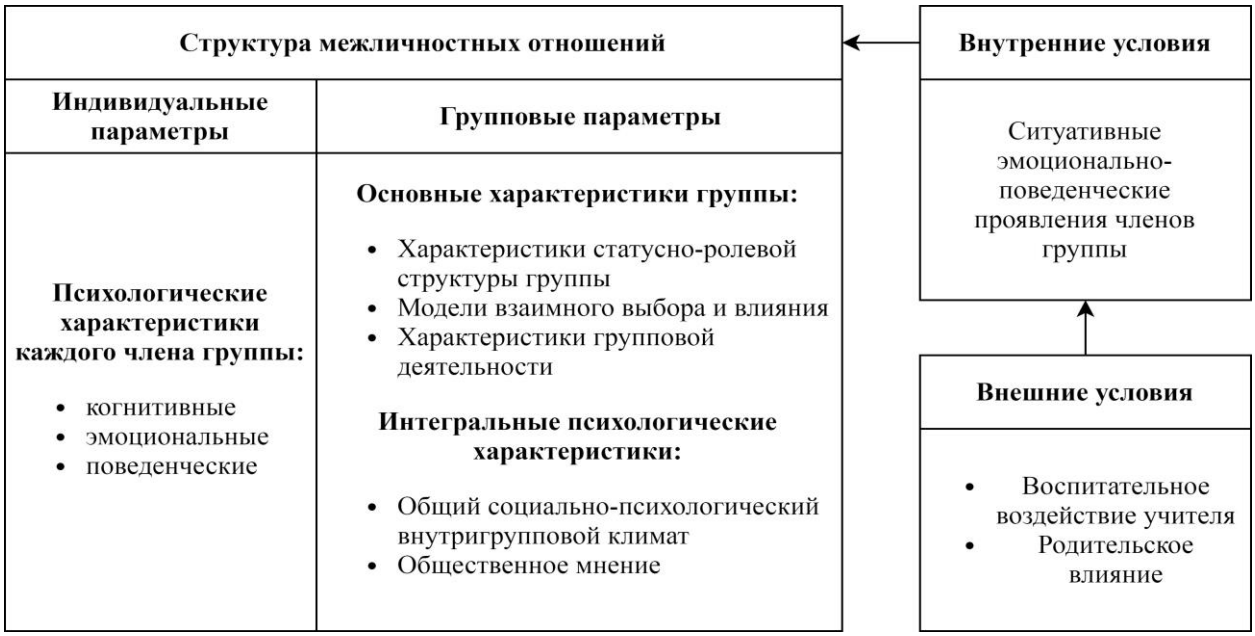
Существует большое количество диагностических материалов, позволяющих выявить негативные аспекты межличностных отношений в школьной среде, среди которых методики индивидуальной, групповой диагностики; проективные, анкетные методы; также широко используются для диагностики методы социометрии и психолого-педагогического наблюдения. Такие методы направлены на выявление нарушений поведенческой сферы (методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой); когнитивной («Человек под дождем» Е. Романовой, Т. Сытько); эмоциональной (опросник «Уровень агрессивности» А. Басса и А. Дарки, в адаптации А.К. Осницкого); а также структурной организации группы (социометрический тест Дж. Морено).

При всем обилии диагностического инструментария существует ряд проблем психологической диагностики межличностных отношений у детей младшего школьного возраста. Обращаясь к данным приведенных выше исследований, можно обнаружить высокий уровень определения себя в качестве жертвы буллинга, тогда как обидчиками себя ощущают в несколько раз меньший процент учащихся [2]. Это может говорить о широком применении методов, подверженных субъективному восприятию ребенком своей роли в коллективе.

Кроме того, немаловажное значение имеет возрастающий с каждым годом уровень загруженности школьных психологов, в связи с чем появляется проблема организационного характера у специалистов. Диагностические программы направлены в первую очередь на выявление, а не на профилактику деструктивных моделей поведения межличностных отношений школьников. По большей части работа проводится со школьниками средних и старших классов, тогда как ранней диагностике межличностных отношений учеников начальных классов не уделяется должного внимания.

В связи с вышесказанным актуальность приобретает создание нового психодиагностического инструментария, направленного на диагностику межличностных отношений у детей младшего школьного возраста, удовлетворяющего таким требованиям, как простота проведения и обработки, объективность полученных данных, системный подход, высокий прогностический потенциал методики.

Для разработки такого психодиагностического инструментария нами была предложена модель диагностики межличностных отношений младших школьников (рисунок). Как видно из рисунка, основным аспектом диагностики является структура межличностных отношений младших школьников. При проведении анализа данной структуры мы опираемся на индивидуальные и групповые параметры. Индивидуальными критериями психодиагностики выступают психологические когнитивные, эмоциональные, поведенческие характеристики каждого члена группы: агрессия, виктимность, конформность, фрустрация, самооценка, самосознание личности. Групповые критерии содержат характеристики статусно-ролевой структуры группы; структур отношений, взаимного выбора и влияния; групповой деятельности; общий социально-психологический климат.



Модель диагностики межличностных отношений младших школьников

Предполагается, что для обеспечения диагностики межличностных отношений детей младшего школьного возраста в контексте профилактики буллинга необходимо рассматривать как уже сложившуюся структуру отношений, так и факторы, имеющие воздействие на эту структуру, а также тенденции ее развития как основные прогностические критерии дальнейших преобразований системы. В связи с этим мы также выделили компоненты внутренних и внешних условий, оказывающих влияние на динамику рассматриваемой структуры межличностных отношений.

Внутренние условия основаны на ситуативных эмоционально-поведенческих проявлениях членов учебной группы, таких как раздражение,

гнев, обидчивость. К внешним условиям относятся воспитательное воздействие учителя, а именно формирование отношения сотрудничества, конкуренции или конфликта в рамках достижения общей цели [8]. Кроме того, к внешним факторам относится родительское влияние, играющее основную роль во всех сферах становления личности ребенка.

Проведение регулярного психологического анализа групповой структуры позволяет выявить тенденции межличностных отношений: продолжающихся некоторое время, устойчивых моделей поведения; эмоциональных проявлений, установок и паттернов. А внимание к условиям, влияющим на эту систему, в свою очередь обеспечивает возможность прогнозировать дальнейшие внутригрупповые процессы.

Предложенная модель диагностики межличностных отношений младших школьников требует эмпирического обоснования. На данном этапе необходимым является выявление предикторов иррациональных межличностных отношений. Можно предположить, что данный подход к диагностике межличностных отношений учащихся начальных классов позволит выявлять тенденции деструктивных моделей взаимоотношений учащихся на раннем этапе, что обеспечит возможность своевременного планирования и реализации коррекционных программ.

Список литературы

1. *Буторин Г.Г., Бенько Л.А.* Факторы социализации ребенка в онтогенезе // Образовательная среда сегодня: стратегии развития: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (17 апр. 2016 г., г. Чебоксары) / ред. кол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Интерактив плюс. – 2016. – С. 105–109.

2. *Волкова Е.Н., Волкова И.В.* Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского ун-та. – 2017. – № 3.

3. *Жданова С.Ю., Доронина В.Ф.* Психологическая безопасность детей в социальных сетях: возможность родительской поддержки // Психологические проблемы современной семьи: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – С. 856–860.

4. *Митин Г.В.* Школьное насилие: роль учителя // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 119–123.

5. *Нестерова А.А., Гришина Т.Г.* Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник МГОУ. Сер.: Психологические науки. – 2018. – № 3. – С. 97–112.

6. *Сачкова М.Е.* Специфика межличностных отношений младших школьников // Ярослав. пед. вестник. – 2011. – № 2. – С. 252–256.

7. *Соловьев Д.Н.* Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 3 (22). – С. 155.

8. *Стрыгина М.Н.* Психологические особенности осознания себя в системе межличностных отношений младшего школьника // Наука и школа. – 2011. – № 6. – С. 117–123.

9. *Толстая С.В., Рошка М.* Проблема развития межличностных отношений в младшем школьном возрасте // Проблемы науки. – 2016. – № 19. – С. 106–108.

УДК 159.9.072.43

Попова Татьяна Ананьевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
e-mail: permtan@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРСЫ БЛАГОПОЛУЧНОГО СТАРЕНИЯ

Tatyana A. Popova
Associate Professor at Department of Developmental Psychology, Ph.D.
e-mail: permtan@yandex.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

LIFE ORIENTATION AND LOCUS OF CONTROL PERSONALITIES AS RESOURCES FOR SUCCESSFUL AGEING

Аннотация. Представлены результаты исследований смысложизненных ориентаций и локуса контроля личности на разных стадиях позднего онтогенеза. Результаты исследования выявили различия в понимании целей жизни, ее осмысленности и результативности у людей 65–70 и 75–80 лет. Также выявлены различия в локусе контроля – «Я» и локусе контроля – «жизнь». Различны характер и плотность корреляций показателей смысложизненных ориентаций и субъективного контроля в изучаемых выборках. Полученные данные могут говорить о том, что с возрастом может усиливаться потребность в эгоинтеграции, оценке значимости собственной жизни и контроле над ней. Ценности жизни, ее смыслы, интернальность локуса контроля могут выступать личностным ресурсом благополучного старения.

Ключевые слова: поздний онтогенез, благополучное старение, смысложизненные ориентации, локус контроля, ресурсы личности.

Abstract. The article presents the results of studies of life orientations and locus of personality control at different stages of late ontogenesis. The results of the study revealed differences in the understanding of the goals of life, its meaning and effectiveness in people 65–70 years and 75–80 years. Differences in the locus of control – “I” and the locus of control – “life” were also revealed. The nature and

© Попова Т.А., 2019

density of correlations of indicators of life orientations and subjective control in the studied samples are different. The data obtained may suggest that with age the need for ego-integration, assessment of the importance of one's own life and control over it may increase. The values of life, its meanings, the internality of the locus of control can act as a personal resource of successful aging.

Key words: late ontogenesis, successful aging, life orientations, locus of control, personal resources.

Поздний онтогенез как особый психологический и социокультурный феномен не случайно становится объектом пристального внимания исследователей. Осмысление пожилого возраста в рамках иной парадигмы – не возраста регресса, упадка, угасания, а возраста развития – в последние десятилетия активно обсуждается в социальных науках. Применительно к данному периоду онтогенеза используются такие понятия, как «успешное старение» [4, 9], «геротрансцендентность» [16], «позитивное старение» [5, 9], «субъективное благополучие» [6], «витаукт» [7], «благополучное старение» [9], «серебряный возраст» и т.д. Закон геронтогенеза как «почерка старения», дивергентности, вариативности и индивидуальности в зависимости от личного и социального опыта человека был представлен в работах Б.Г. Ананьева [2] и М.Д. Александровой [1]. Б.Г. Ананьев отмечал, что дивергентность психического развития во многом зависит от осмысления человеком жизненных перемен и переоценки им значимых проблем [2]. М.Д. Александрова писала о том, что основной движущей силой или основным противоречием старости является неуклонное движение индивидуума навстречу смерти, с одной стороны, и инстинкт самосохранения – с другой. «Если в старом теле действуют адаптационные и компенсаторные механизмы, то они позволяют ему жить. Этим и характеризуется нормальное старение» [1, с. 117].

Л.И. Анциферова, характеризуя позднюю взрослость, подчеркивала, что стареющий человек, переосмысливая собственную жизнь, в результате духовной работы использует более эффективные стратегии взаимодействия с миром [3]. Термин «успешное старение», введенный Р. Хавигхарстом и Ф. Маддоксом, рассматривался ими как стиль жизни, успешная адаптация к переменам. У. Роу и Р. Кан под успешным старением (наряду с обычным) понимали минимальные потери здоровья и интеллекта и жизненную активность [8]. Л. Торнстам использовал понятие «геротрансцендентность» как показатель личностной зрелости и нового мироощущения пожилого человека [16]. П. Балтес и М. Балтес, авторы модели селективной оптимизации и компенсации развития, говорили о старении как личной значимой цели, оптимизирующей собственные ресурсы. Автор психологической модели здорового старения «идти и делать» Л. Брайант основное значение придает деятельности и распределению ресурсов для достижения результата. Авторы биопсихосоциальной модели М. Каннинг и В. Шлихт основным критерием успешного старения считают субъективное благополучие [8, 16].

А.И. Мелёхин на основании анализа зарубежных концепций отмечает следующие критерии успешного старения: высокий уровень образования и физической деятельности, участие в общественной жизни, высокую социальную активность, отсутствие хронических заболеваний и инвалидности, автономию и наличие личного дохода. Не менее важными критериями являются удовлетворенность жизнью, принятие себя, контроль над собственной жизнью, чувство востребованности, стремление к личностному росту [9, с. 45]. В других источниках отмечаются такие факторы, как: контроль стрессов и преодоление стресса в конфликтных ситуациях, вера в самоэффективность и внутренний контроль, копинг-стратегии при борьбе с тревогой и депрессией, а также позитивная оценка смерти» [17].

Последние исследования отечественных авторов (Л.А. Головей – о позитивном функционировании личности в поздней взрослости [6, 7]; Е.А. Сергиенко – о психологических факторах благополучного старения и субъективности возраста [10, 14, 15]; Л.В. Сенкевич и А.Б. Шагидаевой – об эмоционально-ценностном и поведенческом аспектах личностно-смысловой сферы пожилых людей [13]; О.Ю. Стрижицкой – о геротрансцендентности [16]; Н.Е. Харламенковой о ресурсах старения [19] и др.) подтверждают современное представление о позднем онтогенезе как возрасте развития, ассоциирующемся с аккумуляцией опыта и знаний, интеллекта и личностного потенциала, адаптивности к возрастным переменам.

В частности, понятие «благополучное старение» как «способность сохранения собственной аутентичности, способность к адаптации и совладанию, поиск новых ресурсов», введенное Е.А. Сергиенко, нам кажется весьма органичным по отношению к позднему онтогенезу [15, с. 244].

Во многих исследованиях, посвященных позднему онтогенезу, большое значение придается проблемам осмысленности жизни, личностного роста, контроля над собственной жизнью. Л.В. Сенкевич и А.Б. Шагидаева подчеркивают, что в пожилом возрасте смысл жизни, основанный на системе ценностей и нравственных принципов, становится медиатором психологического благополучия и жизненного оптимизма [13]. Рефлексия прожитой жизни, пересмотр жизненного пути в «возрасте осени» с неизбежностью приводит человека к вопросу смысла [11]. Как пишет Д.А. Леонтьев: «…от жизнедеятельности к жизнетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии “изменяющейся личности в изменяющемся мире” – к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» [8, с. 393]. Проблема смысла является основополагающей в экзистенциальной психологии. Смысл жизни – в поисках смысла – основополагающая идея в концепции Виктора Франкла, стремление человека к смыслу выступает как механизм регуляции поведения человека, механизм самоконтроля [20]. По мнению Т.Н. Сахаровой, «именно за старостью как возрастным этапом развития закреплено право и необходимость выбора смысла и цели жизни, а следовательно, возможности прогрессивного или регрессивного изменения личности» [12, с. 138].

Как пишет Е.А. Сергиенко, парадокс старения заключается в том, что при ухудшении физического здоровья удовлетворенность жизнью и психическое благополучие могут сохраняться или даже улучшаться. Психическое и психологическое здоровье пожилых людей во многом зависит от открытости опыту, умонастроений и жизненных установок, позитивного отношения к собственному возрасту. В пожилом возрасте возрастает потребность в интеграции и оценке значимости собственной жизни. Субъективная оценка пожилыми людьми значимости жизни придает ей психологический смысл, установки на принятие самой жизни, выступая при этом личностным ресурсом [15].

В данном исследовании мы, взяв за основу термин «благополучное старение», предложенный Е.А. Сергиенко, изучали особенности смысложизненных ориентаций и локуса контроля личности в двух возрастных группах пожилых людей: 60–65 лет и 70–75 лет.

Исходя из теоретического анализа литературы и обозначенной актуальности проблемы, мы сформулировали цель и гипотезы исследования.

Основная цель исследования состояла в изучении особенностей локуса контроля и смысложизненных ориентаций людей пожилого возраста.

Цель исследования определила следующие гипотезы:

1. Существуют различия в смысложизненных ориентациях и локусе контроля пожилых людей разного возраста.

2. Структуры корреляций между смысложизненными ориентациями и локусом контроля личности различаются у пожилых людей разного возраста (65–70 лет и 75–80 лет).

Основные задачи исследования:

1. Изучить уровень субъективного контроля в выборках пожилых людей 65–70 лет и 75–80 лет.

2. Изучить смысложизненные ориентации пожилых людей данных возрастов.

3. Сравнить средние значения изучаемых показателей УСК и СЖО в данных независимых выборках по *t*-критерию Стьюдента.

4. На основании корреляционного анализа Спирмена проанализировать характер интеркорреляций изучаемых свойств в обеих выборках пожилых людей и сравнить данные структуры.

Для проверки гипотез были выбраны следующие методики, направленные на изучение уровня субъективного контроля, смысложизненных ориентаций и личностных свойств: опросник 16 PF Кеттелла; опросник уровня субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд); методика изучения смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Результаты исследования были обработаны в программе Statistica 7.0 с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок и корреляционного анализа Пирсона. Общая выборка испытуемых составила 50 человек, из них – 25 человек 60–65 лет и 25 человек 75–80 лет, неработающие, в основном – женщины, живущие в г. Полазна Пермского края.

Обсуждение результатов

В двух возрастных группах пожилых людей 65–70 лет и 75–80 лет обнаружены значимые различия показателей личностных свойств, локуса контроля и смысложизненных ориентаций. Как видно из таблицы, средние показатели эмоциональной устойчивости (фактор *C* Кеттелла) имеют низкие значения, что говорит о переменчивости в настроениях, низкой толерантности к фрустрации, эмоциональной нестабильности. Тем не менее более эмоционально нестабильны пожилые люди 65–70 лет (*t*-критерий = 3,22**). Подобные различия мы видим и по фактору *G* Кеттелла «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения»: в обеих выборках присутствует средний уровень данного показателя. Таким образом, для пожилых людей 75–80 лет характерно более осознанное соблюдение норм и правил поведения, чем для 65–70-летних (*t*-критерий = -2,7**). По фактору *L* Кеттелла «доверчивость – подозрительность» более высокое значение показателя принадлежит испытуемым группы 65–70 лет (*t*-критерий = 2,67*). То есть пожилые люди этого возраста более осторожны, менее откровенны и доверчивы, чем пожилые люди старшей возрастной группы.

Различия средних показателей свойств личности, локуса контроля, субъективного переживания одиночества и смысложизненных ориентаций в выборках пожилых людей 65–70 и 75–80 лет

Group 1: 65–70лет			*Группообразующая переменная из файла*						
Group 2: 75–80лет			*Grouping: ГРУППА (inna.sta)*						
Показатели методик	Ср. Ар.	Ср. Ар.	*T*-критерий Стьюдента	Уровень знач., *p*		Стандартное откл.		*F*-ratio	Ур. зн.
	65–70 лет	75–80 лет				65–70 лет	75–80 лет	критерий Фишера	
Эмоциональная устойчивость	3,48	4,76	**-3,22**	0,002	**	1,36	1,45	1,14	0,746
Нормативность поведения	4,64	5,68	**-2,70**	0,010	**	1,55	1,14	1,84	0,143
Доверчивость – подозрительность	8,08	7,16	**-2,67**	0,010	**	1,32	1,11	1,43	0,392
Самоконтроль	5,76	7,24	**-3,12**	0,003	**	1,79	1,56	1,31	0,516
Осмысленность жизни	87,32	108,40	**-5,18**	0,000	***	12,23	16,27	1,77	0,169
Цели в жизни	29,44	35,28	**-3,81**	0,000	***	4,37	6,29	2,08	0,080
Процесс жизни	23,28	32,32	**-5,45**	0,000	***	6,62	5,00	1,76	0,175
Результат жизни	21,76	26,36	**-3,49**	0,001	***	4,51	4,79	1,13	0,768
Локус контроля – «Я»	18,52	22,72	**-4,78**	0,000	***	2,42	3,67	2,30	0,046
Локус контроля – «жизнь»	24,40	30,40	**-2,96**	0,005	**	7,88	6,36	1,54	0,300

По фактору *Q3* Кеттелла показатель самоконтроля у пожилых людей 75–80 лет выше среднего (*t*-критерий = -3,12**). Несмотря на возраст, они более

способны контролировать свои эмоции и поведение. Казалось бы, парадокс. Тем не менее, по данным Е.А. Сергиенко, у 61–74-летних пожилых людей разница между средним субъективным возрастом и хронологическим составляет 11,5 лет, а у 75–90-летних – 16,3 года. Это говорит о положительной иллюзии оценки возраста, улучшающей субъективное благополучие и позволяющей нивелировать негативные проявления, в том числе контролировать собственное поведение [13].

Все показатели смысложизненных ориентаций, которые представлены средними значениями показателей (± стандартное отклонение), имеют значимые различия по *t*-критерию Стьюдента: они выше у представителей старшей возрастной группы: показатель общей осмысленности жизни (*t*-критерий = -5,18***), показатель цели в жизни (*t*-критерий = -3,81***), показатель процесса жизни (эмоциональной насыщенности жизни) (*t*-критерий = -5,45***), показатель результативности жизни или удовлетворенности самореализацией (*t*-критерий = -3,49***), показатель локуса контроля – «Я» (*t*-критерий = - 4,78***) и локуса контроля – «жизнь» (*t*-критерий = -2,96**). В то же время различия средних значений показателей уровня субъективного контроля (УСК) в обеих выборках не выявлены.

Тем не менее полученные данные позволяют говорить о том, что общая осмысленность жизни, ее эмоциональная насыщенность, удовлетворенность результатами жизни, способность контролировать свою жизнь определяются более глубоким анализом образов собственного «Я», более выраженной эгоинтеграцией. С возрастом ценность и осмысленность жизни возрастает, как и усиливается поиск экзистенциального содержания собственной жизни, появляются новые смыслы, которые позволяют ощутить собственную самореализованность, при которой исчезает страх смерти, немощности, ненужности и беззащитности [15]. Смысл жизни у пожилых людей играет посредническую роль во взаимосвязи между жизненным оптимизмом и психологическим благополучием личности [15].

Наши результаты подтверждают исследования Т.Ф. Сусловой и М.В. Жучковой [18], которые обнаружили повышение уровня удовлетворенности условиями жизни в старческом возрасте, объясняя этот факт тенденцией к пересмотру установок, ценностей и взглядов на окружающую действительность, появлением новых приоритетов и ценностей. В позднем возрасте люди с высоким уровнем удовлетворенности жизнью (благополучным старением) имеют более высокие уровни осмысленности жизни и ценностных ориентаций. Они отличаются более высоким локусом контроля, наличием целей в жизни, эмоциональной насыщенностью жизни, удовлетворенностью самореализацией [18, с. 28].

Корреляционный анализ Спирмена между показателями смысложизненных ориентаций и локуса контроля также выявил различия в характере интеркорреляций в выборках испытуемых 65–70 лет и 75–80 лет. В группе пожилых людей 65–70-летнего возраста представлены следующие интеркорреляты: показатель уровня субъективного контроля (УСК) «общая интернальность» (Ио) имеет положительную корреляцию с показателем СЖО «локус контроля – “Я”» (r = 0,46*), что подтверждает взаимосвязь интернальности с осмыслением того, что собственная жизнь человека подвластна сознательному контролю, что он имеет возможность сам принимать решения и воплощать их в жизнь. Также выявлена положительная корреляция показателя УСК «интернальность в области неудач» (Ин) с показателем СЖО «локус контроля – “Я”» (r = 0,41*). Осмысление человеком не только собственных достижений, но и собственных неудач, зависящих от него, субъективный контроль по отношению к собственным ошибкам и неуспехам также взаимосвязан с осмыслением возможности принимать собственные решения и отвечать за свою жизнь. Тем не менее в данной выборке других взаимосвязей между смысложизненными ориентациями и показателями уровня субъективного контроля не обнаружено.

В группе пожилых людей 75–80 лет плотность интеркорреляций значительно выше. В частности, показатель УСК «общая интернальность» (Ио) имеет положительные корреляции с общим показателем СЖО «осмысленность жизни» (r = 0,47*), субшкалами СЖО – «эмоциональная насыщенность жизни» (r = 0,41*), «удовлетворенность самореализацией» (r = 0,47*). Таким образом, чем выше уровень субъективного контроля над жизненными ситуациями, тем более наполнена смыслом собственная жизнь человека. Содержание этой шкалы совпадает с утверждением о том, что единственный смысл жизни состоит в том, что чтобы жить. На наш взгляд, весьма интересна для анализа интеркорреляция между показателем УСК «общая интернальность» и субшкалой СЖО «результативность жизни» (удовлетворенность самореализацией). Данная субшкала отражает оценку пройденного человеком отрезка жизни, ощущение ее осмысленности и продуктивности. Вероятно, людям 75–80 лет более свойственна эгоинтеграция собственной жизни, прожитое способно придавать смысл остатку жизни.

Показатель УСК «интернальность в области достижений» (Ид) положительно коррелирует с показателем СЖО «общая осмысленность жизни» (r = 0,47*), субшкалами СЖО «эмоциональная насыщенность жизни» (r = 0,46*), «удовлетворенность самореализацией (r = 0,52**).

Показатель УСК «интернальность в области межличностных отношений» (Им) имеет положительную корреляцию с показателем субшкалы СЖО

«процесс жизни» (или эмоциональная насыщенность жизни) (r = 0,43*), т.е. интернальный локус контроля в области межличностных отношений взаимосвязан с нахождением смыслов в собственной жизни. Понимание того, что человек сам добился всего, что было и есть в его жизни, взаимосвязано с осмысленностью и удовлетворенностью жизнью. Вполне возможно, что рефлексия, направленная на анализ собственной жизни, запускает и механизмы психологической защиты, прежде всего от страха смерти. Неспособность найти смысл прожитой человеком жизни может привести к экзистенциальному недугу (С. Мадди), экзистенциальному вакууму (В. Франкл). Как отмечает Т.Н. Сахарова [12], пожилым людям в целом свойственно большее утверждение значимости своей жизни и себя в ней. Позитивная оценка пожилыми людьми своих достижений, статуса, жизни в целом дает возможность принимать и уважать себя, сохранять Я-концепцию в целом.

Выводы

1. Выявлено, что пожилые люди старшей возрастной группы (75–80 лет) имеют более высокие показатели общей осмысленности и целей жизни, ее эмоциональной насыщенности и результативности.

2. У пожилых людей 75–80 лет выше показатели локуса контроля – «Я» и локуса контроля – «жизнь». При благополучном старении с возрастом усиливается эгоинтеграция и возрастает ценность и осмысленность жизни, усиливается поиск ее экзистенциального содержания.

3. В обеих возрастных выборках выявлена взаимосвязь показателей смысложизненных ориентаций и локуса контроля. В выборке 65–70-летних пожилых людей интеркорреляты представлены показателями общей интернальности (УСК) с показателями смысложизненных ориентаций «локус контроля – “Я”» и «локус контроля – “жизнь”», характеризующими самоконтроль личности, осмысление и понимание личности ответственности за собственную жизнь.

4. В группе пожилых людей 75–80-летнего возраста обнаружена иная корреляционная структура, в которой значительно выше плотность взаимосвязей. Интернальный локус контроля (интегральный показатель), а также показатель «интернальность достижений» коррелируют с такими очень важными шкалами смысложизненных ориентаций, как «осмысленность жизни», «эмоциональная насыщенность», «удовлетворенность самореализацией», что доказывает прямую связь субъективного контроля над жизненными ситуациями, наполняющими смыслом жизнь человека.

5. Таким образом, структура взаимосвязей между показателями интернального локуса контроля и смысложизненными ориентациями может выступать в качестве важного внутреннего ресурса личности пожилых людей, сопровождая или даже обусловливая благополучие старения в его динамике.

Заключение

Проблема позднего онтогенеза не случайно стала предметом многочисленных исследований в психологической науке. Причины этого не только экономические, демографические и социальные. В современном мире меняется психология пожилого человека, его миропонимание и самовосприятие. Меняется и парадигма исследований позднего онтогенеза. Все чаще его называют возрастом развития, возрастом позитивного, благополучного, успешного старения. Большой интерес к данному отрезку человеческой жизни связан с изучением механизмов, факторов и ресурсов позитивного старения и психологического благополучия. Пересмотр прожитой жизни в пожилом возрасте, его экзистенциальный эгоинтегративный анализ не случайно связан с вопросами о смыслах и целях собственной жизни. Позитивное отношение к себе и к своему возрасту является важным условием благополучного старения. Субъективная оценка пожилым человеком значимости собственной жизни придает ей психологические смыслы, которые наряду с самоконтролем, принятием ответственности за собственную жизнь могут выступать личностным ресурсом благополучного старения.

Список литературы

1. *Александрова М.Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

2. *Ананьев Б.Г.* Некоторые проблемы психологии взрослых. – М., 1973.

3. *Анциферова Л.И.* Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости // Психол. журн. – 2001. – Т. 22, № 3.

4. *Басов И.А.* Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7, № 5А. – С. 3–12.

5. *Вестендорп Р.* Стареть, не старея. О жизненной активности и старении / пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Либбаха, 2017.

6. *Головей Л.А., Криулина А.В.* К вопросу о характеристиках субъективного мира личности в период поздней взрослости // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология и педагогика. – 2014. – № 2. – С. 41–50.

7. *Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю., Криулина А.В.* Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2014. – Т. 7, № 36. – URL: http://psystudy.ru/num/2014v7n36/1020-golovey36

8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007.

9. *Мелёхин А.И.* Психологические модели успешного старения (обзор зарубежных исследований) // Психол. журн. Междунар. ун-та природы, общества и человека «Дубна» (Dubna Psychological Journal). – 2014. – № 2. – С. 44–61.

10. *Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4, № 3. – С. 6–14. – URL: http://psyjournals.ru/files/79056/jmfp_2015_3_n1_Melehin.pdf

11. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013.

12. *Сахарова Т.Н.* Эмоционально-нравственная сфера пожилых людей (опыт психологического исследования). – М.: Прометей, 2011.

13. *Сенкевич Л.В., Шагидаева А.Б.* Экзистенциальные проблемы личности в современной зарубежной геронтопсихологии: результаты анализа исследований за последние пять лет [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 22–29. – DOI: 10.17759/jmfp.2017060303

14. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст человека как предиктор жизнедеятельности // Психология человека и общества: науч.-практ. исслед. / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной. – М.: Ин-т психологии РАН, 2015. – С. 262–281.

15. *Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е.* Психологические факторы благополучного старения // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8, вып. 3. – С. 243–257.

16. *Стрижицкая О.Ю.* Геротрансцендентность: психологическое содержание и теоретические модели // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, вып. 3. – С. 268–280.

17. *Стрижицкая О.Ю., Хункос-Рабадан О.* Современные европейские направления исследований психологии старения // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 66–71.

18. *Суслова Т.Ф., Жучкова С.М.* Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5, № 3. – С. 78–90.

19. *Харламенкова Н.Е.* Копинг-ресурсы и ресурсность социальной поддержки в период поздней взрослости // Горизонты зрелости: сб. тез. участников Пятой всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития / под ред. Л.Ф. Обуховой, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцовой. – М.: МГППУ, 2015. – С. 328–333.

20. *Франкл В.* Воля к смыслу. – М.: ЭКСМО, 2000.

УДК 159.922

Руднова Наталья Александровна
ассистент кафедры общей и клинической психологии
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-61-55

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ КУРСОВ ОБУЧЕНИЯ

Natalya A. Rudnova
Assistant of the Department of General and Clinical Psychology
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

RESEARCH OF LIFE VALUES OF STUDENTS OF DIFFERENT COURSES OF TRAINING

Аннотация. Обучение в современном вузе связано не только с получением профессиональных компетенций, многие общекультурные компетенции формируются именно в период студенчества. Целью исследования стало изучение особенностей системы терминальных ценностей у студентов разных курсов обучения. В исследовании приняли участие 92 человека: 31 студент первого курса (*M* = 18,61; *SD* = 1,73), 30 – второго курса (*M* = 19,6; *SD* = 2,09) и 31 – третьего курса (*M* = 20,08; *SD* = 0,9). В результате было выявлено, что системы ценностей студентов, обучающихся на разных курсах, имеют значительное сходство. Однако на младших курсах преобладающей направленности не обнаружено, а к третьему курсу ведущей становится прагматическая.

Ключевые слова: терминальные ценности, инструментальные ценности, гуманистическая направленность, прагматическая направленность.

Abstract. High school education not only relates to professional competencies but also with personality features changes. During university, many general cultural competencies and their components like personal values are formed. This article presents the results of studying the terminal values of students. The study involved 92 undergraduate students: 31 people – first-year students (*M* = 18.61; *SD* = 1.73), 30 – second-year students (*M* = 19.6; *SD* = 2.09) and 31 – third (*M* = 20.08; *SD* = 0.9). As a result, it was revealed that the value systems of students have similarities. However, if we talk about the general direction, then it is not in the undergraduate courses, in the third year the leading direction is pragmatic.

© Руднова Н.А., 2019

Key words: terminal values, instrumental values, humanistic orientation, pragmatic orientation.

Высшая школа всегда являлась социальным институтом, влияющим на формирование социальной структуры общества и социализацию личности как носителя общественных ценностей [4, 13]. Современная система высшего образования построена таким образом, что, обучаясь, молодой человек получает не только профессиональные знания, умения и навыки, но и базовые компетенции, необходимые для успешной социализации, а также возможности творчески, на основе усвоенных ценностей, правил и норм, реализовывать свое предназначение [14].

Именно в период перехода от юношества к взрослости происходит наиболее значительное изменение в системе ценностей, что при комплексном воздействии образовательной среды вуза позволяет формировать ценностные ориентации, которые далее будут определять мировоззренческие позиции [5]. Для максимальной эффективности обучения и воспитания необходимо четкое представление о том, что находится в приоритете у молодого поколения, какие ориентиры помогают развиваться. Изучение ценностной структуры личности студентов и динамики ее изменения на протяжении 3 курсов может помочь при разработке воспитательных мероприятий, учебных планов, в выборе преподавателями наиболее эффективных форм и методов обучения.

Под термином «ценность» в настоящей работе понимается отношение субъекта к явлению, жизненному факту, объекту или субъекту и признание его как важного, имеющего жизненную значимость [10]. Традиционно опираются на классификацию ценностей, предложенную М. Рокичем, который подразделяет их на инструментальные и терминальные [8]. Если первые представляют собой желательные способы поведения, которыми человеку стоит владеть, то вторые выступают теми целями и смыслами, к достижению которых он стремится.

Перечень терминальных ценностей в известной степени ограничен и устойчив: как правило, к ним относятся нормы, которые разделяет большинство людей, независимо от расовой, религиозной, культурной и другой принадлежности [1, 6]. К ним можно отнести здоровье, семейное благополучие, возможность самореализации в процессе труда и т.д.

Реализованные ранее исследования свидетельствуют о том, что первокурсники чаще ориентированы на ценности личной жизни, а не профессиональной деятельности. Они выше оценивают здоровье, развлечения и успешную социальную жизнь (семья, друзья), чем общественное признание, развитие и интересную работу [11]. Возможно, выраженность данных ценностей связана с переходом от школьной формы обучения, с характерной ей жесткой системой контроля, к более самостоятельной и ориентированной на дальнейшую профессиональную деятельность [9]. К старшим курсам среди прочих терминальных ценностей возрастает значимость материального благополучия, независимости и безопасности [3]. Другие исследователи отмечают, что приоритетными становятся межличностные отношения, в частности, создание семьи и общение с друзьями [12].

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей системы терминальных ценностей у студентов разных курсов обучения.

Учитывая результаты реализованных ранее исследований, можно предположить, что на первом курсе значимыми будут ценности, связанные с активной социальной жизнью, а к третьему курсу повысится значимость ценностей, связанных с будущей трудовой деятельностью, например, развитие себя, достижения и высокое материальное положение.

В исследовании приняли участие 92 человека: 31 человек – студенты первого курса (M = 18,61; SD = 1,73), 30 – второго курса (M = 19,6; SD = 2,09) и 31 – третьего курса (M = 20,08; SD = 0,9).

Для выявления системы терминальных ценностей студентов использовался опросник «Морфологический тест жизненных ценностей» (авторы – В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) [10]. Опросник включает в себя 112 пунктов, которые респонденты оценивают от 1 («утверждение не имеет никакого значения») до 5 («очень важно»).

Методика позволяет диагностировать такие терминальные ценности, как развитие себя, т.е. познание своих индивидуальных особенностей, постоянное развитие своих способностей и других личностных характеристик; высокое материальное положение, т.е. обращение к факторам материального благополучия как главному смыслу существования; креативность, т.е. реализация своих творческих возможностей, стремление изменять окружающую действительность и др.

Кроме того, данная методика позволяет выявить преобладание гуманистической (духовно-нравственные ценности) или прагматической (эгоистически-престижные) направленности.

Для анализа данных были использованы методы описательной статистики, дисперсионный анализ и t-критерий, направленные на выявление особенностей систем ценностей у студентов разных курсов. Вся обработка данных проходила с использованием пакета прикладных программ SPSS для статистического анализа данных.

В результате применения методов описательной статистики была выявлена система ценностей у студентов 1, 2 и 3-го курсов (таблица).

Средние и стандартные отклонения показателей ценностей студентов вуза

Ценность	1 курс		2 курс		3 курс	
	Ср. ар.	Ст. откл.	Ср. ар.	Ст. откл.	Ср. ар.	Ст. откл.
Развитие себя	39,03	7,04	42,07	6,14	38,83	6,18
Духовная удовлетворенность	41,37	7,03	44,97	4,48	41,65	12,08
Креативность	34,23	7,76	36,79	7,79	31,68	6,37
Социальные контакты	38,10	7,30	42,55	5,70	38,62	8,00
Престиж	35,60	7,59	40,72	5,87	35,70	9,21
Достижения	39,70	6,65	42,90	4,76	43,35	3,32
Материальное положение	40,77	7,85	46,90	6,70	46,69	7,67
Сохранение индивидуальности	39,07	8,38	44,76	6,22	38,59	6,31

Согласно полученным данным, у первокурсников наиболее выражена духовная удовлетворенность как стремление к получению морального удовлетворения во всех сферах жизни и материальное положение как убежденность в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия. Далее находятся ценность достижений (конкретных и ощутимых результатов), сохранение индивидуальности (неповторимости и своеобразия своей личности, своих убеждений, своего стиля жизни), развитие себя (потребность получать объективную информацию об особенностях своей личности, стремление к самосовершенствованию). Затем следует ценность установления благоприятных взаимоотношений с окружающими людьми (активные социальные контакты), престижа (потребность в признании, уважении, одобрении со стороны других, как правило, наиболее значимых лиц) и креативности, под которой в данном случае подразумевается реализация своих творческих возможностей.

У студентов второго курса на первом месте по значимости находится материальное положение, затем духовная удовлетворенность и сохранение индивидуальности, далее следуют достижения, социальные контакты и последовательно развитие себя, престиж и креативность.

На третьем году обучения система ценностей студентов несколько изменяется. Материальное положение, достижения и духовная удовлетворенность сохраняют ведущие позиции. Затем следуют развитие себя, социальный контакт, сохранение индивидуальности, престиж и креативность.

Материальное положение и духовная удовлетворенность устойчиво демонстрируются как ведущие ценности на всех курсах, а престиж и креативность – как наименее ценные показатели во всей выборке. Выраженность остальных ценностей меняется от курса к курсу.

Для выявления значимости различий в выраженности терминальных ценностей у студентов 1, 2 и 3-го курсов был проведен дисперсионный анализ (ANOVA).

В результате обработки данных обнаружены значимые различия в выраженности всех исследуемых ценностей у студентов разных курсов, за исключением ценностей «развитие себя» и «духовная удовлетворенность» (рис. 1).

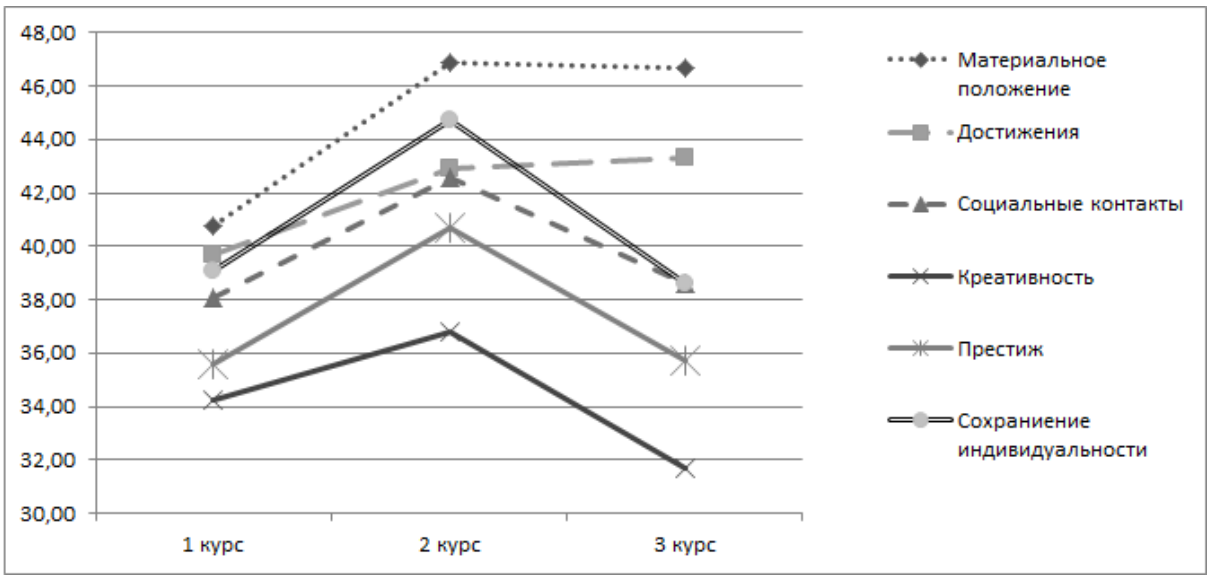


Рис. 1. Выраженность терминальных ценностей у студентов 1, 2 и 3-го курсов

Ценность материального положения (F (2,82) = 5,87; $p < 0,005$), достижений (F (2,82) = 3,99; $p < 0,005$) и социальных контактов (F (2,82) = 2,96; $p < 0,05$) более выражена у студентов второго ($p < 0,05$) и третьего курсов ($p < 0,005$), в отличие от студентов-первокурсников. Они же значимо выше оценивают креативность (F (2,82) = 2,70; $p > 0,05$) по сравнению со студентами третьего курса ($p < 0,05$), а значимость престижа (F (2,82) = 4,06; $p < 0,05$) оценивают выше, чем студенты как первого ($p < 0,05$), так и третьего курса ($p < 0,05$). Сохранение индивидуальности (F (2,82) = 6,10; $p < 0,005$) первокурсники оценивают значимо ниже, чем студенты второго курса ($p < 0,005$), но выше, чем студенты третьего курса ($p < 0,005$).

Если рассматривать различия в выраженности эгоистически-престижных (F (2,82) = 5,496; $p < 0,05$) и духовно-нравственных ценностей (F (2,82) = 2,72; $p < 0,05$), можно отметить, что значимое различие ($p < 0,05$) есть только между студентами первого и второго курса (рис. 2).

Сравнение при помощи t-критерия Стьюдента выраженности данных групп ценностей показало, что эгоистически-престижные, по сравнению с духовно-нравственными, выражены в большей степени только у студентов третьего курса (t = 2,11; $p < 0,05$).

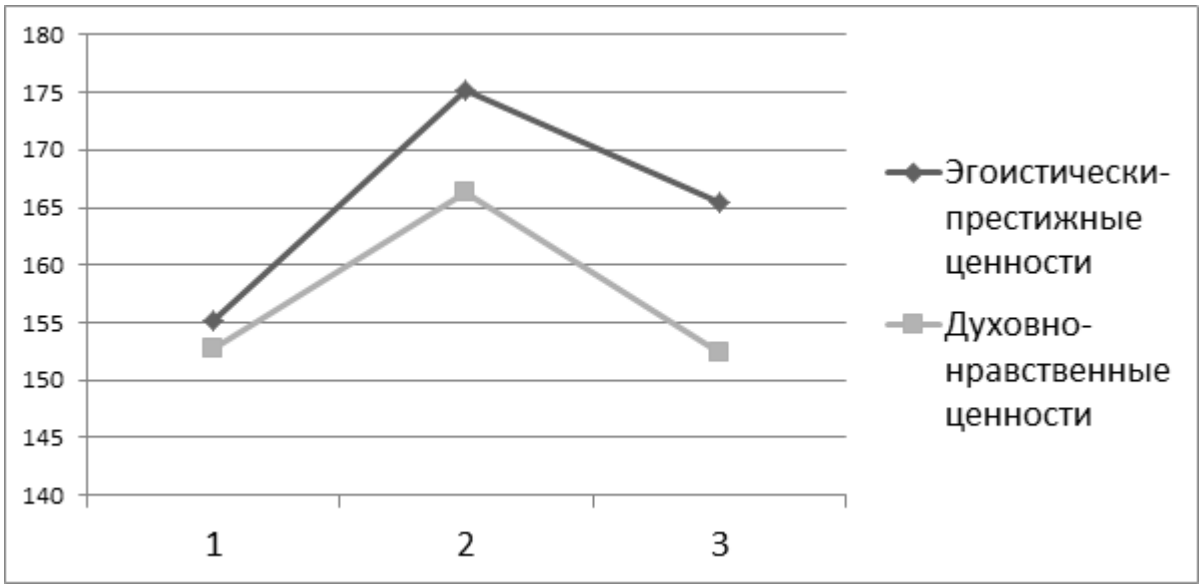


Рис. 2. Выраженность эгоистически-престижных и духовно-нравственных ценностей у студентов 1, 2 и 3-го курсов

Первое, на что стоит обратить внимание при обсуждении полученных данных, это то, что студенты разных курсов в целом демонстрируют схожую систему ценностей. Так, достаточно высоко они все оценивают материальное положение и духовную удовлетворенность, достижения. Кроме того, показатели материального положения и достижений значимо выше у второго курса и не ниже у третьего. Вероятно, жизненное благосостояние студентов всех курсов в значительной степени связано с финансовой обеспеченностью, способностью ставить жизненные задачи и достигать их, руководствуясь при этом морально-нравственными принципами.

Достаточно низко студенты оценивают престиж и креативность. Можно предположить, что они не стремятся к признанию окружающих как самоцели, в той же мере реализация творческих возможностей может выступать скорее инструментом достижения более значимых ценностей.

Интересно, что ценность сохранения индивидуальности, т.е. стремление к неповторимости и независимости, высоко оценивается студентами второго курса. Можно объяснить это тем, что на первом курсе в ходе адаптации к новым социальным условиям основная задача – ассимиляция в новое сообщество, что предполагает ориентацию в большей степени на конформность, чем уникальность личности. Именно поэтому ценности собственной уникальности появляются только на втором курсе.

Полученные результаты частично подтверждаются данными ранее проведенных исследований. Так, в исследовании Е.В. Кривцовой студентами высоко оцениваются материальное положение и достижения. Повышение ценности материально обеспеченной жизни на 2-м году обучения обнаруживает М.В. Шабаловская [15]. Возможно, выраженность данной группы ценностей связана с особенностями выборки (в нашей работе это студенты экономического факультета), поскольку исследование, реализованное на выборке студентов помогающих профессий, выявило значительную выраженность таких ценностей, как творчество, счастье других, красота природы и искусство, т.е. ориентация на свободу, а не на власть или деньги; в большей степени на процесс, чем результат [2].

Согласно анализу данных, можно утверждать, что за период обучения в вузе происходит формирование общей направленности личности и деятельности студента. Так, студенты первого и второго курса не имеют выраженной направленности, что свидетельствует об отсутствии выраженного предпочитаемого целеполагания. При этом на старших курсах появляется основная направленность – прагматическая. Аналогичная тенденция обнаружена Е.В. Кривцовой: по сравнению с первокурсниками, у выпускников эгоистически-престижные ценности оказываются чуть выше в рейтинге, хотя ведущей все равно остается неопределенная направленность.

В итоге можно сделать вывод, что системы ценностей студентов, обучающихся на разных курсах, несмотря на некоторые расхождения, в значительной степени схожи. Наиболее высоко студенты оценивают материальное положение, духовную удовлетворенность и достижения. Меньшую значимость для них представляют престиж и креативность. Но если говорить о направленности, то на младших курсах преобладающей нет, хотя к третьему курсу ведущей становится прагматическая, включающая эгоистически-престижные ценности.

Список литературы

1. *Баркова М.А.* Общечеловеческие ценности народной педагогики в произведениях В.М. Шукшина // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 3. – С. 237–243.

2. *Болучевская В.В.* Ценностные ориентации и социально-психологические установки будущих специалистов помогающих профессий в процессе их профессионального самоопределения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 3. – URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_3_4/nomer/nomer05.php

3. *Бражникова А.Н., Тищенко Ю.В.* Динамика ценностей личности в раннем юношеском возрасте // Вестник Брянск. гос. ун-та. 2012. – № 1 (1). – С. 194–198.

4. *Карпушина Л.В., Капцов А.В.* Тест личностных ценностей: руководство по применению теста. – Самара: ИПК «Содружество», 2007. – 60 с.

5. *Клименко О.В.* Формирование ценностных ориентаций студентов вузов в ходе изучения гуманитарных дисциплин: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08. – М., 2011. – 227 с.

6. *Комаров А.С.* Общечеловеческие ценности: опыт апологии // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 21–29.

7. *Кривцова Е.В.* Исследование ценностного самоопределения личности // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – Т. 2, № 1 (57). – С. 77–81.

8. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты, изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.

9. *Попова Е.А., Шеина М.В.* Учеба в сильной школе – гарантия высоких академических результатов в вузе? // Вопросы образования. – 2017. – № 1. – С. 128–157.

10. *Сопов В.Ф., Карпушина Л.В.* Морфологический тест жизненных ценностей: руководство по применению теста. – Самара: Изд-во СамИКП-СНЦ РАН, 2002. – 56 с.

11. *Суходолова Е.П.* Ценностные ориентации первокурсников: перспективы развития // Дискуссия. – № 2 (32). – 2013. – С. 114–121.

12. *Темницкий А.Л.* Динамика терминальных и инструментальных ценностей учебы у студентов МГИМО // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 1(40).

13. *Томсинов В.А.* Роль Университета в жизни общества // Этнос и право. – 2016. – № 1. – С. 4–8.

14. *Троянская С.Л.* Основы компетентностного подхода в высшем образовании. – Ижевск: ИЦ «Удмурт. ун-т», 2016. – 176 с.

15. *Шабаловская М.В.* Аксиологический аспект развития активности современных студентов // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 6. – С. 81–85.

УДК 159.9.07

Бячкова Наталия Борисовна
кандидат философских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, доцент
e-mail: nota_bene@psu.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614000, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРАМЕТРОВ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ И ВЫБОРА СУПРУГАМИ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

Nathalia B. Biachkova
Associate Professor of Department of General and Clinical Psychology
e-mail: nota_bene@psu.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

INTERRELATION OF PARAMETERS OF FAMILY STRUCTURE AND SPOUSES' CHOICE OF BEHAVIOUR STRATEGY IN THE SITUATION OF CONFLICT

Аннотация. Анализируется понятие структуры семьи как ключевое понятие, используемое при описании семейного взаимодействия. Структура семьи анализируется с позиции системного подхода. Обобщаются результаты исследования связи параметров структуры семьи и выбора супругами стратегии поведения в конфликте. Результаты исследования обсуждаются с учетом гендерного аспекта.

Ключевые слова: системный подход, структура семьи, сплоченность, иерархия, границы, гибкость, семейные роли, конфликт, гендерный аспект.

Abstract. In the article the notion of the structure of the family as the key concept used for description of interaction within the family is analysed. The structure of the family is studied from the perspective of system approach. The article summarizes the results of the research of interaction of the family structure parameters and spouses' choice of behaviour strategy in the situation of conflict. The results of the research are discussed from the point of view of gender aspect.

© Бячкова Н.Б., 2019

Key words: system approach, the structure of the family, unity; hierarchy, boundaries, flexibility, family roles, conflict, aspect of gender.

В последние годы наблюдается повышенный интерес к сфере оказания психологической помощи семье. Во многом это обусловлено стремлением все большего количества людей к полноценным семейным отношениям, пониманием, что именно семья сегодня способна удовлетворить актуальные потребности современной личности. В связи с этим возрастает и востребованность профессиональной психологической помощи семье. При этом отмечается явный недостаток исследований отечественных специалистов, систематизирующих и обобщающих существующий опыт. Наше исследование выполнено в русле системного подхода, субъектом изучения в котором является не один член семьи, а вся семейная система. Несмотря на то что к психологу по-прежнему обращается чаще всего один из членов семьи, системный подход становится все более применимым, появляется возможность исследований в этой сфере.

Теоретической основой нашего исследования является структурная теория семьи С. Минухина. В системном подходе семья рассматривается как система, обладающая определенной структурой и свойствами [2].

С точки зрения С. Минухина и Ч. Фишмана, «семья – это естественная группа, в которой со временем возникают стереотипы взаимодействия. Эти стереотипы создают структуру семьи, определяющую функционирование ее членов, очерчивающую диапазон их поведения и облегчающую взаимодействие между ними» [2, с. 17]. А.В. Черников также отмечает, что «…структура семьи – одно из основных понятий, используемых при описании семейного взаимодействия» [4, с. 19].

Семейная структура представляет собой совокупность элементов и взаимосвязей между ними. Элементы – это подсистемы (супружеская, родительская, сиблинговая и др.), представляющие собой локальные, дифференцированные совокупности семейных ролей, которые позволяют семье выполнить определенные функции и обеспечивать ее жизнедеятельность [2].

Взаимоотношения между структурными элементами семейной системы характеризуются следующими параметрами: сплоченность, иерархия, гибкость, внешние и внутренние границы, ролевая структура семьи. Охарактеризуем параметры структуры семьи подробнее.

D. Olson определяет сплоченность как психологическое расстояние между членами семьи и использует это понятие для описания степени, до которой члены семьи видят себя как связное целое [5]. Согласимся с автором. Вопреки житейским установкам, высокий уровень сплоченности ведет к психологическому слиянию (симбиозу) членов семьи, утрате ими личностных границ. Функциональным является уровень психологической близости, который предполагает наличие у членов семьи определенной личностной автономии.

Иерархия в свою очередь характеризует отношения доминирования, т.е. подчинения в семье. D. Olson считает, что делать вывод о том, насколько функционален тот или иной уровень иерархии в семейной системе, возможно только после анализа сочетания иерархичности со степенью близости членов

семьи [5]. Стоит согласиться с этим. Практика показывает, что один и тот же уровень иерархии в сочетании с разными вариантами сплоченности ведет к совершенно различным результатам. Так, например, высокий уровень иерархии при наличии эмоциональной близости будет вполне функционален, тогда как в семьях с низкой степенью сплоченности высокий уровень доминирования одного из членов семьи может быть причиной дисфункции.

Под семейной гибкостью понимается способность семейной системы адаптироваться при воздействии различных (внешних и внутренних) условий [4]. При этом семейная система должна сохранять свои характеристики стабильными.

Термин «граница» используется в описании взаимоотношений между семьей и социальным окружением (внешние границы), а также между различными подсистемами внутри семьи (внутренние границы). Границы определяют структуру семьи и являются своего рода «правилами, определяющими, кто и как участвует во взаимодействии» [2, с. 24].

Как отмечают С. Минухин и Ч. Фишман, семейные роли – устойчивые функции семейной системы, закрепленные за каждым из ее членов [2]. Ролевая структура семьи предписывает членам семьи, что и как, когда и в какой последовательности они должны делать, вступая друг с другом в отношения. Важно помнить, что помимо модели поведения, в понятие «роль» включены цели, мотивы, интересы, убеждения, чувства, ценности и т.д., которые ожидаются от члена семьи. Olson отмечает, что, вступая в брак, супруги часто воспроизводят структурный тип семейной системы, который у них был в родительских семьях, или иногда пытаются создать противоположный. Если супруги происходят из двух совершенно различных семейных систем или предпочитают разные типы семейных динамик, для них будет труднее создать совместный стиль взаимоотношений [5].

Очевидно, что семейный конфликт может выполнять две функции: позитивную (конструктивную) и негативную (деструктивную).

Конструктивная функция конфликта в семейных отношениях проявляется в том, что он может стать источником развития семейной системы, в том числе и семейной структуры: повысить уровень сплоченности и гибкости, способствовать появлению новых ролей, уточнить границы. Деструктивная функция заключается в том, что неконструктивно разрешенный конфликт может стать причиной формирования семейной дисфункции, затруднять прохождение нормативного кризиса, а на уровне структуры – снижать семейную сплоченность, быть источником патологизирующих ролей, способствовать повышению ригидности или хаотичности семейной системы. Функциональная семейная структура позволяет, на наш взгляд, сформировать единые для семьи способы взаимодействия, во многом определяет выбор стратегии поведения в конфликте. Вопрос связи параметров структуры и выбора стратегии поведения в конфликте не изучен в системной семейной психологии. Изучение данного вопроса является целью нашего исследования.

Мы предполагаем, что существует специфика взаимосвязей параметров семейной структуры и выбора стратегии поведения в конфликте. Также мы допускаем, что существуют значимые различия у супругов в параметрах

семейной структуры. Мы считаем, что значимых различий в выборе стратегий поведения в конфликте у супругов нет.

В исследовании приняли участие 40 супружеских пар в возрасте от 22 до 49 лет (40 мужчин и 40 женщин). Стаж супружеской жизни – от 2 до 27 лет.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методики: методика «Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES – 3)» Д.Х. Олсона [3], методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой [3], тест Томаса – Килмана «Поведение в конфликтной ситуации» [1].

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы математической статистики: *t*-критериальный анализ Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона.

Таблица 1

Анализ значимых различий параметров семейной структуры и стратегий поведения в конфликте у супругов

Параметры	Мужчины	Женщины	*t-value*	*p*
СП – семейная сплоченность	20,45	25,50	-3,01	0,005***
СВ – совместное время	3,70	5,85	-4,72	0,000***
ОД – общие друзья	3,65	4,85	-2,37	0,023*
РО – ролевые бытовые ожидания	3,95	5,40	-2,26	0,029*
СА – внешняя социальная активность	3,75	5,15	-2,62	0,012**
Сап – личная установка на активность	4,15	6,00	-4,07	0,000***
ВПп – установка на собственную привлекательность	3,85	5,20	-2,54	0,015*

Анализ значимых различий (табл. 1) показывает, что женщины в большей степени нуждаются в близких эмоциональных отношениях в семье, хотят видеть семью единым целым, в то время как мужчины больше ориентированы на независимость и эмоциональную дистанцированность в семейных отношениях.

Женщины чаще, чем мужчины, предпочитают проводить время в кругу семьи, стремятся формировать круг общих с мужем друзей, мужчины же чаще стремятся к индивидуальному времяпрепровождению.

Женщины чаще, чем мужчины, ожидают от партнера активного включения в решение бытовых вопросов, в то время как мужчины чаще бывают отгорожены от проблемы быта в семье, что, вероятно, и стимулирует рост ролевых бытовых ожиданий у женщин.

Женщины в бóльшей степени, чем мужчины, стремятся к социальной активности, профессиональной и общественной реализации, в то время как мужчинам свойственна бóльшая пассивность и социальная невключенность.

Женщины чаще, чем мужчины, считают себя привлекательными, больше внимания уделяют своему внешнему виду, им важно выглядеть привлекательно в глазах супруга. В то же время мужчины относятся к своей внешности несколько спокойнее и равнодушнее.

Кроме этого, в результате анализа различий по показателям стратегий поведения в конфликте у мужчин и женщин выявлено не было. Это может означать то, что мужчины и женщины одинаково реагируют на сложные конфликтные жизненные ситуации, в том числе и в семейной жизни. Вероятно,

степень психологической близости супругов, высокий уровень взаимной адаптации и ролевой адекватности способствовали формированию сходных поведенческих стратегий, в том числе и в конфликтных ситуациях. Это подтверждает сформулированную нами гипотезу.

В ходе исследования был проведен анализ взаимосвязей параметров семейной структуры и стратегий поведения в конфликте у мужчин и женщин (табл. 2, 3).

Таблица 2

Взаимосвязи показателей семейной структуры, стратегий поведения в конфликте у мужчин

	СП	ЭМ	СГ	ПР	СВ	ОД	КН	СП1	СО	СА	ЭТ	ВП	СИ	СС
СП	**1,00**	0,44*	0,82***			0,51**								
ЭМ	0,44*	**1,00**												
СГ	0,82***		**1,00**											
ПР				**1,00**	-0,40*							-0,44*		
СВ				-0,40*	**1,00**	0,41*					0,50**			
ОД	0,51**				0,41*	**1,00**								
КН							**1,00**	0,41*						
СП1							0,41*	**1,00**	0,43*					
СО								0,43*	**1,00**					
СА										**1,00**	0,55**	0,46*		
ЭТ					0,50**					0,55**	**1,00**			
ВП				-0,44*						0,46*		**1,00**	0,44*	
СИ							-0,46*					0,44*	**1,00**	-0,49*
СС													-0,49*	**1,00**

Примечание: СП – семейная сплоченность; ЭМ – эмоциональная связь; СГ – семейные границы; ПР – принятие решений; СВ – совместное время; ОД – общие друзья; КН – контроль; СП1 – семейные правила; СО – значимость сексуальных отношений в супружестве; СА – значение внешней социальной активности; ЭТ – установка на эмоционально-терапевтические формы брака; ВП – значение для субъекта внешней привлекательности супруга4 СИ – стиль избегания; СС – стиль сотрудничества.

По результатам анализа можно предположить, что мужчины, ориентированные на сплоченность в семье, испытывают потребность в эмоциональных связях в семье, в совместных действиях и интересах, с одобрением относятся к друзьям всех членов семьи.

Мужчины, стремящиеся удовлетворить в семейных отношениях потребности, связанные с психологическим здоровьем, склонны проводить с женой свободное время и имеют общие интересы, нередко имеют и общих друзей. Терапевтические функции брака также важны для социально активных

мужчин. Те мужчины, которые не стремятся проводить с семьей все свое свободное время и предпочитают независимость и самостоятельность, самостоятельны и в принятии решений. В то же время мужчины, которые любят свое свободное время проводить в кругу семьи, не прочь отдать бразды правления в семье в женские руки.

К контролю склонны мужчины, для которых семейные правила являются важной составляющей супружества и которые при возникновении конфликтных ситуаций не стремятся избегать их и перекладывать ответственность за их решение на окружающих. Кроме этого, семейных правил склонны придерживаются мужчины, для которых сексуальные отношения являются важной составляющей супружеской жизни.

Мужчины, для которых внешняя привлекательность жены является важной составляющей супружеских отношений, предпочитают отдавать инициативу и ответственность за принятие решений жене, при этом ведут активную социальную жизнь. В то же время мужчины, относящиеся к женской внешности спокойнее, отличаются большей ответственностью и инициативностью в принятии решений.

Стиль избегания в конфликте предпочитают мужчины, для которых важной составляющей отношений с супругой является ее внешняя привлекательность. Вероятно, мужчины предпочитают избегать конфликтов с женщиной, которую считают красивой.

Важно также отметить, что те мужчины, которые выбирают стиль избегания в конфликтной ситуации, не склонны и к сотрудничеству.

Таблица 3

Взаимосвязи параметров семейной структуры и стратегий поведения в семейном конфликте у женщин

	СП	ЭМ	СГ	ОД	ГБ	ЛД	СР	СП1	СО	ЛИ	ЭТп	СИ	СС
СП	**1,00**		0,84 ***	0,70 ***									
ЭМ		**1,00**				0,42*							
СГ	0,84 ***		**1,00**										
ОД	0,70 ***			**1,00**									
ГБ					**1,00**		0,54**						
ЛД		0,42*				**1,00**							
СР					0,54**		**1,00**		0,46*				
СП1								**1,00**	0,41*				
СО							0,46*	0,41*	**1,00**	-0,44*			
ЛИ									-0,44*	**1,00**			
Этп											**1,00**	0,42*	
СИ											0,42*	**1,00**	-0,42*
СС												-0,42*	**1,00**

Примечание: СП – семейная сплоченность; ЭМ – эмоциональная связь; СГ – семейные границы; ОД – общие друзья; ГБ – гибкость (семейная адаптация); ЛД – лидерство; СР – семейные роли; СП1 – семейные правила; СО – значимость сексуальных отношений в супружестве; ЛИ – установка на личностную идентификацию с супругом; ЭТп – эмоциональная установка субъекта на собственную роль эмоционального лидера семьи; СИ – стиль избегания; СС – стиль сотрудничества.

Как видно из табл. 3, можно предположить, что женщины, как и мужчины, ориентированные на сплоченность и понимание супругами друг друга в семье, испытывают потребность в совместных интересах, с одобрением относятся к друзьям всех членов семьи, стремятся заводить общих друзей.

Можно допустить, что женщины, которые ощущают эмоциональную близость с членами семьи, испытывают потребность организовывать семейную жизнь и нести за нее ответственность, что проявляется в желании женщины быть лидером в семье. В то же время эмоциональная отстраненность с мужем приводит к тому, что женщина пассивна в выполнении семейных ролей и не претендует на позиции лидера.

Имеют гибкий круг обязанностей, готовы изменять семейные правила в зависимости от обстоятельств и выполнять разные семейные роли те женщины, которые внимательно относятся к мнению всех членов семьи, готовы принимать лидирующие позиции любого из домочадцев и для которых сексуальные отношения с мужем являются значимыми. В то же время категоричность, ригидность и излишний консерватизм, отсутствие интереса к сексуальной стороне супружества снижают уровень семейной адаптации женщин. При этом стремление к совпадению мнений, интересов, ценностей характерно для женщин, для которых сексуальные отношения не являются значимыми. Вероятно, организацией досуга и стремлением разделить с мужем ценности и установки женщины пытаются компенсировать то ощущение близости с мужем, которое не могут получить в сексуальных отношениях. В то же время удовлетворение и чувство близости с мужем в сексуальных отношениях делает женщин в семье более самодостаточными и уверенными в себе.

Что касается стилей поведения в конфликте, то предпочитают стиль избегания те женщины, для которых не является характерной эмоциональная установка на роль эмоционального лидера семьи. Женщины, которые готовы взять на себя роль лидера, не станут избегать решений конфликтных ситуаций.

Кроме этого, так же, как и у мужчин, стиль поведения в конфликте «избегание» значимо отрицательно коррелирует со стилем сотрудничества. Можно предположить, что те женщины, которые не отстаивают свои права, ни с кем не сотрудничают для выработки решения или уклоняются от решения конфликта, не склонны к активному участию в разрешении конфликта, к сотрудничеству. Наличие общей для выборок корреляционной связи также подтверждает нашу гипотезу об отсутствии у супругов значимых различий в выборе стратегий поведения в конфликте.

Таким образом, гипотезы, поставленные в исследовании, подтвердились. Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании семей.

Список литературы

1. *Емельянов С.В.* Практикум по конфликтологии. – СПб.: Питер, 2000. – 368 с.

2. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 304 с.

3. *Олифирович Н.И., Зинкевич-Кузёмкина Т.А., Велента Т.Ф.* Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. – 356 с.

4. *Черников А.В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 208 с.

5. *Olson D.* Circumplex Model of Marital and Family Systems. Assessing Family Functioning // Normal Family Processes / ed. F. Walsh. – NY: The Guilford Press; London, 1993.

УДК 159.99

Радостева Анна Геннадьевна
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
e-mail: batagen@gmail.com

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, +7 (342) 238-63-97

МОТИВАЦИЯ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА КАК КОМПОНЕНТ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ

Anna G. Radosteva
e-mail: batagen@gmail.com

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia

MOTIVATION OF THE BIRTH OF A CHILD AS A COMPONENT OF REPRODUCTIVE INSTALLATION

Аннотация. Представлен обзор исследований мотивации рождения ребенка как компонента родительской установки; рассмотрены связи конструктивных и деструктивных мотивов с функционированием семейной системы; выделены разные группы мотивов рождения детей (экономические, социальные, психологические) и основные типы ценности ребенка.

Ключевые слова: мотивы рождения детей, родительские установки, материнство.

Abstract. The article presents a review of studies on the motivation of childbirth as a component of the parental setting; considered the relationship of constructive and destructive motives with the functioning of the family system; different groups of birth motives for children (economic, social, psychological) and the main types of values of the child are highlighted.

Key words: birth motives, parental attitudes, motherhood.

Репродуктивное поведение человека является предметом рассмотрения различных отраслей психологической науки: от эволюционной психологии до психологии материнства. Вместе с тем именно репродуктивная мотивация женщины, готовящейся стать матерью, имеет существенное значение как для

© Радостева А.Г., 2019

протекания беременности, так и для отношения к себе и своему будущему ребенку.

Определение мотивов рождения ребенка позволяют оценить качественную и содержательную стороны потребности в детях. Мотивация рождения ребенка раскрывает побудительный компонент репродуктивной установки.

В психологических исследованиях можно обнаружить исследование мотивации рождения ребенка с разных теоретически позиций.

Так, В.А. Борисов и В.В. Бойко полагают, что не существует никаких биологических законов, заставляющих иметь детей. Авторы придерживаются мнения о том, что потребность в детях – это устойчивое социально-психологическое образование личности, мотивированное ее внутренними побуждениями [2].

В.А. Иванников, описывая мотивацию рождения ребенка с позиции теории деятельности, полагает, что мотивация является побудителем к материнской деятельности, стимулируя потребность в материнстве. При этом мотив является смыслообразующим фактором [6].

М. Орлевская подчеркивает, что желание или нежелание иметь ребенка непосредственно связано с детскими переживаниями, отношениями с родителями и моделью семьи, в которой выросла женщина, и поэтому может возникнуть неожиданно или выражаться неявно [8].

Различные обстоятельства создают совершенно индивидуальные, неповторимые условия мотивации рождения ребенка для каждой женщины.

Теоретическое исследование мотивов рождения в России активно началось с 70-х гг. XX в., за рубежом – с 1940-х гг. (Индианаполис, США, изучение мотивов рождения последнего ребенка в семье).

Мотивы, связанные с родительством, являются предметом внимания со стороны исследователей (S.K. Nelson, K. Kushlev, Lyubomirsky), равно как и исследования различий в родительской мотивации [15]. Мотивация к деторождению, имеющая связи с различными факторами, рассматривается как склонность положительно или негативно реагировать на деторождение [17]. Кроме того, деторождение также связано с ответственным и включенным родительством [16], которое оказывает влияние на отношения, жизненный стиль и экономическую составляющую семьи [19].

Традиционно при исследовании репродуктивных мотивов выделяют конструктивные и деструктивные мотивы [7] на основе того, какую роль играют мотивы для семейной системы в целом и для матери и ребенка в частности. В зарубежной психологии также рассматривают измерения мотивации к деторождению (позитивная и негативная) [18], которые не просто являются оппозиционными, но побуждают людей к разным действиям, направленным на деторождение или избегание этого [17].

При деструктивных репродуктивных мотивациях материнство не является самоцелью, а ребенок становится скорее средством для достижения иных целей женщины, реализации ее сторонних желаний [10]. Данная группа мотивов отрицательно сказывается на функционировании всей семейной

системы. Так, примерами деструктивных мотивов могут являться мотивы, связанные с повышением собственного благосостояния, получения льгот, легализации брака, удержания супруга и сепарации от родителей.

Конструктивные мотивы, напротив, связаны с развитием семейной системы, с потребностью выражения благодарности супругу или со стремлением дать жизнь новому человеку. Позитивная мотивация на рождение детей (например, на то, чтобы разделить радости родительства с партнером) высоко и значимо связана с намерениями завести ребенка у женщин репродуктивного возраста [20].

Первые могут отрицательно влиять на семью в целом и на ребенка в частности. Вторые, напротив, способствуют укреплению семейных отношений, благополучному рождению, росту и развитию ребенка (Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи).

Мотивация, согласно Г.Г. Филипповой [14], является одной из составляющих готовности к материнству, при этом позитивной можно считать мотивацию, при которой ребенок является самоценностью, а не рассматривается как средство достижения целей.

При этом мотивы рождения ребенка могут носить разный характер в зависимости от того, каких целей стремится добиться женщина: экономических, социальных или психологических.

Экономические мотивы связаны с получением материальных выгод, с упрочением благосостояния семьи, с повышением экономического статуса родителей, получением всевозможных льгот, положенных семьям с определенным количеством детей. Данная группа мотивов в большинстве своем носит деструктивный характер, однако нельзя исключать, что при преобладании конструктивных мотивов мотив повышения материального статуса будет присутствовать, особенно в связи с наличием государственных программ стимулирования рождаемости.

Социальные мотивы направлены на повышение или сохранение социального положения родителей, преемственности рода и семьи. Мотивы социального статуса направлены скорее на реальное и символическое изменение положения женщины, изменение ролевой позиции в семье и ценность общественной реакция в ответ на это изменение. Так же как экономические, мотивы социального статуса носят скорее деструктивный характер, при этом осознание собственного нового статуса матери и понимание всей ответственности за развитие ребенка является скорее конструктивной тенденцией.

Психологические мотивы связаны с удовлетворением таких высших потребностей, как стремление любить, заботиться, избежать одиночества или укрепления отношений между супругами. Психологические мотивы в большинстве своем носят характер конструктивных, хотя при стремлении реализовать эгоистические цели или сугубо индивидуальные потребности могут становиться и деструктивными. Психологические мотивы представлены тремя направлениями:

1) удовлетворение потребности в наполнении жизни смыслом, в получении любви, заботы, уважения, в продолжении себя в детях;

2) удовлетворение потребности в заботе, выражении родительской любви, передаче опыта;

3) стремление избежать одиночества в старости, укрепить отношения между супругами и т.д.

Таким образом, представляется возможным говорить о соотношении основных мотивов, которые определяют репродуктивное поведение. Так, экономические, социальные мотивы чаще выступают как деструктивные, тогда как психологические могут выступать и как мотивы конструктивные.

Г.Г. Филиппова выделяет следующие основные мотивы материнства [12]:

- достичь желаемого социального и возрастного статуса (я – взрослая, самостоятельная женщина, занимающая определенное положение в обществе, имеющая право на соответствующее отношение к себе в семье и обществе);
- удовлетворение модели «полноценной жизни» (человек должен и может иметь определенные вещи, без этого его жизнь неполная, не такая, как у других);
- стремление продолжить себя, свой род (оставить после себя что-то в жизни, что само также будет это продолжение обеспечивать: рожать детей, моих внуков, правнуков);
- реализация своих возможностей (воспитать ребенка, передать ему свои знания, жизненный опыт);
- компенсация своих жизненных проблем (чтобы стал лучше, умнее, красивее, счастливее меня, получил то, что не смогла получить в жизни я);
- решение своих жизненных проблем (заключить или укрепить брак, доказать себе и другим, что я способна родить и быть матерью; спастись от одиночества; обрести помощника в старости);
- любовь к детям (самый сложный мотив, в котором сочетается удовольствие от общения с ребенком, интерес к его внутреннему миру, умение и желание способствовать развитию его индивидуальности и осознание того, что ребенок станет самостоятельным, «не моим», будет любить других и т.п.);
- достижение критического для деторождения возраста.

Кроме того, Г.Г. Филиппова выделила четыре основных типа ценности ребенка, так как уровнем ценности ребенка определяется уровень ценности материнства в целом [13]:

1) эмоциональная (основное содержание взаимодействия с ребенком – положительно-эмоциональные переживания матери);

2) повышенно-эмоциональная (с вариантами: аффективная, эйфорическая или концентрация на ребенке всей потребности в эмоциональной привязанности при отсутствии других объектов эмоциональной привязанности у матери);

3) замена самостоятельной ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы (ребенок как средство для достижения других ценностей: повышения социального и семейного статуса матери, избавления от страха одиночества в будущем, реже – как источник благ и т.п.);

4) полное отсутствие ценности.

Формирование высокой самоценности ребенка на фоне других жизненных ценностей ведет к формированию готовности к материнству, к адекватному представлению о смысле рождения детей. Когда ребенок становится жизненной ценностью для женщины, тогда она готова видеть в нем свое продолжение, развивать и воспитывать, помогать становится личностью. Правильная подготовка себя к исполнению родительской роли включает позитивное видение материнства, позволяющие мобилизовать свой потенциал.

Момент появления ребенка в семье сопровождается психологическим принятием новой личности, адаптацией к ней, изменяется эмоциональная жизнь женщины и семейная жизнь в целом, что приводит к нормативному семейному кризису, окончание которого связано с принятием нового члена семьи.

Появление ребенка в семье знаменует начало новых отношений – детско-родительских. Само присутствие ребенка, его ориентированность на мать оказывает непосредственное влияние на женщину, приводит к изменению структуры ее личности, родительских установок.

Н.В. Феоктистова [11] в своем исследовании родительских установок матерей детей-дошкольников обнаружила, что наиболее характерной является установка на зависимость ребенка, поддержание своего авторитета, строгость и навязчивость. А также выявила специфическое влияние пола ребенка на установки: матери девочек в большей степени склонны избегать общения, проявляют меньшую строгость и поощряют активность, нежели матери мальчиков.

Л.В. Жуковская в своих исследованиях [4] обнаружила:

- наличие возрастной динамики установок. Так, девушкам свойственна установка на свободу и иерархические отношения, отвержение ребенка; в ранней взрослости сочетаются установка на свободу и иерархические отношения с принятием ребенка; а в период средней взрослости формируется установка на равноправные отношения в сочетании с принятием ребенка и его зависимостью;

- связь родительских установок с психологическим благополучием. Так, опыт близких отношений и уровень собственного развития формирует установку на свободу ребенка; удовлетворенность жизнью и принятие мира отражается в принятии ребенка; а личностный рост и нравственные ценности оказывают влияние на установление равноправных отношений;

- матери «закладывают» свои родительские установки в своих дочерей, т.е. происходит межпоколенная трансляция.

Н.В. Горбунова [3] в своем исследовании обнаружила, что женщины 3–4-летних детей в своих родительских установках сочетают стремление к подавлению ребенка, желание сделать его зависимым от себя, поддержать свой авторитет с сохранением при этом психологической дистанции, находятся в режиме ожидания, когда ребенок подрастет и с ним можно будет установить товарищеские отношения. Кроме того, было обнаружено большое количество разнонаправленных связей, что свидетельствует о структурности материнских установок, когда проявление одной установки тесно связано с проявлением

других. По достижении ребенком возраста трех лет у родителей повышается уровень контролирования.

Е.И. Захарова [5] в своем исследовании мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста обнаружила, что в мотивационной сфере женщин лидирует мотив достижения счастья ребенка, но смысловое содержание данного мотива зависит от его соотношения с остальными составляющими мотивационной сферы матери. Была прослежена специфика мотивационной сферы матери с учетом возраста ребенка. Зафиксирована тенденция к обогащению мотивационной сферы матери в связи с возрастанием автономии ребенка.

В проведенном нами (Д.С. Корниенко, А.Г. Радостева) ранее исследовании взаимосвязи мотивов рождения ребенка и родительских установок у женщин с разным репродуктивным статусом были описаны результаты корреляционного анализа, на основе которых можно утверждать, что деструктивные мотивы рождения ребенка для беременных женщин и женщин с детьми усиливают негативные установки, приводя к дистанцированию от него или, наоборот, излишней концентрации и восприятию ребенка как средства достижения собственных целей. Конструктивные мотивы у беременных женщин и индивидуалистические мотивы у женщин с детьми способствуют большей концентрации на ребенке [9].

Таким образом, мы видим, что основная масса как зарубежных, так и отечественных исследований сосредоточена на изучении влияния материнских установок на психическое развитие детей (В.Н. Белкина, М.В. Ермолаева, М.В. Лисина, А.А. Бодалев, В.В. Столин, S. Brody) [1]. Однако наблюдается смещение исследовательской направленности на изучение самих материнских установок, которые, как обнаруживается, являются динамичным образованием, подвергающимся изменениям на протяжении жизни под влиянием ряда факторов: возраста женщины, количества, пола и возраста ее детей, особенностей семьи, мотивации к семейной жизни и рождению ребенка.

Список литературы

1. *Бодалев А.А.* Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М., 1989. – С. 19–21.

2. *Бойко В.В.* От чего зависит потребность в детях // Рождаемость: известное и неизвестное. – М., 1983. – С. 35–48.

3. *Горбунова Н.В.* Особенности родительских установок женщин, имеющих детей раннего дошкольного возраста // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 12. – 2010. – Вып. 2. – С. 274–278.

4. *Жуковская Л.В.* Психологическое благополучие и родительские установки женщин: автореф. дис. … канд. психол. наук. – СПб., 2011. – 24 с.

5. *Захарова Е.И.* Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 97–109.

6. *Иванников В.А.* Анализ мотивации с позиции теории деятельности // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 49–56.

7. *Олифирович Н.И., Зинкевич-Кузёмкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2006. – 360 с.

8. *Орлевская М.* Я хочу ребенка // Счастливые родители. – 2004. – № 3. – С. 76–78.

9. *Радостева А.Г., Корниенко Д.С.* Взаимосвязь мотивов рождения и родительских установок у женщин с разным опытом материнства // Материалы съезда Рос. психол. о-ва / сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т. 2. – С. 59–60.

10. *Стоянова И.Я., Магденко О.В.* Мотивации деторождения беременных женщин в ракурсе становления материнской идентичности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 3(14). – URL: http://mprj.ru

11. *Феоктистова Н.В.* Материнские установки женщин и особенности психического развития детей младшего дошкольного возраста: дис. … канд. психол. наук. – СПб., 2011. – 163 с.: ил.

12. *Филиппова Г.Г.* Образ мира и мотивационные основы материнства // Проблемы изучения и развития личности дошкольника. – Пермь, 1995. – С. 32.

13. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. – М., 2002.

14. *Филиппова Г.Г.* Хрестоматия по перинатальной психологии: Психология беременности, родов и послеродового периода / сост. А.Н. Васина. – М.: Изд-во УРАО, 2005. – С. 62–65.

15. Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework / M. Liss, H.H. Schiffrin, V.H. Mackintosh et al. // Genetic, Social & Social Psychology. – 1994. – Vol. 120(2). – P. 223–253.

16. *Miller W.B.* Childbearing motivation and its measurement // Journal of Biosocial Science. – 1995. – Vol. 27. – P. 473–485. – DOI: 10.1017/S0021932000023087

17. *Miller W.B.* Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework // Genetic, Social & Social Psychology. – 1994. – Vol. 120(2). – P. 223–253.

18. *Siegel K., Schrimshaw E.W.* Reasons and justifications for considering pregnancy among women living with HIV/AIDS // Psychology of Women Quarterly. – 2001. – Vol. 25. – P. 112–123.

19. Why do people postpone parenthood? Reasons and social policy incentives / M. Mills, R.R. Rindfuss, P. McDonald, E. Velde // Human Reproduction Update. – 2011. – Vol. 17(6). – P. 848–860. – DOI: 10.1093/humupd/dmr026

20. Women's depressive symptoms during the transition to motherhood: The role of competence, relatedness, and autonomy / L. Gauthier, F. Guay, C. Senécal, T. Pierce // Journal of Health Psychology. – 2010. – Vol. 15. – P. 1145–1156.

РАЗДЕЛ 5. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.96

Баландина Людмила Леонидовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
e-mail: ludbal23@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

Бердникова Райжан Кенжигалиевна
практический психолог
e-mail: ginnyfioletovo@gmail.com

ГБУЗ ПК «Пермская краевая клиническая больница»
614990, Пермь, Пушкина, 85, 8 909-109-84-40

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПОСТИНСУЛЬТНОЙ ДЕПРЕССИИ

Lyudmila L. Balandina
Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology, Ph.D.
e-mail: ludbal23@yandex.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

Rajzhan K. Berdnikova
Practical Psychologist
e-mail: ginnyfioletovo@gmail.com

«Perm Krai Clinical Hospital»
85, Pushkin, 614990, Perm, Russia
8 909-109-84-40

PECULIARITIES OF FAMILY RELATIONS AND EMOTIONAL STATES OF PEOPLE WITH DIFFERENT KINDS OF POST-STROKE DEPRESSION

Аннотация. Представлены результаты исследования испытуемых с разным уровнем депрессии, перенесших ишемический инсульт и находящихся в восстановительном периоде. Постинсультная депрессия является распространенным следствием инсульта и значимо выше у более молодых

© Баландина Л.Л., Бердникова Р.К., 2019

пациентов. Испытуемые с умеренной формой депрессии, по сравнению с легкой депрессией, характеризуются менее благоприятным восприятием отношений к семье. Усиление депрессии обостряет переживание чувства неполноценности, снижает эмоциональную близость с семьей. Пол у лиц, перенесших инсульт, не оказывает значимого влияния на изучаемые эмоциональные характеристики, показатели семейной сплоченности и адаптации. Полученные результаты позволяют определить содержание психологической помощи пациентам и членам их семей.

Ключевые слова: ишемический инсульт, легкая депрессия, умеренная депрессия, эмоциональное состояние, семейная сплоченность, семейная адаптация, семейная ситуация.

Abstract. The article in question represents results of work with patients suffering from different kinds of depression after ischemic stroke and undergoing a recovery period. It has been revealed that post-stroke depression is a wide-spread consequence of stroke especially among younger patients. The testees who are subjects to moderate form of depression in comparison to those with lighter form of depression demonstrate less favourable emotional state and perception of family relations. Aggravation of depression leads to exacerbation of inferiority complex and diminishes emotional unity with family. The gender of patients suffered from ischemic stroke does not influence the studied emotional characteristics, indicators of family unity and family adaptation.

Key words: ischemic stroke, light depression, moderate depression, emotional state, family unity, family adaptation, family situation.

Инсульт продолжает оставаться не только медицинской, но и сложной социально-психологической проблемой, что обусловлено его высокой долей в структуре заболеваемости, значительными показателями первичной инвалидности. Инсультом называют целую группу острых нарушений мозгового кровообращения в результате спазмов или разрывов сосудов головного мозга, приводящих к поражению его отдельных участков. Ишемический инсульт составляет приблизительно 80 % всех нарушений мозгового кровообращения.

Заболевание накладывает своеобразный отпечаток на эмоциональную, коммуникативную и поведенческую сферы личности, меняя привычное психологическое состояние, поведение и особенности межличностного взаимодействия больного с его социальным окружением [6].

Среди основных причин нарушения психоэмоциональной сферы выделяют причины, обусловленные повреждением мозговых структур и изменением социальной ситуации. В исследованиях А.Ю. Егорова, И.Н. Балашовой, О.И. Шабетник выявлены существенные различия в состоянии эмоциональной сферы при *лево- и правополушарных очаговых поражениях мозга*. Эмоциональная сфера у лиц с левополушарным инсультом страдает минимально, а при правополушарном инсульте расстройства более разнообразны и специфичны.

Имеется определенная *гендерная закономерность в проявлении эмоций* при правополушарном инсульте. Так, подавляющее большинство пациентов-мужчин проявляют склонность к негативному отношению к внешним объектам, явлениям, событиям, тогда как женщины в аналогичных ситуациях склонны к эйфоричному (неадекватно позитивному) состоянию [3, 13].

К числу факторов, отрицательно влияющих на процесс реабилитации, относят два «больших» синдрома – *постинсультную депрессию* и синдром аспонтанности, а также целый ряд «малых» симптомов парциальных расстройств эмоциональной сферы [7–12]. Эти психоэмоциональные нарушения существенно затрудняют процессы реабилитации и адаптации постинсультных больных.

По данным разных авторов, постинсультной депрессией страдает от 30 до 50 % больных, перенесших инсульт. Частота развития депрессии зависит от периода инсульта и максимальна в позднем восстановительном периоде [7–12, 14]. Определенный интерес у исследователей связан с изучением возможных *факторов риска развития постинсультной депрессии*. Чаще всего среди этих факторов обсуждаются пол, возраст, локализация очага поражения головного мозга, психиатрический статус до болезни, срок инсульта и др.

Среди причин, вызывающих постинсультную депрессию, называют: 1) реакцию личности на связанную с развитием инсульта социальную катастрофу, крушение многих планов и надежд; 2) социальную изоляцию, связанную с речевыми нарушениями (особенно с сенсорной афазией), изменением социального статуса и потерей социальных контактов; 3) выпадение интеллектуальных, мнестических, сексуальных функций; 4) обострение преморбидных (имевшихся до болезни) черт личности (депрессия в анамнезе, циклотимия, гипотимический тип личности). Отдельно стоит вопрос об *органической депрессии*, связанной с локализацией очага поражения; однозначного мнения о причинах развития депрессии у больных с поражением головного мозга на сегодняшний день нет [11, 13].

Помимо внутренних факторов, оказывающих влияние на формирование картины болезни и отношения к ней пациента, значительную роль играют внешние – социальные факторы. Очень важными являются *особенности функционирования семейной системы,* включающей больного, перенесшего инсульт.

Одной из неспецифических функции семьи является забота о здоровье и благополучии членов семьи, создание микроклимата, способствующего снятию напряжений и самосохранению. Медицинские работники и психологи отмечают значительную роль семьи в успешной реабилитации постинсультных больных. Важность семейной адаптации к перенесенному заболеванию раскрыта в работах А.С. Кадыкова, Н.Г. Ермаковой и др. [4–6].

Появление в семье тяжелого больного приводит к значительному изменению ее структуры, перестраивает систему семейных взаимоотношений, заставляет членов семьи устанавливать новые правила, по-другому распределять семейные роли.

Нестабильность семейной системы в новых условиях создает *кризисную ситуацию* в семье. В семейном кризисе можно выделить две потенциальные линии дальнейшего развития семьи: 1) деструктивную, ведущую к нарушению семейных отношений и содержащую опасность для их существования; 2) конструктивную, заключающую в себе потенциальную возможность перехода на новый уровень функционирования [2].

Семья проходит несколько закономерных этапов переживания данного кризисного события [1]. Последний этап – *зрелой адаптации* – характеризуется принятием факта болезни, реалистичной оценкой прогноза развития заболевания и перспектив выздоровления. На этом этапе проявляются возможности семьи в обеспечении всего комплекса реабилитационных мер, необходимых для полноценной психологической и социальной адаптации человека, перенесшего инсульт.

Все трудности, с которыми сталкивается семья, можно разделить на две группы: объективные и субъективные. К числу *объективных трудностей* относятся возросшие расходы семьи, неблагоприятное воздействие сложившейся ситуации на здоровье ее членов, нарушения ритма и распорядка жизни семьи. Среди *субъективных трудностей* выделяют разнообразные переживания и эмоциональные реакции в связи с инвалидизацией одного из членов семьи вследствие инсульта. Вывести больного из депрессии, расширить жизненную перспективу, помочь найти свое место в жизни и вернуть радость жизни – одна из важнейших задач психологической реабилитации, в которой участвует семья [5, 6].

Целью нашего исследования стало изучение внутрисемейных отношений и эмоциональных состояний как факторов, обусловливающих характер протекания восстановительного периода у лиц, перенесших ишемический инсульт. Мы предполагали, что эмоциональные характеристики, восприятие семьи, семейной сплоченности и адаптации различаются у испытуемых разного пола, а также у лиц с разной степенью постинсультной депрессии.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в КГАУ «*Центр комплексной реабилитации инвалидов»* г. Перми. В исследовании принимал участие 51 человек, из них 25 мужчин и 26 женщин в возрасте от 39 до 50 лет, проходящих курс восстановительного лечения и реабилитации в раннем восстановительном периоде инсульта.

В ходе исследования были использованы следующие психодиагностические методики: шкала самооценки депрессии В. Зунга, шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3) Д. Олсона, цветовой тест отношений, тест «Кинетический рисунок семьи».

Анализ результатов осуществлялся с использованием, *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок, коэффициента корреляции Пирсона, кластерного анализа, процентных показателей.

Обсуждение результатов исследования

Сравнительный анализ показателей семейных отношений и эмоционального состояния у лиц с разным уровнем постинсультной депрессии

Анализ количественных данных и наблюдение за больными показали, что уровень депрессии регистрируется практически у всех испытуемых, перенесших инсульт, независимо от их пола.

В результате проведенного кластерного анализа общая выборка испытуемых по шкале «уровень депрессии» была разделена на два кластера. *Первый кластер* включил 22 пациента с легкой депрессией ситуативного или невротического генеза. *Во второй кластер* вошло 29 испытуемых с умеренной (маскированной) депрессией, которая характеризуется отчетливым снижением фона настроения; в этом случае рекомендуется консультация психиатра. Пациенты с выраженной, наиболее тяжелой формой, депрессии участие в исследовании не принимали.

Сравнительный анализ средних значений изучаемых показателей в кластерах представлен в таблице.

Сравнение средних значений показателей семейных отношений и эмоционального состояния у лиц с разным уровнем постинсультной депрессии

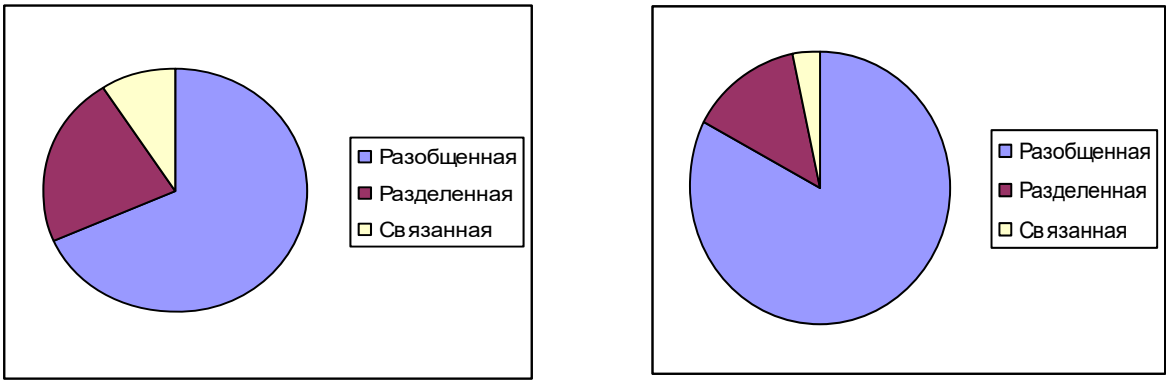
Показатели	Кластер 1 «легкая депрессия»	Кластер 2 «умеренная депрессия»	*t*-критерий	*p*
Уровень депрессии	52,27	62,90	-9,10	0,001***
Возраст	48,1	44,2	2,12	0,039*
Эмоциональная связь (сплоченность)	9,14	7,21	3,23	0,002**
Семейные границы (сплоченность)	7,23	6,55	1,48	0,144
Семейная сплоченность (общий)	32,18	29,14	1,90	0,063
Семейная адаптация (общий)	25,91	27,69	- 1,08	0,284
Эмоциональное состояние (Люшер)	3,86	1,55	8,86	0,001***
Отношение к семье (Люшер)	3,73	3,14	1,42	0,162
Благоприятная семейная ситуация	8,18	4,48	-6,03	0,001***
Чувство неполноценности	3,64	7,07	5,82	0,001***
Враждебность	2,55	1,66	1,67	0,101

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Пациенты с умеренным уровнем депрессии являются более молодыми по сравнению с испытуемыми с легкой депрессией. Такие результаты согласуются с данными Н.Г. Ермаковой, которая отмечала, что молодые пациенты тяжелее переживают сложившуюся ситуацию и имеют значительно больше психологических проблем, нежели пациенты более старшей возрастной группы.

Важным показателем семейной системы является степень ее *сплоченности* – эмоциональной близости, наличия или отсутствия теплых эмоциональных отношений. Независимо от тяжести депрессии большинство испытуемых характеризуют свою семью как р*азобщенный тип семьи* с низким

уровнем семейной сплоченности (рисунок). Такая семейная система отличается автономностью ее членов, недостаточностью эмоционально близких взаимоотношений, что не позволяет в полной мере способствовать психологической реабилитации больного, перенесшего инсульт.



а *б*

Показатель семейной сплоченности (процентное распределение ответов):
а – испытуемые с легкой депрессией; б – испытуемые с умеренной депрессией

Вместе с тем выявлены различия между кластерами по данному показателю: пациенты с умеренной депрессией отмечают более низкий уровень *семейной сплоченности* ($p < 0{,}06$), *эмоциональных связей* в семье ($p < 0{,}01$), по сравнению с пациентами, имеющими легкую депрессию.

Общий показатель *семейной адаптации* характеризует способность семейной системы изменяться, приспосабливаться к новым условиям. Этот показатель не имеет значимых различий и в целом характеризует гибкость семейной структуры в обоих кластерах. Однако у испытуемых с умеренной депрессией он несколько выше ($p < 0{,}28$) и находится на границе с показателем хаотичности семейной системы.

Процентное распределение ответов дает дополнительную информацию: в обеих группах представлены все четыре структуры, характеризующие уровень адаптации семейной системы, но их соотношение различно. В первом кластере «легкая депрессия» оценки семейной системы распределились примерно поровну между ригидной, структурированной, хаотичной с небольшим преобладанием гибкой. Во втором кластере «умеренная депрессия» большинство испытуемых оценивают свою семейную систему как гибкую и хаотичную, лишь незначительное число пациентов оценили как ригидную и структурированную.

Преобладание семей с гибкой системой является благоприятным фактором, обеспечивающим успешность функционирования семейной системы в сложившейся ситуации. В группу риска входят семьи, структура которых хаотична (не сбалансирована, непредсказуема, импульсивна с неясностью ролей); или ригидна (с низкой гибкостью, непреложностью норм и правил, устойчивостью семейных ролей). Данные структуры не позволяют оптимально адаптироваться к изменившимся условиям, что осложняет проживание ими кризисного периода.

На основе анализа данных цветового теста отношений, обнаружены некоторые особенности актуального эмоционального состояния пациента, эмоциональный компонент его отношения к семье в целом и к супругу

(супруге) в частности. Испытуемые второго кластера имеют менее благоприятное *эмоциональное состояние*, по сравнению с испытуемыми первого кластера ($p < 0{,}001$), ассоциируя свое настроение с цветами, занимающими последние места в нормативной раскладке. Очевидно, что тяжесть депрессивного состояния отражается прежде всего на психоэмоциональном фоне настроения пациента.

Значимых различий в двух кластерах по показателям «*отношение к семье» и «отношение к супругу / супруге»* не выявлено. Но анализ процентных данных позволил выявить некоторые особенности. В обеих группах преобладает нейтральное отношение к семье и к супругу(е). Нейтральное отношение может быть обусловлено, с одной стороны, вялостью эмоциональной сферы вследствие инсульта, с другой – отражает субъективное представление пациентов об относительном благополучии в семье.

Однако при легкой депрессии количество пациентов, испытывающих положительное отношение к семье, в два раза больше (соответственно 36 и 17 %), а испытывающих негативное отношение, – в два раза меньше (9 и 14 %), по сравнению с испытуемыми, имеющими умеренную депрессию. Испытуемые первого кластера также воспринимают *семейную ситуацию* как более *благоприятную* ($p < 0{,}001$), по сравнению со вторым кластером.

При некотором преобладании нейтрального отношения к супругу(е) в первом кластере «легкая депрессия» 36 %, во втором кластере «умеренная депрессия» 41 % испытуемых испытывают положительное отношение. И только во втором кластере 14 % пациентов проявили отрицательное отношение к супругу(е).

Показатель *чувства неполноценности* выше у больных с умеренным уровнем депрессии в сравнении с испытуемыми с легкой депрессией ($p < 0{,}001$). Тяжесть депрессивного состояния больного ведет к более сильному переживанию своей неполноценности как личности, так и члена семьи. Возможно, что это чувство, сформированное до заболевания, отягощает депрессивные переживания больных после инсульта.

Сравнительный анализ средних значений изучаемых показателей в мужской и женской выборках не выявил значимых различий по изучаемым показателям. По-видимому, изменения в физическом и психическом состоянии, связанные с болезнью, проявляются более явно и нивелируют гендерные различия.

Анализ корреляционных связей между показателями депрессии, эмоционального состояния и особенностей семейных отношений у лиц в раннем восстановительном периоде ишемического инсульта

В общей выборке показатель депрессии имеет отрицательные корреляционные связи с возрастом испытуемых ($p < 0{,}01$), показателями семейной сплоченности ($p < 0{,}01$), эмоционального отношения к семье ($p < 0{,}05$), благоприятности семейной ситуации ($p < 0{,}001$), эмоциональным состоянием ($p < 0{,}001$) и положительные связи с показателем чувства неполноценности в семейной ситуации ($p < 0{,}001$).

Возраст. Чем моложе пациент, перенесший инсульт, тем тяжелее психологическое переживание им факта заболевания и более выражено его депрессивное состояние. Это возраст, когда человек имеет значимые жизненные перспективы, которых он, как правило, лишается в результате заболевания, не может по-прежнему нести ответственность за подрастающих детей. Значительное снижение двигательной, интеллектуальной и сексуальной

активности воспринимаются спокойнее по мере увеличения возраста пациентов.

Семейная сплоченность. В обоих кластерах выявлена отрицательная связь депрессии с общим показателем семейной сплоченности и его составляющими: «эмоциональная связь», «семейные границы», «интересы и отдых» и «время и его совместное проведение» ($p < 0,01$; $p < 0,001$). То есть повышение уровня депрессии постинсультного больного снижает эмоциональную близость, существующую между членами семьи больного.

Эмоциональное отношение к семье и супругу(е); благоприятная семейная ситуация. Психологическая атмосфера семьи влияет на протекание раннего постинсультного периода. Хотя возможен и другой вариант: усиление депрессивного состояния определяет субъективное восприятие обстановки в семье как менее благоприятной и эмоционально комфортной.

Позитивное отношение к семье и супругу(е), восприятие семейной ситуации как благоприятной возрастает с увеличением возраста человека ($p < 0,05$) и усилением сплоченности в семье ($p < 0,05$; $p < 0,001$).

Чувство неполноценности. При усилении тяжести депрессивного состояния пациент более остро переживает собственную слабость, несовершенство, ненужность в семье. С одной стороны, тяжесть депрессии делает больного более уязвимым к различным ситуациям семейного взаимодействия, усиливая чувства неполноценности. С другой стороны, это преувеличенное переживание своей ущербности усиливает депрессию. Чувство неполноценности ослабевает при благоприятной психологической ситуации ($p < 0,001$) и сплоченности семьи ($p < 0,05$). Данная связь более выражена в первом кластере испытуемых с легкой депрессией.

Выводы

Инсульт – это сложная психологическая и социальная проблема. Заболевание накладывает своеобразный отпечаток на эмоциональную, коммуникативную и поведенческую сферы личности, меняя восприятие межличностных отношений с социальным окружением.

Постинсультная депрессия является практически постоянным последствием инсульта в раннем восстановительном периоде. Пациенты, различающиеся по тяжести переживания депрессивных расстройств, имеют ряд значимых отличий. Лица с более выраженной депрессией характеризуются более негативным отношением к своей семье и отмечают менее высокий уровень семейного благополучия, нежели больные с более легкими формами депрессивных расстройств.

Сплоченность семьи и восприятие эмоциональной близости с членами семьи являются важными условиями восстановления психического состояния лиц, перенесших инсульт, и процесса их выздоровления. При сплоченности семейной системы испытуемые, независимо от тяжести депрессии, более позитивно относятся к семье и супругу(е).

Большинство испытуемых воспринимают семью как разобщенную, с низким уровнем ее семейной сплоченности. Усиление депрессии ведет к снижению показателей сплоченности и эмоциональных связей с семьей.

Адаптивность (гибкость) семейной системы, которую отмечает значительная часть испытуемых, является благоприятной основой для реабилитационной помощи семьи.

Усиление депрессивного состояния повышает чувство неполноценности пациента, ощущение своего несовершенства и несостоятельности. Это чувство

ослабевает при благоприятной психологической ситуации в семье и ее сплоченности.

Пол испытуемых не является важным фактором, определяющим эмоциональное состояние испытуемых, восприятие ими семейной сплоченности, адаптации и семьи в целом.

Успешность выздоровления определяется целым рядом психологических и социально-психологических факторов. Семья является важнейшим внешним условием сохранения и укрепления психологически стабильного состояния после перенесенного инсульта. Комплексное изучение факторов позволяет выявить оптимальные личностные ресурсы пациента с целью его оптимальной адаптации и реабилитации.

Список литературы

1. *Визель Т.Г., Шабетник О.И.* Субдоминантные синдромы у больных с очаговыми поражениями головного мозга // Дефектология. – 2010. – № 3. – С. 79–87.

2. *Дружинин В.Н.* Психология семьи. – СПб: Питер Пресс, 2007. – 176 с.

3. *Егоров А.Ю., Балашова И.Н.* Исследование профилей асимметрии у больных после правостороннего инсульта // Психотерапия и клиническая психология. – 2004. – № 4. – С. 18–21.

4. *Ермакова Н.Г.* Особенности личности больных с последствиями инсульта в условиях стационарной реабилитации // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 11(68). – С. 32–42.

5. *Ермакова Н.Г., Докиш Ю.М.* Особенности работы психолога в стационарном центре реабилитации // Деятельность психолога в службе медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов. – М., 2002. – С. 49–53.

6. *Кадыков А.С., Черникова Л.А., Шахпаронова Н.В.* Реабилитация неврологических больных. – М.: МЕДпресс-информ, 2008. – 560 с.

7. Особенности депрессивного синдрома у больных, перенесших ишемический инсульт / Е.И. Гусев, А.Б. Гехт, А.Н. Боголепова, И.Б. Сорокина // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Приложение «Инсульт». – 2001. – Вып. 3. – С. 28–31.

8. *Савина М.А.* Постинсультная депрессия // Журнал неврологии и психиатрии. – 2005. – Т.105, № 7. – С. 67–74.

9. *Савина М.А.* Постинсультная депрессия: автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 2006. – 13 с.

10. *Савина М.А.* Постинсультные психические нарушения: клинико-статистические, клинические, клинико-патогенетические, прогностические аспекты: автореф. дис. … д-ра мед. наук. – М., 2016. – 48 с.

11. *Сорокина И.Б.* Депрессия у больных ишемическим инсультом: автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 2006. – 32 с.

12. *Филатова Е.Г.* Постинсультная депрессия // Медицинский совет. Неврология. – 2017. – № 15. – С. 47–51.

13. *Шабетник О.И.* Особенности нарушений высших психических функций и их восстановление у лиц с правополушарными очаговыми поражениями мозга: автореф. дис. … канд. пед. наук. – М., 2011. – 25 с.

14. *Шахпаронова Н.В., Кадыков А.С., Кашина Е.М.* Эмоционально-волевые нарушения после инсульта, связь с латерализацией очага поражения (к вопросу о функциональной асимметрии мозга) // Структурно-функциональные, нейрохимические и иммунохимические закономерности асимметрии и пластичности мозга. – М.: ГУ НЦ Неврологии РАМН, 2007. – С. 56–81.

УДК 159.96

Баландина Людмила Леонидовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
e-mail: ludbal23@yandex.ru

Хиревич Дарья Дмитриевна
студентка V курса специальности «Клиническая психология»
e-mail: dasha.khirevitch@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ЖИЗНЕННАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Lyudmila L. Balandina
Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology, Ph.D.
e-mail: ludbal23@yandex.ru

Dariya D. Khirevich
Post-Baccalaureate (Year 5) Student Majoring in Clinical Psychology
e-mail: dasha.khirevitch@yandex.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

TIME PERSPECTIVE AND LIFE SATISFACTION OF WOMEN WITH GYNECOLOGICAL ILLNESSES

Аннотация. Описывается исследование субъективной картины времени, удовлетворенности жизнью, «источников» смысла жизни у женщин, имеющих гинекологические заболевания. Данная проблема недостаточно отражена в

© Баландина Л.Л., Хиревич Д.Д., 2019

клинических исследованиях и не получила необходимого развития в психологической практике работы с пациентами гинекологического профиля. Результаты эмпирического исследования показали психологическое неблагополучие женщин с гинекологической патологией. Для них характерны искажения временной перспективы, более пессимистичный взгляд на прошлое, недостаток наполненности смыслом их жизни, сниженный общий фон эмоционального состояния по сравнению с женщинами без гинекологического диагноза.

Ключевые слова: временная перспектива, удовлетворенность жизнью, смысложизненные ориентации, гинекологические заболевания.

Abstract. The article in question is devoted to a subjective timeview, life satisfaction, "resources" of life sense among women having gynecological illnesses. The issue is understudied in clinical researches and has not been thoroughly developed in psychological practice with patients of gynecological pathologies. The results of the empirical study have stated infavourable psychological well-being of patients suffering from gynecological diagnoses. They are characteristic of distortions in time perspective, more pessimistic perception of their past, lack of life sense and correspondingly, worse emotional state in comparison to women without gynecological pathologies profile.

Key words: time perspective, life satis faction, life sense orientations, gynecological illnesses.

В последние годы отмечается динамика гинекологических заболеваний, влияющих на репродуктивность с невозможностью реализации своих жизненных планов; женщины утрачивают образ желанного, наполненного личностным смыслом будущего. Проблема психологической помощи гинекологическим больным является недостаточно изученной в клинической психологии. Разработки по внутренней картине болезни (ВКБ) до сих пор мало применяются в медицине, в то время как учет личностного смысла здоровья и болезни является необходимой составляющей процесса лечения [8].

В современных условиях важное значение приобретает одно из наиболее развивающихся направлений – психология жизненного пути личности. В рамках данного направления достаточно широко изучается область представлений человека о времени жизни. В основе событийной концепции психологического времени лежат представления о жизненном пути личности Б.Г. Ананьева, который впервые осуществил синтез собственно жизненной и возрастной периодизации [2]. Исходя из научного взгляда на личность как субъекта жизни складывается научная традиция понимания субъективной

картины жизни как важнейшей характеристики самосознания личности, которая развернута во времени, отражает этапы индивидуального и социального развития человека, состоит из жизненных событий и учитывает динамику их реализации [1].

В психологии нет единого понимания термина «временная перспектива». При изучении данного феномена современные ученые делают акцент на одном из трех аспектов. Первый аспект – это временная перспектива в собственном значении этого слова, характеризующаяся прежде всего протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности. Второй аспект – временная установка, т.е. более или менее позитивная или негативная настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Третий аспект – временная ориентация – характеризует поведение субъекта и, следовательно, мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего [5] .

Один из наиболее современных взглядов на временную перспективу личности принадлежит Ф. Зимбардо и Дж. Бойду. Авторы определяют временную перспективу личности как «зачастую неосознанное отношение личности ко времени, и это процесс, при помощи которого длительный поток существования объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл». Считают, что временная перспектива – достаточно изменчивая характеристика, с которой можно работать, и предлагают использовать это в психотерапии [4].

На отношение субъекта к временной перспективе прошлого, настоящего или будущего времени влияют его личностные характеристики, а также опыт взаимодействия с различными объектами в различных ситуациях [7, 10]. Проблема временной перспективы занимает особое место в психологических исследованиях человеческого поведения, мотивации личности, когнитивных аспектов Я-концепции, динамических параметров [9].

Данная тема получила развитие в контексте психосоматической проблематики. Т.Д. Василенко обращает внимание на необходимость анализа смысловых аспектов телесного опыта. Ситуация болезни выступает как жизненная ситуация. Телесный опыт болезни переживается личностью на протяжении всего жизненного пути, в том числе и временных аспектов; при этом взаимосвязь телесного и психического дополняется более сложными процессами и помещается в систему отношений личности к собственной жизни и оказывается связанной с ее смыслом [3].

И.А. Стенникова и Н.В. Гафарова выявили, что у многих пациенток с гинекологическим диагнозом наблюдаются недостаточная интеграция

идентичности, низкий уровень самореализации, внутренняя конфликтность и опустошенность, что приводит к блокаде ценностно-смысловых образований в мотивационно-личностной сфере. Низкая самооценка, недостаточное чувство самоценности и внешний локус контроля формируют пассивную жизненную позицию. Отсутствие эффективной коммуникации в отношениях с матерью ведет к непринятию своей женской сущности и психогенно обусловленным нарушениям репродуктивной сферы, ограничению сферы интересов узким кругом семьи и др. [8].

Нарушение в репродуктивной сфере является кризисным событием, в рамках которого происходит трансформация образов прошлого, настоящего и будущего. В случае эффективного совладания с ситуацией репродуктивного заболевания женщина чаще обращается к построению счастливого и насыщенного событиями образа будущего во внутренней картине жизненного пути. Материнство, охватывающее все жизненные измерения, заканчивается целостным представлением о себе и о смысле собственной жизни; происходят изменения в отношении ко времени собственной жизни [6].

Таким образом, авторы в исследованиях отмечают, что субъективная картина жизни и удовлетворенность жизнью у женщин, имеющих гинекологические заболевания, отражает социально обусловленные и временные характеристики, имеющие свойство меняться под влиянием внешних факторов, в том числе угрозы здоровью. Изменение протекает в виде трансформации личности, искажения временной перспективы, отрицательного восприятия своей жизни и наличия негативных психических состояний. Эффективное разрешение ситуации приводят к позитивным изменениям личности и наполнению жизни новыми смыслами.

Организация и методики исследования

В исследовании принимали участие 60 женщин в возрасте от 23 до 35 лет. Экспериментальную группу составили 30 женщин, имеющих гинекологические заболевания и проходящих лечение в клинике. В контрольную группу вошли 30 женщин без гинекологической патологии.

В ходе исследования были использованы следующие методики: методика изучения временной перспективы Ф. Зимбардо; опросник «Индекс жизненной удовлетворенности» Н.В. Паниной; тест смысложизненных ориентаций в адаптации Д.А. Леонтьева, тест самооценки психических состояний Г. Айзенка.

Мы предполагали, что субъективная картина времени, удовлетворенность жизнью и психическое состояние женщин с гинекологическим диагнозом и не сталкивающихся с такой проблемой, будут различны. Было важно выявить показатели психологического неблагополучия женщин с нарушениями

репродуктивной сферы, которые позволят определить основания для психологического сопровождения.

Результаты исследования

Для проверки гипотезы исследования был проведен анализ по *U*-критерию Манна – Уитни. Выявлено, что у женщин с гинекологической патологией показатели, характеризующие удовлетворенность жизнью, наполненность смыслами и ее временные аспекты, являются менее благоприятными по сравнению с женщинами без гинекологического заболевания (таблица).

Различия показателей временной перспективы, удовлетворенности и осмысленности жизни, психических состояний у женщин с гинекологическим диагнозом и женщин, не имеющих гинекологических заболеваний

Показатели	Женщины		*U*-критерий Манна – Уитни	*P*
	с патологией	не имеющие патологии		
	Сумма рангов			
Прошлое негативное	1101	729	264	0,01**
Прошлое позитивное	781,5	1048,5	316,5	0,05*
Интерес к жизни	770,5	1059,5	305,5	0,05*
Последовательность в достижении цели	628,5	1201,5	163,5	0,001***
Согласованность между целями	732,5	1097,5	267,5	0,01**
Положительная оценка себя	672	1158	207	0,001***
Общий фон настроения	598	1232	133	0,001***
Локус контроля – жизнь	570	1260	105	0,001***
Процесс жизни	706,5	1123,5	241,5	0,001***
Тревожность	1122	708	243	0,01**
Фрустрация	1151	679	214	0,001***

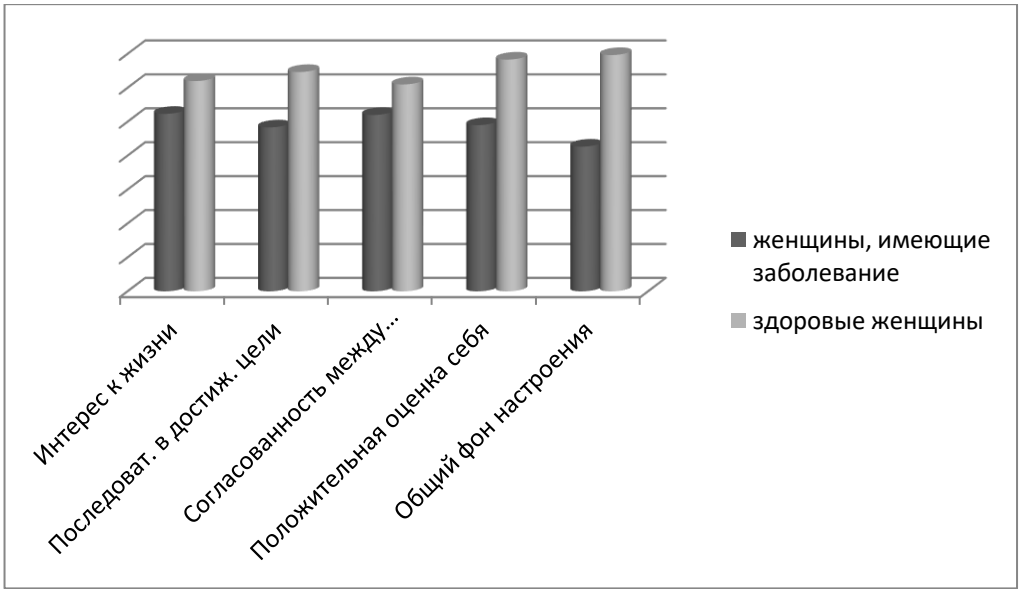
Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

На статистически значимом уровне обнаружены различия по таким показателям временной перспективы, как *прошлое негативное* ($p < 0,01$), который более выражен в выборке женщин с гинекологической патологией, и показатель *прошлое позитивное* ($p < 0,05$) с явной выраженностью в выборке здоровых женщин. Женщин с гинекологическим диагнозом характеризует в большей степени пессимистичный взгляд на прошлое, что может быть связано как с действительным переживанием неприятных или травматичных событий в прошлом, так и с негативной реконструкцией нейтральных

событий. Более теплое, сентиментальное отношение к прошлому женщин без патологии отражает здоровое, радостное отношение к жизни.

По другим показателям субъективного восприятия времени «настоящее гедонистическое», «будущее» значимых различий не обнаружено, хотя они несколько выше у испытуемых контрольной группы. В целом можно говорить о большей сбалансированности в этой выборке отношений личности к временному континууму и соответственно отношений к окружающей действительности, самому себе и грядущим перспективам.

У женщин экспериментальной группы, по сравнению с контрольной группой, менее выражены все изучаемые показатели, характеризующие удовлетворенность жизнью (рисунок): «*интерес к жизни*» ($p < 0,05$), «*последовательность в достижении целей*» ($p < 0,001$), «*согласованность между поставленными и достигнутыми целями*» ($p < 0,01$), «*положительная переоценка себя*» ($p < 0,001$), а также смысложизненные ориентации «*локус контроля – жизнь*» ($p < 0,001$); и «п*роцесс жизни*» ($p < 0,001$). Им не хватает увлеченного, эмоционально насыщенного отношения к жизни, наполненности смыслом процесса жизни; решительности, направленной на достижение целей, веры в способность управлять своей жизнью и достигать важных для себя целей; принятия себя и всего, что приносит жизнь.



Показатели жизненной удовлетворенности у женщин с гинекологическим диагнозом и женщин, не имеющих гинекологических заболеваний

У женщин с гинекологическим диагнозом снижен *общий фон настроения* ($p < 0,001$), достаточно высокий уровень *тревожности* ($p < 0,01$) и *фрустрации* ($p < 0,001$). Они более склонны к частым и интенсивным переживаниям тревоги,

которая выступает как эмоциональный дискомфорт, связанный с ожиданием неблагополучия; состояние фрустрации вызвано неуспехом в удовлетворении потребности или желания и проявляется в отрицательных чувствах и эмоциях.

Таким образом, выявленные результаты характеризуют некоторое психологическое неблагополучие женщин, имеющих гинекологические заболевания. Их картина субъективного времени недостаточно сбалансирована, неудовлетворенность жизнью и ненаполненность смыслами в настоящем сопровождается негативными переживаниями, что препятствует гармонизации внутреннего состояния и реализации своего потенциала. Данные исследования подтверждают необходимость психологической и психотерапевтической помощи пациенткам гинекологического профиля.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 2012. – 299 с.

2. *Ананьев Б.Г.* Человек как объект познания. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 2014. – 340 с.

3. *Василенко Т.Д.* Жизненный путь личности: время и смысл человеческого бытия в норме и при соматической патологии: моногр. – Курск: КГМУ, 2011. – 575 с.

4. *Зимбардо Ф., Бойд Д.* Парадокс времени: Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. – М.: Речь, 2010. – 352 с.

5. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.

6. *Петражицкая Е.А.* Особенности субъективной картины жизненного пути женщин // Вестник КРАУНЦ. Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – № 24 (119), вып. 12. – С. 58–67.

7. *Проконич О.А.* Взаимосвязь характеристик временной перспективы личности студентов вуза со смысловыми аспектами отношения к процессу обучения // Вестник КемГУ. – 2014. – № 4(60), т. 3. – С. 117–122.

8. *Стенникова И.А., Гафарова Н.В.* Психологическое сопровождение женщин с гинекологической патологией // Репродуктивные технологии сегодня и завтра: материалы XIX междунар. конф. (г. Иркутск, 10–12 сентября 2012 г). – Иркутск, 2012. – С. 164–180.

9. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск; М.: Универсум, 2009. – 312 с.

10. *Ширяева О.С., Навроцкая Е.А.* Временная перспектива личности при разных типах оценки среды жизнедеятельности // Вестник КРАУНЦ. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – № 2(18). – С. 108–118.

УДК 159.942

Харламова Татьяна Михайловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
e-mail: tanyahar@yandex.ru

Митрофанова Елизавета Сергеевна
студентка V курса специальности «Клиническая психология»
e-mail: elizabeth9649@gmail.com

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОГО РАССТРОЙСТВА У КАРДИОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ

Tatiana M. Kharlamova
Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology, Ph.D.
e-mail: tanyahar@yandex.ru

Elizaveta S. Mitrofanova
Post-baccalaureate (Year 5) Student Majoring in Clinical Psychology
e-mail: elizabeth9649@gmail.com

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

ANXIETY-DEPRESSIVE DISORDER TRAITS IN CARDIAC PATIENTS

Аннотация. Освещается исследование тревожно-депрессивного расстройства у пациентов кардиологического профиля. Современные данные свидетельствуют о тесных клинических взаимосвязях кардиологических заболеваний с аффективными нарушениями. Данная проблема находит отражение в многочисленных клинических исследованиях, подтверждающих необходимость изучения соотношения тревожно-депрессивных расстройств и заболеваний сердечно-сосудистой системы. В качестве испытуемых выступили 34 пациента кардиологического отделения с диагнозом инфаркт миокарда. Из них 21 человек – представители женского пола и 13 лиц мужского пола. В контрольную группу вошли 34 человека, не страдающих сердечно-

© Харламова Т.М., Митрофанова Е.С., 2019

сосудистыми заболеваниями: 20 женщин и 14 мужчин. Результаты эмпирического исследования показали, что пациенты кардиологического профиля в большей степени подвержены проявлению тревожно-депрессивного расстройства, которое в свою очередь характеризуется полиморфизмом психопатологических проявлений.

Ключевые слова: тревожно-депрессивное расстройство, сердечно-сосудистые заболевания, тревога, депрессия.

Abstract. This article addresses to the anxiety-depressive disorder in cardiac patients. Recent findings show a close clinical connection between cardiac diseases and affective disorders, with a large number of clinical investigations confirming the need to examine the link between the anxiety-depressive disorder and diseases of the cardiovascular system. Participants of the current study included 34 patients of a cardiology unit who were diagnosed with myocardial infarction (21 females, 13 males). The control group consisted of 34 subjects without cardiovascular diseases (20 females, 14 males). Results of the study revealed that cardiac patients were more susceptible to the manifestation of the anxiety-depressive disorder, which is characterized by a polymorphism of psychopathological manifestations.

Key words: anxiety-depressive disorder, cardiovascular diseases, anxiety, depression.

В настоящее время состояние психического здоровья населения вызывает все большую обеспокоенность, обусловленную распространенностью психических расстройств. Исследования, проведенные в различных странах, свидетельствуют о том, что пять из десяти основных причин нетрудоспособности населения имеют отношение к психическим и поведенческим расстройствам. По данным ВОЗ, почти у 450 млн человек психические нарушения наблюдаются в течение всей жизни [9].

При этом особое значение в структуре психической патологии имеют депрессивные, тревожные и соматоформные расстройства, так как они наиболее часто обусловливают нарушение социального функционирования человека. В исследованиях отмечается большое количество сочетаний депрессивных и тревожных расстройств, но в большинстве случаев они расцениваются как коморбидные [3, 11].

Смешанное тревожное и депрессивное расстройство представлено в МКБ-10 в рубрике F 41.2 [7]. В данном документе указано, что обозначенную категорию следует использовать в том случае, когда одновременно присутствуют симптомы тревоги и депрессии, но ни те ни другие по отдельности не являются отчетливо выраженными. Другими словами, наряду с тревожностью и ее вегетативными симптомами наблюдается снижение настроения, потеря интересов, снижение мыслительной деятельности, двигательная заторможенность, неуверенность в себе и собственных силах. Симптомы, отвечающие критериям данного расстройства, развиваются при отсутствии тесной связи со значимыми жизненными переменами или стрессовыми событиями.

Болезни сердечно-сосудистой системы занимают ведущее место в структуре общей заболеваемости и инвалидности населения.

Исследователями установлено, что у 33–80 % больных ишемической болезнью сердца (ИБС) наблюдаются психические изменения. В основном преобладают тревожные и депрессивно-ипохондрические расстройства, фиксация на своих болезненных ощущениях и переживаниях, связанных со страхом смерти, потерей самоидентичности, чувства «Я». Во время болевого приступа больных охватывает беспокойство, мысли о смерти от сердечного приступа, отчаяние. Больные живут с постоянным тревожным опасением повторного приступа, они анализируют любые изменения сердечной деятельности, реагируя на малейшие неприятные ощущения в области сердца [1].

Известно, что наличие депрессии существенно ухудшает эффективность терапии сердечно-сосудистой патологии, снижает качество жизни и социальную адаптацию, влияет на показатели течения ИБС в постинфарктном периоде и приводит к более ранней и повышенной смертности [5]. Кроме того, депрессивные расстройства могут усиливать аутодеструктивные (суицидальные) поведенческие тенденции больных [4]. Несвоевременное выявление тревожного или депрессивного расстройства, сопутствующего соматическому заболеванию, неадекватная терапия или ее отсутствие часто приводят к инвалидизации пациентов [4].

Тревожные расстройства также являются одними из наиболее часто выявляемых психопатологических нарушений у пациентов с кардиальной патологией. Выраженность тревоги зависит от длительности, тяжести, характера сердечно-сосудистого заболевания и в свою очередь негативно влияет на его течение [10]. В ряде исследований приведены данные, которые доказывают, что между тревожно-депрессивными нарушениями и сердечно-сосудистыми заболеваниями существует связь. При этом не выделяется первичность тревоги или депрессии [5, 8].

Таким образом, можно говорить о том, что тревога и депрессия наиболее часто рассматриваются как коморбидные расстройства. Они преобладают у больных кардиологического профиля и оказывают негативное влияние на течение заболевания.

Целью исследования являлось выявление особенностей тревожно-депрессивного расстройства у кардиологических пациентов.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что между группой людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, и группой здоровых людей существуют значимые различия по показателям тревожно-депрессивного расстройства, которые показывают, что кардиологические пациенты более склонны к проявлению тревожно-депрессивной симптоматики.

Дополнительно было выдвинуто предположение о том, что между показателями тревожно-депрессивного расстройства и другими психопатологическими проявлениями существуют значимые взаимосвязи, которые отражают сложную структуру данного аффективного расстройства.

Выборку экспериментальной группы составили 34 пациента кардиологического отделения ГАУЗ ПК «Городская клиническая больница № 4» г. Перми с диагнозом инфаркт миокарда. Из них 21 человек – представители женского пола и 13 лиц мужского пола. В контрольную группу вошли 34 человека, не страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Исследование проводилось методом снежного кома. Выборку составили 20 женщин и 14 мужчин.

В качестве *методов исследования* применялись следующие психодиагностические методики:

- Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R).
- Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS).
- Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера.

Для обработки первичных данных нами применялся *U*-критерий Манна – Уитни, который направлен на оценку различий между контрольной и экспериментальной группой, а также корреляционный анализ Спирмена для нахождения и анализа статистических зависимостей. Для проверки нормальности распределения мы использовали критерий Колмогорова – Смирнова. Расчет производился в программе SPSS 21.0.

В результате проведенной работы были получены данные, подтверждающие гипотезы нашего исследования. Было определено, что люди, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями, больше подвержены проявлению тревожно-депрессивного расстройства, которое характеризуется полиморфизмом психопатологических проявлений.

Например, *U*-критерий Манна – Уитни позволил установить, что в выборке мужчин, страдающих кардиологическими заболеваниями, по сравнению с выборкой здоровых мужчин, в большей степени выражены показатели депрессии и тревоги. При этом данные показатели выражены в равной степени, что позволяет говорить о проявлениях именно тревожно-депрессивного расстройства (табл. 1).

Таблица 1

Результаты попарного сравнения рангов с помощью *U*-критерия Манна – Уитни в выборках мужчин, страдающих кардиологическими заболеваниями (*n* = 13), и здоровых мужчин (*n* = 14)

№ п/п	Показатели	Сумма рангов		*U*-критерий	*Z*	Уровень значимости *p*
		1	2			
1	Соматизация	273	105	0	-4,424	0,000***
2	Обсессивно-компульсивные расстройства	238	140	35	-2,744	0,006**
3	Межличностная сенситивность	224,5	153,5	48,5	-2,083	0,037*
4	Депрессия	273	105	0	-4,43	0,000***
5	Тревога	273	105	0	-4,438	0,000***
6	Враждебность	245	133	28	-3,244	0,001***
7	Фобическая тревога	254	124	19	-3,641	0,000***
8	Паранойяльные тенденции	238	140	35	-2,817	0,005**
9	Психотизм	231	147	42	-2,629	0,009**
10	Тревога (HADS)	273	105	0	-4,437	0,000***
11	Депрессия (HADS)	273	105	0	-4,436	0,000***
12	Ситуативная тревога	250,5	127,5	22,5	-3,331	0,001***
13	Личностная тревога	273	105	0	-4,42	0,000***

Примечание: 1 – группа с кардиологическими заболеваниями; 2 – группа без кардиологических заболеваний; *$p < 0,05$; **$p < 0,01$; $p < 0,001$.

Собранные данные свидетельствует о том, что мужчины из экспериментальной группы более склонны к проявлению тревожно-депрессивной симптоматики, чем мужчины из контрольной группы. Данное аффективное расстройство может развиваться на фоне сердечно-сосудистых заболеваний или, наоборот, предшествовать им. Об этом в своей статье пишет Ю.А. Васюк и соавторы [12].

Полученные нами результаты также соотносятся с результатами отечественного исследования КОМПАС, которое подтверждает, что тревожно-депрессивные расстройства выявляются почти у половины пациентов терапевтического профиля [2]. Значения по всем остальным показателям у мужчин с сердечно-сосудистыми заболеваниями также значительно выше, чем у здоровых. Это может свидетельствовать о том, что наличие депрессии существенно ухудшает течение терапии при кардиологической патологии, а также снижает качество жизни пациента и его социальную, физическую и психическую адаптацию [5].

Похожие данные были получены также при сравнении выборок женщин с кардиологическими заболеваниями и здоровых женщин (табл. 2). Как и при сравнении выборок мужчин, можно отметить, что в выборке женщин с кардиологической патологией показатели тревоги и депрессии тоже выражены одинаково, что позволяет нам говорить о наличии тревожно-депрессивной симптоматики. Как и у мужчин, у женщин она может быть причиной проявления болезни сердечно-сосудистой системы или предшествовать ей.

Таблица 2

Результаты попарного сравнения рангов с помощью *U*-критерия Манна – Уитни в выборках женщин, страдающих кардиологическими заболеваниями (*n* = 21), и здоровых женщин (*n* = 20)

№ п/п	Показатели	Сумма рангов		*U*-критерий	Z	Уровень значимости *p*
		1	2			
1	Соматизация	651	210	0	-5,482	0,000***
2	Обсессивно-компульсивные расстройства	575	286	76	-3,545	0,000***
3	Межличностная сенситивность	500	361	151	-1,549	0,121
4	Депрессия	651	210	0	-5,499	0,000***
5	Тревога	651	210	0	-5,513	0,000***
6	Враждебность	620	241	31	-4,772	0,000***
7	Фобическая тревога	496	365	155	-1,511	0,131
8	Паранойяльные тенденции	590,5	270,5	60,5	-4,08	0,000***
9	Психотизм	555	306	96	-3,221	0,001***
10	Тревога (HADS)	651	210	0	-5,51	0,000***
11	Депрессия (HADS)	651	210	0	-5,503	0,000***
12	Ситуативная тревога	568	293	83	-3,317	0,001***
13	Личностная тревога	651	210	0	-5,487	0,000***

Примечание: 1 – группа с кардиологическими заболеваниями; 2 – группа без кардиологических заболеваний; *$p < 0,05$; **$p < 0,01$; $p < 0,001$.

Можно также отметить, что показатели женщин в целом выше, чем показатели мужчин в соответствующих группах. Это можно объяснить наличием данных о том, что тревожно-депрессивные расстройства у женщин встречаются в 2 раза чаще, чем у мужчин [5]. По данным исследования А.Н. Репина и соавторов, сердечно-сосудистые заболевания сочетаются с тревожно-депрессивными расстройствами чаще у женщин, чем у мужчин. Такое сочетание предполагает неблагоприятное течение заболевания [6].

Проведенный нами далее сравнительный анализ показателей в объединенных выборках людей, страдающих кардиологическими заболеваниями, и здоровых людей (без учета пола респондентов) позволил установить значимые различия по всем шкалам примененных методик (табл. 3).

Таблица 3

Результаты попарного сравнения рангов с помощью *U*-критерия Манна – Уитни в выборках людей, страдающих кардиологическими заболеваниями (*n* = 34), и здоровых людей (*n* = 34)

№ п/п	Показатели	Сумма рангов		*U*-критерий	*Z*	Уровень значимости *p*
		1	2			
1	Соматизация	1751	595	0	-7,097	0,000***
2	Обсессивно-компульсивные расстройства	1538,5	807,5	212,5	-4,539	0,000***
3	Межличностная сенситивность	1366	980	385	-2,382	0,017*
4	Депрессия	1751	595	0	-7,112	0,000***
5	Тревога	1751	595	0	-7,125	0,000***
6	Враждебность	1628,5	717,5	122,5	-5,777	0,000***
7	Фобическая тревога	1456	890	295	-3,63	0,000***
8	Паранойяльные тенденции	1561	785	190	-4,961	0,000***
9	Психотизм	1486	860	256	-4,19	0,000***
10	Тревога (HADS)	1751	595	0	-7,127	0,000***
11	Депрессия (HADS)	1751	595	0	-7,119	0,000***
12	Ситуативная тревога	1562	784	189	-4,777	0,000***
13	Личностная тревога	1751	595	0	-7,097	0,000***

Примечание: 1 – группа с кардиологическими заболеваниями; 2 – группа без кардиологических заболеваний; *$p < 0,05$; **$p < 0,01$; $p < 0,001$.

В данном случае мы снова можем утверждать о коморбидности тревожно-депрессивной и кардиологической симптоматики. В группе больных сердечно-сосудистыми заболеваниями тревога в большинстве случаев носит личностный характер, т.е. является устойчивой индивидуальной характеристикой личности, отражающей предрасположенность субъекта к тревоге. Этот факт позволяет нам предположить, что высокий уровень личностной тревожности является фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний.

Также мы предполагаем, что выяснение причин, вызывающих повышение уровня тревожности, дает возможность повысить эффективность психотерапевтической работы и создать благоприятные условия для лечения и адаптации кардиологических больных.

Проведенный нами корреляционный анализ по Спирмену позволил обнаружить статистически значимые взаимосвязи показателей тревожно-депрессивного расстройства в объединенных выборках людей, страдающих кардиологическими заболеваниями, и здоровых людей (без учета пола респондентов). Например, в группе людей, страдающих кардиологическими заболеваниями, были выявлены следующие значимые взаимосвязи исследуемых показателей (рис. 1).

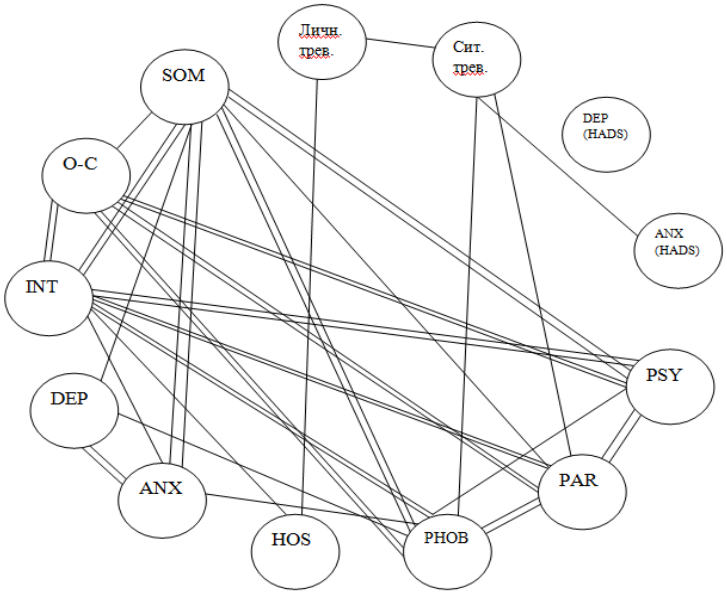


Рис. 1. Схема взаимосвязей показателей тревожно-депрессивного расстройства в группе людей, страдающих кардиологическими заболеваниями:

SOM – соматизация; O-C – обсессивно-компульсивные расстройства; INX – межличностная сенситивность; DEP – депрессия; ANX – тревога; HOS – враждебность; PHOB – фобическая тревога; PAR – паранойяльные тенденции; PSY – психотизм; ANX (HADS) – тревога по шкале HADS; DEP (HADS) – депрессия по шкале HADS.

Из приведенного выше рисунка мы видим, что между показателями «тревога» и «депрессия» имеется положительная корреляция на уровне значимости $p \leq 0{,}01$, что позволяет говорить о наличии тревожно-депрессивного расстройства. Обозначенные показатели имеют также прямую корреляцию с показателями «соматизация» и «фобическая тревога». Можно предположить, что наравне с тревожно-депрессивной симптоматикой присутствуют соматические проявления, которые также влияют на сердечно-сосудистую систему, при этом показатель «соматизация» имеет больше всего значимых корреляций. Вероятно, в случаях кардиальной патологии это отражает и реальные соматические нарушения и соматизацию тревожно-депрессивного аффекта. В свою очередь фобическая тревожность может входить в симптомы тревожно-депрессивного расстройства.

В выборке здоровых людей также были обнаружены статистически значимые взаимосвязи исследуемых показателей (рис. 2).

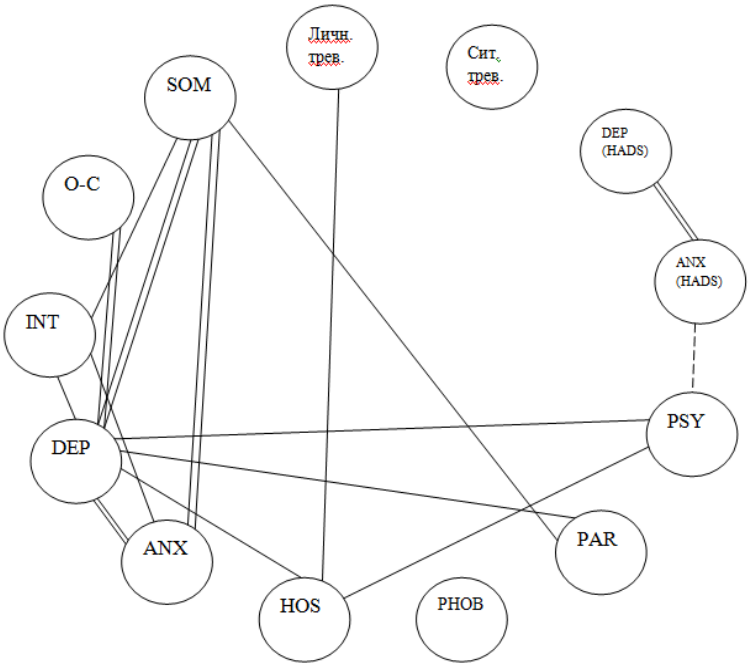


Рис. 2. Схема взаимосвязей показателей тревожно-депрессивного расстройства в группе здоровых людей:

SOM – соматизация; O-C – обсессивно-компульсивные расстройства; INX – межличностная сенситивность; DEP – депрессия; ANX – тревога; HOS – враждебность; PHOB – фобическая тревога; PAR – паранойяльные тенденции; PSY – психотизм; ANX (HADS) – тревога по шкале HADS; DEP (HADS) – депрессия по шкале HADS.

На рис. 2 мы видим, что взаимосвязей между показателями в выборке здоровых людей гораздо меньше, чем в выборке людей с кардиологическими заболеваниями. Интересным для нас представляется наличие отрицательной корреляции между показателями «тревога» (по шкале HADS) и «психотизм» на уровне значимости $p \leq 0{,}05$. Можно утверждать, что чем более здоровые люди склонны к проявлению тревожности, тем менее у них выражены шизоидность и изолированность. Следует отметить также, что наибольшее количество корреляций выявлено у показателя «депрессия». Вероятно, возникновение у здоровых людей депрессивной симптоматики оказывает наибольшее влияние на другие факторы психического состояния личности, или, наоборот, изменение одного или нескольких параметров психического здоровья может вызвать депрессию.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В выборках мужчин и женщин, страдающих кардиологическими заболеваниями, в большей степени выражены все исследуемые показатели, что свидетельствует о склонности данных испытуемых к проявлению тревожно-депрессивного расстройства по сравнению со здоровыми респондентами.

2. Тревожно-депрессивное расстройство при кардиологических заболеваниях характеризуется полиморфизмом психопатологических проявлений, что обосновано количеством связей с показателями тревожности и депрессии. Данная особенность может существенно усложнять клиническую картину сердечно-сосудистых заболеваний и тем самым замедлять процесс терапии.

3. Люди, страдающие кардиологическим заболеванием в большей степени склонны к проявлению тревожно-депрессивного расстройства.

Прикладное значение полученных данных состоит в возможности их применения в психотерапии тревожно-депрессивных расстройств у больных, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Также результаты исследования могут быть полезны для медицинского персонала, работающего с данной категорией пациентов.

Список литературы

1. *Волков В.С., Анталоци З.* Реабилитация больных, перенесших инфаркт миокарда. – М.: Медицина, 1982. – 232 с.

2. Депрессивное расстройство в общемедицинской практике по данным исследования КОМПАС: взгляд кардиолога / Р.Г. Оганов, Н.В. Погосова, С.А. Шальнова, А.Д. Деев // Кардиология. – 2005. – № 8. – С. 38–44.

3. Диагностика и терапия расстройств аффективного спектра в первичной медицинской сети: возможности и ограничения / В.Н. Краснов, Т.В. Довженко, Ю.Л. Ривкина и др. // Материалы Рос. конф. «Современные тенденции организации психиатрической помощи: клинические и социальные аспекты». – 2004. – С. 66–68.

4. *Довженко Т.В., Семиглазова М.В., Краснов В.Н.* Тревожно-депрессивные расстройства при сердечно-сосудистых заболеваниях // Доктор.Ру. – 2010. – № 4 (Неврология. Психиатрия). – С. 39–47.

5. *Долженко М.Н.* Депрессивные и тревожные расстройства в кардиологии: возможности комбинированной терапии антидепрессантом и антигипоксантом // Междунар. неврол. журн.; МНЖ. – 2013. – № 5. – С. 10–12.

6. Клиническое течение заболевания у пациентов с ИБС в сочетании с тревожно-депрессивными расстройствами на фоне длительной терапии антидепрессантами / А.Н. Репин, Е.В. Лебедева, Т.Н. Сергиенко и др. // Сибирский медицинский журнал (Томск). – 2010. – Т. 25, № 2-2. – С. 101–105.

7. Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / пер. на рус. яз. под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. – СПб.: Оверлайд. – 1994. – 303 с.

8. *Оганов Р.Г.* Распространенность депрессии в общей практике: масштабы проблемы // Материалы симпозиума «Депрессия в кардиологии: больше, чем фактор риска» III Российского национального конгресса кардиологов. – М., 2003. – С. 1–5.

9. Отчет ВОЗ. Психическое здоровье: усиление борьбы с психическими расстройствами // Информационный бюллетень. – 2010. – № 220.

10. Психокардиология: моногр. / А.Б. Смулевич [и др.]. – М.: Мед. информ. агентство, 2005. – 778 с.

11. Тревожная депрессия (клинико-психопатологическая и патопсихологическая характеристика) / Н.А. Марута, Т.В. Панько, Г.Ю. Каленская, В.Ю. Федченко // Таврический журнал психиатрии (Симферополь). – 2014. – Т. 18, № 2 (67). – С. 5–13.

12. Тревожно-депрессивные расстройства и ССЗ: клинические взаимосвязи и современные подходы к терапии / Ю.А. Васюк, Т.В. Довженко, М.В. Семиглазова, В.Н. Краснов // Сердце: журнал для практикующих врачей. – 2012. – Т. 11, № 3 (65). – С. 155–164.

Электронное научное издание

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1
Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2019

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска
Силина Елена Алексеевна

Ответственный секретарь выпуска
Баландина Людмила Леонидовна

Компьютерная верстка выполнена *Д.Г. Григорьевым*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф.71
тел. +7(342) 238-63-12
e-mail: rio@pspu.ru